

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:

Актуальные проблемы содержательного анализа
общественно-политических текстов

Выпуск I

Под общей редакцией доктора филологических наук,
профессора И.Ф. УХВАНОВОЙ-ШМЫГОВОЙ

Минск
1998

УДК 801.73
ББК 81.2.-7
М 54

Составление и общая редакция:
доктор филологических наук,
профессор И.Ф.УХВАНОВА-ШМЫГОВА

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор А.П.КЛИМЕНКО,
доктор филологических наук, профессор А.Е.МИХНЕВИЧ

Коллектив авторов:
Д.Г.Богушевич, д-р филол. наук, профессор (1.4)
А.М.Горлатов, канд. филол. наук, доцент (4.4)
И.А.Дылевский, журналист (6.2)
Н.А.Елсукова, зав. лаб. вычислит. техники, преподаватель (6.4)
О.В.Зернецкая, канд. филол. наук, доцент (6.1)
П.В.Зернецкий, канд. филол. наук, доцент (1.1)
А.М.Калюта, канд. филол. наук, доцент (3.4)
Е.В.Коршук, канд. филол. наук, доцент (7.2)
Э.Р.Лассан, д-р филол. наук, профессор (4.5)
Г.В.Максюта, канд. филос. наук, ст. преподаватель (2.2)
С.А.Наумова, канд. филос. наук, доцент (2.2)
Т.М.Пермякова, канд. филол. наук, доцент (3.2)
Е.Н.Поташкина, аспирант (3.3)
Е.Н.Руденко, канд. филол. наук, доцент (2.1)
А.Е.Супрун, д-р филол. наук, профессор (5.1)
Е.С.Суркова, канд. филол. наук, доцент (3.1)
Е.Г.Тарасевич, канд. филол. наук, доцент (4.1; 5.2)
Е.А.Тихомирова, канд. филол. наук, доцент (7.1)
И.И.Токарева, канд. филол. наук, доцент (1.2)
Г.Н.Третьякова, канд. филол. наук, докторант (4.2; 4.3)
И.Ф.Ухванова-Шмыгова, д-р филол. наук, профессор
(предисл.; введ.; 1.3; 5.3; 6.2; 6.3; 6.4; 7.2; Pro future)
Е.Е.Чижевская, преподаватель (5.3)

ISBN 985-445-018-X

© Коллектив авторов, 1998

М 54 **Методология** исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов.
Вып. 1 / Под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Мн.: Белгосуниверситет, 1998. – 283 с.
ISBN 985–445–018–X

Данная монография освещает ряд теоретических парадигм, методологических программ и конкретных методик, а также их использование в практических исследованиях открытого множества сложных языковых знаков: слова, предложения, текста, газетного издания, а также дискурсных пространств и их элементов (концептов) в сфере политической коммуникации. Работа в целом носит поисковый междисциплинарный исследовательский характер. Однако наличие теоретических обзоров, материалов к словарю и достаточно полной библиографии предполагает возможность ее использования также и в дидактических целях.

Содержит краткое изложение материала на английском языке (Synopsis).

Адресована широкому кругу студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений гуманитарных факультетов, исследователям СМИ и политической коммуникации.

УДК 801.73
ББК 81.2–7

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	8
Часть первая. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	
Раздел 1.1. Методология коммуникативно-функционального анализа	15
Раздел 1.2. Этнолингвистика и политический дискурс	27
Раздел 1.3. Каузально-генетическая модель	39
Раздел 1.4. Прагматическая исследовательская парадигма	52
Часть вторая. СЛОВО В ФОКУСЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	
Раздел 2.1. Дискурсивный анализ общественно-политической лексики 2-й половины XIX века	58
Раздел 2.2. Слово как раздражитель аудитории: к вопросу об исследовании семантических пространств политических понятий	67
Часть третья. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА	
Раздел 3.1. Семантико-синтаксическая структура политического текста	76
Раздел 3.2. Оценка как стержень структурной организации текста.....	82
Раздел 3.3. Ключевые слова как ориентиры понимания текста: проверка гипотезы	87
Раздел 3.4. Ключевое слово и содержание текста: диалектика взаимоотношений и критерии отбора	91
Часть четвертая. ДИСКУРС И СУБЪЕКТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ	
Раздел 4.1. Знание и мнение	100
Раздел 4.2. Ментальная схема «свой мир»	110
Раздел 4.3. Ментальная схема «чужой мир»	117
Раздел 4.4. Национально-культурный компонент политической рекламы	126
Раздел 4.5. Постулаты речевого общения в контексте «лингвистики лжи».....	131

**Часть пятая. ИНТЕРСУБЪЕКТНЫЕ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ
ПОЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Раздел 5.1.	Текстовые реминисценции в газетных текстах	141
Раздел 5.2.	Эпистемический статус авторского текста	148
Раздел 5.3.	Дискурс политика.....	159

**Часть шестая. ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
НА МАКРОУРОВНЕ**

Раздел 6.1.	Современные информационные технологии и политический дискурс	168
Раздел 6.2.	Газета как единица анализа	175
Раздел 6.3.	Газета – аудитория: типология речевого взаимодействия (на материале белорусской печати)	183
Раздел 6.4	Тематические поля газетного текста.....	196

Часть седьмая. ОБЗОРЫ

Раздел 7.1.	Метафора в политическом дискурсе	210
Раздел 7.2.	Дискурс средств массовой информации как объект исследования	217

PRO FUTURO	226
------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ.....	228
-------------------	-----

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ	236
----------------------------	-----

Краткая информация об авторах	248
-------------------------------------	-----

SYNOPSIS (Реферативное изложение содержания книги на английском языке)	
---	--

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий коллективный труд призван очертить и исследовать круг актуальных, однако, недостаточно изученных проблем. Он носит поисковый характер и выполнен в несколько непривычном для научных публикаций **жанре открытого монографического исследования**, объединенного общностью целей и задач и экспериментального по своим подходам и решениям.

Объектом нашего исследования является политический текст и/или политический дискурс. **Предметом** – всевозможные исследовательские парадигмы этого явления. **Целью** – взглянуть на политический текст и дискурс как на единое междисциплинарное исследовательское поле под углом зрения комплементарности и синтетичности различных методологических подходов и методических решений. **Задачей** – дать возможность начинающим исследователям, пришедшим в науку из разных школ и дисциплин, как лингвистических, так и общественных, подняться над дисциплинарными границами с тем, чтобы осознать целостность такого явления, как политический текст/дискурс, его многогранность и вместе с тем функциональное единство и деятельностную природу, осознать, сколь обширен изучаемый предмет и каково реальное место каждого из направлений.

Гуманитарное знание всегда обогащалось союзами различных гуманитарных наук и дисциплин, но наиболее плодотворными оказались союзы лингвистики, философии, и социологии. Семиология и лингвистическая семиотика, прагмалингвистика и лингвопрагматика, социолингвистика и лингвистическая социология, психолингвистика и дискурсивная психология, когнитивистика и герменевтика, этнолингвистика и этносемантика, неориторика и теория коммуникации – вот далеко не полный список таких союзов.

Понятно, что междисциплинарный подход не есть механическая сумма подходов. Он требует выработки своего категориального аппарата и создания своего метаязыка. Но синтезированная методика не исключает, а предполагает широкий круг внутродисциплинарных исследований. Они служат помимо своего прикладного значения, питательной почвой для теоретических изысканий, расширяя поле проблем и стимулируя углубленный анализ.

Настоящая книга – первая в серии изданий. Приступая к этой работе, мы преследовали достаточно прагматическую цель – создать ядро авторского коллектива, наметить основные направления исследовательской парадигмы, произвести экспериментальную проверку некоторых гипотез.

Эта книга вышла в свет благодаря энтузиазму небольшого коллектива. Так, мы выражаем глубокую признательность Адаму Евгеньевичу Супруну за поддержку идеи издания данного труда и компетентные советы, Игорю Антоновичу Дылевскому – за критический взгляд на материалы с позиции их

жанрового и композиционного решения, Наталье Альбертовне Елсуковой – за организацию всей технической работы и осуществление компьютерного дизайна, а также ее активным помощникам – Елене Евгеньевне Кучко, Екатерине Евгеньевне Трощенко, Людмиле Владимировне Соловьевой, Елене Николаевне Равинской, Наталье Вячеславовне Курилович.

Мы благодарны нашим рецензентам Анне Петровне Клименко и Арнольду Ефимовичу Михневичу, принявшим благосклонно этот труд, хотя и не без критических замечаний, которые постараемся по мере возможности учесть в дальнейших публикациях.

Наши слова признательности – редакторам реферативных материалов на английском языке Елене Владимировне Коршук, Елене Владимировне Макаровой и Дмитрию Георгиевичу Богушевичу.

Авторы благодарны также научно-исследовательской части Белгосуниверситета за поддержку данного направления исследований и Издательскому центру Белгосуниверситета, осуществившему публикацию издания.

Материалы, комментарии, замечания, пожелания присылать по адресу: 2200065 г.Минск, ул.К.Маркса 31, филологический факультет, к.109. Ухвановой Ирине Фроловне, Елсуковой Наталье Альбертовне.
e-mail: phse @ fef.bsu.unibel.by

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания монографического исследования методологические и методические вопросы изучения идеологически актуализированных текстов – политического дискурса.

Понятие дискурс пришло в лингвистику вместе с признанием необходимости выхода исследователя за пределы узкого понимания языкового знака как элемента системы, замкнутой на себе самой. Признание (реальное, а не декларативное) открытости языковой системы, проявляющееся в факте динамического взаимодействия знакового и реального мира, изменило исследовательские приоритеты. В частности, возросло значение исследований функционирования языка в период социальных перемен, характеризующийся, во-первых, вовлечением значительно большего числа людей в коммуникативные процессы на макроуровне; во-вторых, изменением коммуникативных условий – рождением как новых информационных технологий, так и новых типов текстов, новых жанров, новых дискурсов.

В свою очередь, лингвистика, раздробившаяся на множество узких дисциплин, ощущает потребность в объединении усилий при обсуждении таких актуальных тем, как дискурс власти и контрдискурсии.

Общение на макроуровне неизбежно приобретает социально-значимый характер, поскольку идеологическое начало плана содержания возводится в его доминанту, что максимально расширяет сферу функционирования политического дискурса. В этой связи мы видим необходимость оговорить широкое и узкое значение данного термина. Однако перед тем, как дать определение понятию «политический дискурс», полезно рассмотреть, как трактуется понятие «текст/дискурс» в современной гуманитарной науке.

В настоящее время в активе исследователя текста накопилось достаточно много методологических парадигм. Одна из них родилась вместе с **информационной теорией**, которая трактует текст как информационный след, саму же информацию – как устранение неизвестности. Теория вводит категорию «качество информации». В рамках ее анализа измеряются такие характеристики информации, как плотность, глубина, широта, выявляются индекс информативной ценности, читабельность, избыточность, разнообразие, оценочная направленность.

Культурологическое направление включает в исследовательскую парадигму субъектную ситуацию общения («в производстве текстов СМИ участвует и зритель/читатель»). Из этого следует, во-первых, возможность «своего прочтения» текстов адресатами (тексты СМИ либо открыты, то есть могут по своему трактоваться аудиторией, либо закрыты, а значит, имеют одно единственное прочтение), во-вторых, признание влияния на содержание исследуемого текста всего массива текстов, функционирующих в обществе (явление, получившее в культурологии название «интертекстуальность»). Однако основное внимание культурологи уделяют не субъектам коммуникации, а самому

тексту, взятому в его статике. Здесь доминируют структурные подходы (велико влияние семиологии и семиотики), когда анализ содержания направлен на выявление многоплановости текста, его потенциала (текстовая полисемия). Однако просматривается также влияние и литературно-критической исследовательской парадигмы (внимание к функционированию текстов с позиций их формы (жанровый анализ, нарративный анализ). Культурологическая установка реализуется с помощью лингвистических категорий, в частности, в ней находит применение категория модальности (исследование текстов с позиций реальности/ирреальности). Таким образом, это направление вплотную приближается к интердисциплинарной исследовательской парадигме.

Семиотико-структурное направление исследует обширный культурный и лингвистический контекст соотнесений (frame of reference), при этом тексты рассматриваются как процессы означивания и декодирования (путем взаимного «отражения» культуры и знаковой системы). Большое влияние на гуманитарные науки семиотической модели Ч.Пирса в виде треугольника привело к тому, что доминирующей стала та парадигма, которая имеет три вида содержания – денотативное, коннотативное и мифологическое (идеологическое), в то время как четырехпозиционная семиотическая модель Г.Клауса до настоящего времени не получила широкого распространения.

Перформативная (деятельностная) исследовательская парадигма (к лингвистике деятельности она не имеет прямого отношения) уравнивает знаковую деятельность с практической, а текст (как знак реальности) исследуется с позиций того, как он себя «ведет в обществе», насколько соответствует общепринятым нормам, в какой степени отражает объективное положение дел (шкала истинности/ложности).

Критическая исследовательская парадигма рассматривает типичный «контент» (содержание текста) в контексте неравенства, причины которого коренятся в различных формах дискриминации (социальной, этнической, политической, религиозной, гендерной и т.д.). Основная задача анализа текста сводится к тому, чтобы показать роль языка в возникновении и закреплении асимметричных отношений между людьми.

Лингвистическая исследовательская парадигма многолика и вбирает в себя многое из того, что выработала социальная наука. В настоящей работе мы не стремимся дать все лингвистические направления анализа текста и дискурса, да это практически и невозможно. Но то поле, которое мы охватили, представлено такими теоретическими направлениями, как функционально-деятельностная лингвистика, этнометодология, прагмалингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, каузально-генетическое моделирование, дискурс-анализ, контент-анализ. Практически все они выводят лингвистический анализ в область социальной науки, всем им есть что сказать о специфике функционирования политического дискурса и дискурса СМИ, все они значимы в дискуссии об исследовательских программах и выработке оптимальных методик изучения политического текста.

Но что такое текст и что понимается под дискурсом?

Можно было бы ограничиться определением дискурса как единицы речи, а текста как единицы языка. В принципе это было бы верным, однако недостаточным, когда мы входим в интердисциплинарное дискуссионное поле. Полагаем, что здесь требуется всесторонняя характеристика понятия «текст», которая бы объединила усилия, охватила все возможные подходы к его изучению и моделированию.

Мы считаем, что такое определение может быть сделано на базе каузально-генетической исследовательской модели (Ухванова-Шмыгова, 1995, 12-25), позволяющей синтезировать различные исследовательские установки и подходы. Эта теория рассматривает план содержания текста как с позиций его **статистики** (репрезентативная, феноменологическая характеристика содержания – phenomenon-biased content) и **динамики** (категориальная характеристика содержания – idea-biased content), так и с позиции **деятельности** (универсальная, функциональная характеристика содержания, включающая и репрезентативную, и категориальную). Причем во всех случаях мы стремимся выявить двустороннюю сущность всех элементов содержания, которая и обеспечивает его многоплановость, «многоликость», вечное движение и в то же время точность выражения и утилитарность.

Текст как динамическое явление (функциональная данность текста) включает в себя следующие аспекты:

1) текст – это коммуникативно-информативная категория: ее ядро формируется постоянным взаимодействием двух исходных композиционных (системных) элементов содержания – пропозиции и иллокуции. Данная содержательная дихотомия может быть прочитана как «предметно-ориентированное — субъектно-ориентированное содержание текста». **РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ**: передача чего-то кому-то.

2) текст – это познавательно-оценочная категория: процесс постоянного взаимодействия двух исходных (системных) композиционных элементов содержания – денотации и интерпретации, которые могут быть прочитаны как «знание – отношение». **РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИИ ПОЗНАНИЯ**: отражение реальности и ее оценка.

3) текст – это психосоциальная категория: взаимодействие двух исходных композиционных (системных) элементов содержания – сущности и смысла. **РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ, САМООСУЩЕСТВЛЕНИЯ**: индивид как творец (преобразователь) внутреннего и внешнего мира.

Текст как статическое явление (реальность и репрезентация), в свою очередь, предполагает учет следующих позиций:

1) текст – это действительность, освоенная рационально (структурно) и/или эмоционально (иерархически). **ТЕКСТ=КАРТИНА МИРА**;

2) текст – это знаковая действительность, освоенная индивидуально (линейно, то есть в поступательном движении) и социально (системно). ТЕКСТ=ЗНАКОВАЯ КАРТИНА МИРА;

3) текст – это субъектное взаимодействие (кортеж), освоенное как ценность (иерархически) и как ритуал (линейно). ТЕКСТ = ИНТЕРСУБЪЕКТНАЯ (МЕЖСУБЪЕКТНАЯ) КАРТИНА МИРА;

4) текст – это знаковое субъектное взаимодействие (знаковый кортеж), освоенное как жанр (системно) и как композиция/сценарий (структурно). ТЕКСТ=ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА.

Эти параметры позволяют охватить весь диапазон возможностей содержательного анализа текста в его статической данности.

Текст как знак (деятельностная характеристика текста) проявляет себя в следующем:

1) текст – это прагматический знак. Прагматика выражает себя в знаке через социализацию действительности и индивидуализацию речевого поведения (текст есть поступок индивида). Таким образом, основные направления изучения текста как прагматического знака рассматриваются с позиций прагматики отражения и прагматики поведения. ТЕКСТ КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЗНАК ЕСТЬ СОЦИАЛЬНО ПРОДУЦИРУЕМАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ (ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОСТУПОК).

2) текст – это познавательный знак. Познание наделяет мир личностными смыслами (отражение каждым субъектом «своего» фрагмента мира), но осуществляет это в типовых поведенческих моделях (текст есть социально-заданная поведенческая форма). Таким образом, изучение текста как познавательного знака есть изучение его участия в познавательной деятельности индивида и социума. ТЕКСТ КАК ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК ЕСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНО ПРОДУЦИРУЕМАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ (СОЦИАЛЬНЫЙ ПОСТУПОК).

3) текст – это синтагматически связанный (организованный) знак, а значит, его содержание зависит от межтекстовых линейных взаимодействий. Иначе говоря, его содержание прочитывается благодаря его включенности в отобранные социумом (исторически зафиксированные) секвенции («цепочки») текстов, которые, однако, могут трактоваться индивидами по-разному. ТЕКСТ ЕСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ, ОТКРЫТАЯ ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (индивид строит свой ряд текстов и тем самым свое содержание).

4) текст – это парадигматически связанный знак, а значит его содержание зависит от межтекстовых системных взаимодействий. В данном случае его содержание прочитывается благодаря его включенности в текстовые поля, которые, хотя и предопределены индивидуальной деятельностью, но прочитываются только с позиций социальной значимости. ТЕКСТ ЕСТЬ ДЕЯ-

ТЕЛЬНОСТЬ, ОПРЕДЕЛЕННАЯ СИСТЕМОЙ, т.е. закрытая (индивид выбирает значение из социально определенных парадигм текстов).

Рассмотрение понятия «текст» в треугольнике «функция-репрезентация-деятельность» дает направление координаты для развития понятия «политический текст» и его изучения в синтезированном прочтении.

Таким образом, мы подходим к понятию «текст» в максимально широком диапазоне, который охватывает все исторически значимые трактовки текста.

Понятие «дискурс» существует относительно недолго, однако оно (так же как и понятие «текст») многозначно и многопланово. Само понятие «дискурс» пришло к нам вместе с понятием «дискурс-анализ» (discourse-analysis, Textlinguistik), когда внимание исследователя стало переключаться с текста на «затекст». Наиважнейшим становится контекстное поле, в частности социальный контекст, а затем и знаковый контекст (интертекстуальность – текстовые поля и текстовые секвенции). В результате понадобилось включить в анализ текстов такие категории, как жанр, нарратив, сценарий (литературоведческая парадигма), фрейм, миф (эпистемическая парадигма), аудитория, роль, статус (социологическая парадигма), интерпретация (герменевтическая парадигма). Как мы видим, дискурс-анализ игнорирует не только границы каждого конкретного текста, но и дисциплинарные разграничения, приобретая статус междисциплинарного исследовательского направления.

И все же при всей широте подхода понятие «дискурс» является более узким, чем понятие «текст». Дискурс – это (так же как и текст) деятельность, феномен и функция одновременно. Но в дискурсе деятельность сужена до ее социально-ориентированных речевых проявлений. В свою очередь, при рассмотрении дискурса в качестве феномена (следа), оставленного деятельностью, акцент делается на то, что это феномен (след) социально-ориентированной речевой деятельности (социологический документ), «прочитанный» лишь с этих позиций (см. дискурс власти, гендерно-маркированный дискурс и др.). Наконец, дискурс, если и рассматривается с позиций его функциональной нагрузки, то лишь в функции социальной ориентации и организации.

Несмотря на то, что мы стремимся максимально охватить поставленную проблему, данная монография не претендует на всесторонний анализ таких сложных феноменов, как «политический текст» и «политический дискурс». Это скорее попытка обозначить поле исследования и продвинуться на отдельных направлениях.

Исчерпывающие определения политического текста и дискурса как деятельности, явления и функции еще впереди: они возможны лишь как вывод из многосторонних исследований, но не их предпосылка.

В качестве рабочей гипотезы предлагаются следующие определения.

Политический текст – это вербализованная политическая деятельность во всех ее проявлениях: как знаковых/символических (номинативная и аккумуля-

лятивная деятельность), так и незнакомых (тексты-перформативы). Это понятие охватывает тематический объем и стилевые особенности реализованной в языке и средствами языка политической активности.

Политический дискурс – это совокупность политических дискурсов социума: дискурса власти, контрдискурсии, публичной риторики, закрепляющих сложившуюся систему общественных отношений либо дестабилизирующих ее.

Данная монография имеет следующую структуру.

Первая часть – поле обсуждения методологических посылок, сформировавшихся в рамках различных лингвистических направлений и дисциплин. Здесь, в частности, представлены исследовательские парадигмы функционально-деятельностного подхода, этнолингвистического, каузально-генетического, прагмалингвистического. Практически все предлагаемые исследовательские программы характеризуются интегративными тенденциями и могут рассматриваться в качестве основания для прикладных методик дискурсивного анализа политического текста.

Во второй части мы с методологического уровня переходим на уровень исследовательских алгоритмов. Глава представлена двумя материалами. Это – взгляд лингвиста на политический дискурс с учетом исторического контекста и психолингвистическое исследование семантических пространств дискурса, проведенное политологами. Раздел демонстрирует неизбежность пересечения интересов и исследовательских алгоритмов у представителей гуманитарных и социальных наук.

Третья часть переносит акцент на исследование сложного языкового знака – текста. Здесь рассматриваются возможные методики изучения политических текстов как содержательно-функциональных единств. К раскрытию полифункционального объекта авторы подходят с разных сторон. С помощью операции предикации (преобразования пропозиционных предикатов в элементы семантической структуры) вскрывается семантико-синтаксическая структура текста; рассматривается текстообразующая способность эмоционально-оценочных компонентов содержания. В заключение с разных позиций – анализа процесса порождения и понимания текста – предпринимается попытка оценить значение ключевых слов для реализации идеи текста, наметить пути их выявления и изучения.

В четвертой части обсуждается поле субъектной репрезентации политического текста как единицы языка и речи (с учетом письменного и устного характера коммуникации). Рассматривается в когнитивном и дискурсивном аспектах специфика функционирования в политическом дискурсе знаний и умений. Исследуются две ментальные схемы «свой мир – чужой мир». Изучаются материалы политической рекламы с целью выявления специфики формирования этого типа текстов в национально актуализированном кортеже. Проводится анализ текстов средств массовой информации с позиций такого направления современной науки о языке, как лингвистика лжи.

Пятая часть посвящена исследовательской парадигме, получившей обоснование в работах представителей белорусской лингвистической школы. Ее рождение было отмечено появлением термина «кортеж», которое потребовало пересмотра структуры субъектной ситуации общения, включения коммуникантов в единое межсубъектное поле, и закреплено идеей свертывания субъектной ситуации общения в «семантическое ядро» текста, введением в дискурс лингвистики каузально-генетической модели. Логическое продолжение стартовой идеи выражено переходом к изучению лингвистами «текстовых реминисценций» и «текстовых полей». (Следует отметить, что те тенденции, которые развиваются данным направлением, совпадают с тенденциями развития мировой науки, правда, не в контексте лингвистических исследований, а в рамках такой дисциплины, как теория коммуникации). В этой части обсуждается возможность изучения текстовых реминисценций, проводится анализ дискурса субъектов политики.

В шестой части рассматриваются социальные и языковые последствия новых информационных технологий, прослеживаются основные аспекты взаимодействия различных типов дискурса.

Принимая посылку, что не только отдельный газетный номер, но и периодическое издание в целом есть единый текст (некий инвариантный текст), авторы проводят контент-анализ материалов издания (в одном случае всех материалов нескольких номеров, в другом – тематически заданных материалов) и дают типологические характеристики печатных СМИ Беларуси.

Использование компьютерных программ открывает новые перспективы качественного и количественного анализа сложных языковых знаков (текста, газетного издания). Первые опыты в этой области позволили разработать и апробировать на практике эффективную методику.

Седьмая часть представляет поле исследований политического дискурса в зарубежной и отечественной гуманитарной науке. Так, в первом разделе дается обзор последних работ, посвященных проблеме изучения политической метафоры. Второй раздел посвящен работе известного английского специалиста в области массовой коммуникации Нормана Фэаклу, в которой он предлагает свою программу изучения общественно-политических текстов.

Монография адресована всем, кого интересуют вопросы теории и практики исследования текста, – филологам, социологам, политологам, психологам, культурологам, специалистам таких областей знаний, как теория коммуникации и дискурс-анализ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Раздел 1.1. Методология коммуникативно-функционального анализа

Целью коммуникативно-функционального описания дискурса является установление соотношений и зависимостей между планами сообщения, содержания и формы единиц речевой деятельности. Описание взаимоотношений синтаксического (лексико-синтаксического), семантического, сигматического и прагматического аспектов единиц речевой деятельности помогает представить динамическое, деятельностно-ориентированное описание производства дискурса как совокупность способов целенаправленного, осмысленного использования говорящим арсенала имеющихся в конкретном языке средств. Такая ориентация исследования во многом продолжает дидактическую традицию риторики на новом витке развития семиотически- и деятельностно-ориентированной лингвистики. Конечным итогом коммуникативно-функционального исследования дискурса, сочетающего семиотический и деятельностный подходы к описанию языка, является описание области закрепленных в речевой практике функциональных подсистем языковых средств. Они выступают в качестве основных показателей наличия определенных соотношений формы, содержания и сообщения в каждом конкретном отрезке речевой деятельности – дискурсе, а в личностно-деятельностном измерении дискурса сигнализируют об использовании в нем автором той или иной комбинации речевоздействующих сил, к которым мы относим аргументирующую, мотивирующую, аккумулирующую и предписывающую (прагматическую) силы. Комбинация семиотического и деятельностного подходов позволяет соотнести системные и функциональные характеристики конкретного естественного языка. Те проявления языка, которые в статическом, собственно системном ракурсе семиотика традиционно трактует как аспекты функционирования языкового знака (синтаксический, семантический, сигматический, прагматический), в личностно-деятельностном ракурсе получают новую интерпретацию в качестве возможных сфер (глобальных типов) речевых действий с помощью языковых знаков коммуникативного уровня.

В личностно-деятельностном ракурсе семиотические отношения между языковыми знаками приобретают определенный смысл. **Синтаксическое отношение** «языковой знак – языковой знак» применительно к процессу коммуникации должно прочитываться так: существует глобальный тип таких речевых действий адресанта, который вызывает появление ответных речевых действий со стороны адресата. Это действия с исходной интенцией спрашивания.

Прагматическое отношение «языковой знак – адресат языкового знака» получает следующее смысловое наполнение применительно к речевому общению: существует глобальный тип речевых действий адресанта та-

кого рода, который непосредственно ориентирован на достижение искомой адресантом (неречевой/речевой) активности адресата. Ими являются речевые действия с исходной интенцией побуждения.

Семантическое отношение «языковой знак – его понятийное (интенциональное) содержание» получает в личностно-деятельностном измерении интерпретацию: существует глобальный тип речевых действий, применяемых адресантом для передачи адресату знаний (как определённой интегративной суммы понятий). Исходную интенцию таких речевых действий составляет повествование.

Сигматическое отношение «языковой знак – его референтное (экстенциональное) наполнение» применительно к процессу речевого общения конкретных коммуникантов получает следующее прочтение: существует глобальный тип речевых действий, применяемых адресантом для описания им элементов жизненного пути адресата (прошлого/настоящего/будущего) как определенной совокупности его мнений (представлений о непосредственно известных адресату референтах используемых адресантом языковых знаков) с целью побуждения адресата к определенной речевой/неречевой активности. Исходную интенцию речевых действий подобного типа мы называем мотивацией или скрытым побуждением.

Анализируя **интегративные свойства дискурса как целостного речевого действия** в ряду ему подобных с семиологических позиций, мы совершаем системное описание функционирующего языка, языка в действии. Речь в этом случае может идти об использовании адресантом той или иной комбинации элементарных речевоздействующих сил при доминировании одной из них в составе обобщенной коммуникативной силы дискурса. В то же время, интерпретируя языковые знаки коммуникативного уровня в определенном тексте (предикативные единицы, предложения, последовательности предложений и т.д.) **как единицы речевой деятельности** (речевые акты, речевые шаги, речевые ходы и т.д.), мы обязаны распределить их функциональные свойства как аспекты функционирования данных знаков в их традиционном понимании: семантическом, сигматическом, синтаксическом (лексико-синтаксическом) и прагматическом.

Таким образом, **коммуникативно-функциональный анализ дискурса состоит из двух взаимодополняющих процедур:**

1) распределения языковых знаков определенного текста путем раскрытия всех аспектов их функционирования – синтаксического, семантического, сигматического, прагматического в иерархии перехода от плана формы (синтаксис) – к плану ситуативно-определенного содержания, т.е. конвенциональному смыслу (сигматика), и, наконец, – к плану сообщения (прагматика). В этом ракурсе рассмотрения наблюдается показанное в лингвистике доминирование семантики над синтаксисом, а прагматики – над семантикой;

2) определения на основе распределения языковых знаков данного

текста путем установления их семиотических функций лингвистического статуса информационного следа единиц речевой деятельности, образующих целостное речевое действие – соответствующий дискурс; установления его интегративных системных особенностей с учетом полученных на первом этапе анализа синтаксических, семантических, сигматических и прагматических характеристик единиц речевой деятельности, составляющих дискурс.

Центральной интегративной единицей речевой деятельности, находящей отражение в своем информационном следе – устном/письменном тексте, является дискурс. Коммуникативно-функциональное описание, по нашему мнению, предполагает рассмотрение взаимодействия синтаксических, семантических и прагмалингвистических особенностей текста и его компонентов в ракурсе деятельностного подхода к языку. В тексте как единице речи представлена система функционально-лингвистических характеристик речевой деятельности. В нее входят коммуникативно значимые параметры ситуации речевого общения (сценарии коммуникативных событий), коммуникативно-ролевой аспект статусов и программ речевого поведения каждого из коммуникантов в соответствии с ходом развертывания речевого события, применяемые ими речевые стратегии и тактики при выполнении программ речевого поведения и ряд других характеристик. Они непосредственно реализуются системой единиц речевой деятельности, к которой мы относим речевой акт (минимальную единицу речевой деятельности), речевой шаг (минимальную самостоятельную единицу речевой деятельности, состоящую из речевого/речевых акта/актов с единой иллокутивной силой), речевой ход (речевой/речевые шаг/шаги коммуниканта от момента вступления в общение до смены говорящего), речевое взаимодействие двух или более коммуникантов и речевую трансакцию (речевое событие). Основным критерий выделения и описания единиц речевой деятельности, как и следует из их онтологического статуса, – функциональный.

Дискурс характеризуется такими коммуникативно-функциональными параметрами, как:

1) предельность и одновременно отсутствие строгих структурных ограничений. Дискурс может включать в себя любое количество и перечень единиц речевой деятельности: от последовательности двух и более речевых актов до множества речевых событий;

2) системность, заключающаяся в соблюдении закономерностей продуцирования любого дискурса и его составляющих описываемыми ниже регулярными способами речевой деятельности (сигматическими, семантическими, прагматическими, синтаксическими);

3) функциональная завершенность и коммуникативная определенность конкретного дискурса. Этот параметр собственно деятельностный (функциональный) и служит, как следует из коммуникативно-функционального подхода к исследованию, основным смысловозначитель-

ным в реальной коммуникации и выделительным в научно-исследовательской практике критерием перехода единиц речевой деятельности в конкретный дискурс языковой личности.

Дискурс может рассматриваться как коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов и текст, создающийся в процессе общения. В дискурсе находят отражение фрагменты действительности – внешняя по отношению к дискурсу ситуация, являющаяся содержательным предметом, темой общения, и коммуникативная среда или конситуация, составляющая предметное окружение коммуникантов во времени и пространстве в процессе языкового взаимодействия. Данное определение дискурса не противоречит пониманию его как центральной интегративной единицы межличностного общения. Оно дополняет такое определение субстанциональным компонентом, указывая на природу участвующих в межличностном общении объектов окружающего мира.

Речедеятельностное пространство дискурса многомерно. Разносторонняя разработка понятийного аппарата семиотики применительно к лингвистике позволяет распространить, с учетом особенностей речевой деятельности, основные характеристики описания языкового знака на его функционирование в условиях реальной коммуникации. К таким характеристикам языкового знака относятся прежде всего аспекты описания отношений, в которые он вступает с объектами речевой/неречевой действительности: сигматический, прагматический, синтактический. Первый из них выражает связь между языковым знаком и отражаемыми в нем объектом/объектами окружающего мира, второй – связь со своим значением, третий – создание и использование языкового знака людьми, четвертый – связь языкового знака с другими себе подобными. Применительно к разрабатываемой нами лингвистической модели речевой деятельности аспекты языкового знака могут рассматриваться в коммуникативно-функциональном плане как координаты речепроизводства (коммуникативного развертывания) дискурса.

Сигматическая координата – это координата коммуникативного развертывания адресантом личностных смыслов с учетом их соотношенности с окружающей действительностью на основе собственного опыта познавательной деятельности. Такие смыслы имеют характер мнения.

Семантическая координата описывает область содержательной интерпретации знака, отражающую отношение знака и его мыслительного эквивалента (значения) и несущую в себе совокупность знаний о мире через установленную и используемую в социуме систему понятий, категорий и т.д. о нем. Установленность понятия может быть описана следующим образом: оно находит свои референты в возможных мирах, задаваемых личностными системами смыслов коммуникантов (как минимум, исходя из возможности интерпретации этого понятия адресантом на основе других понятий, известных ему).

Различие между семантической и сигматической информацией только адресатоцентрическое и наблюдается в речевом взаимодействии с конкретным адресатом. Способы речевой деятельности, лежащие в основе аргументации и мотивации, на надпонятийном, пропозициональном уровне организации содержания дискурса являются общими и могут называться семантическими.

Прагматическая координата связывает создание и использование в речевом потоке единицы речевой деятельности с прогнозируемым действием соответствующего текста на адресата и его ответной речевой/неречевой активностью.

Синтактическая координата описывает совокупное аккумулирующее (накопляющееся) речевое воздействие на адресата единицы/последовательности единиц речевой деятельности в рамках одного дискурса.

Коммуникативно-функциональное пространство дискурса интегрирует речевоздействующие силы четырех вышеназванных координат и описывает совокупное речевое воздействие на адресата, планируемое автором дискурса.

Применительно к дискурсу конкретной языковой личности реализованные речевые действия в этих измерениях принимают характер использованного потенциала данных координат в виде применяемого адресантом соответствующего арсенала сигматических, семантических, прагматических и синтактических способов речевой деятельности: сигматикона, семантикона, прагматикона и синтактикона языковой личности.

Речедеятельностное пространство конкретного дискурса языковой личности рассматривается нами как соответственно развернутая по данным координатам интеграция элементарных речевоздействующих сил: аргументирующей (семантика), мотивирующей (сигматика), прагматической (прагматика) и аккумулирующей (синтактика).

Вектором аргументирующей силы назовем тот объект или явление, на семантическое описание которого ориентирован дискурс. Семантическая информация регулируется критерием истинности/ложности смыслов. Такая информация может не быть общей для адресанта и адресата. Вектором мотивирующей силы назовем тот перечень объектов или явлений, которые тесно связаны с личностью адресата и создают фонд общих знаний коммуникантов. Сигматическая информация предназначена для сигнализации адресантом адресату о наличии у них такого фонда общих мнений и регулируется критерием искренности/неискренности.

Аргументирующая сила дискурса, таким образом, является производной от величины вектора семантической информации, содержащейся в дискурсе, и направлена, как и остальные речедеятельностные силы, на адресата дискурса.

Мотивирующая сила дискурса, соответственно, является производной от величины вектора сигматической информации, содержащейся в дискурсе.

Аккумулирующая сила проявляется в дискурсе, содержащем вопрос или состоящем более чем из одного речевого акта. Она описывает эффект усиления/ослабления совокупности сил трехмерной плоскости пространства дискурса «сигматикасемантика-прагматика» по четвертой координате – «синтактика». Аккумулирующая сила, таким образом, может строить свое действие на неоднократном, в соответствии с количеством единиц речевой деятельности одного ранга, речевом воздействии на картину мира адресата, воздействии, протяженном во времени и речевом пространстве, или на речевом воздействии, требующем от адресата ответных информативных речевых действий.

Прагматической силе свойственна целевая речевоздействующая направленность на адресата дискурса. Она открыто проявляется в «прямых» (нетранспонированных) речевых актах и четко ориентирует адресата на произведение/непроизведение ответных речевых/неречевых действий.

Элементарные речевоздействующие силы (аргументирующая, мотивирующая, прагматическая, аккумулирующая) названы таковыми по своей основной коммуникативно-функциональной ориентации – на адресата. Если принять во внимание отношение их к автору, то эти силы можно определить как речемыслительные. Отношение их к виду активности автора (адресанта) определяет их как речедеятельностные.

Учитывая вышесказанное, мы, однако, останавливаемся на первом термине (речевоздействующая сила) как рабочем, ввиду того, что объектом нашего исследования является дискурс как центральная интегративная единица межличностного общения, и рассмотрение элементарных коммуникативных сил проводится именно в этом контексте.

Все элементарные речевоздействующие силы расширяют по соответствующим координатам четырехмерное пространство дискурса, тем самым увеличивая его коммуникативную силу.

Коммуникативная сила – это пространственно-временная интеграция аргументирующей, мотивирующей, прагматической и аккумулирующей сил конкретного дискурса. В случае участия всех их в образовании речевоздействующего пространства дискурса она приобретает объемно-фронтальный, корпускулярно-волновой характер воздействия на личностные смыслы адресата, прогнозируемые автором дискурса и подвергаемые реальному воздействию с помощью опредмеченной формы дискурса – текста. Чем объемнее четырехмерное пространство дискурса, тем больше личностных смыслов концептуальной картины мира адресата с помощью соответствующего текста оно затрагивает и трансформирует.

Приведенные рассуждения позволяют дать определение некоторым ключевым понятиям коммуникативно-функциональной лингвистики:

Коммуникативное намерение – это намерение автора дискурса использовать в качестве коммуникативной одну/несколько/все из речевоздействующих сил дискурса для решения речевой/неречевой задачи общения.

Коммуникативный замысел – это планирование автором дискурса использования определенной последовательности способов речевой деятельности (сигматических, семантических, прагматических, синтаксических) в конкретной ситуации речевого общения.

Таким образом, коммуникативное намерение и коммуникативный замысел соотносятся как глобальное (общее) и конкретное на стадии планирования речевой деятельности.

Речедеятельностная направленность дискурса может рассматриваться с когнитивно-логической точки зрения как эпистемический суперпредикат дискурса. При переходе дискурса в речь данный суперпредикат, отражающий интегрированную коммуникативно-функциональную установку пропозициональной части дискурса, может быть эксплицитно/имплицитно выражен языковыми средствами, принимая вид эпистемического предиката тематического (топикального) предложения в тексте. Сущность речевого воздействия аргументирующей силы – в изложении знания.

Знание отчуждаемо. Это общее достояние. Изложение отчужденного знания непосредственно влияет на картину смыслов (концептуальную картину мира) адресата, минуя его мотивационные структуры в оптимизированном общении, не находя «сопротивления» в личностной мотивации адресата. Таким образом, аргументация воздействует на мотивационную сферу языковой личности опосредованно, через знание, однако в силу своей опосредованности такое косвенное мотивирующее воздействие знанием, в случае его наличия, невозможно предотвратить речевыми способами иначе как прекратив общение.

Мотивация – противоположно направленный речевоздействующий процесс. Излагаемые адресантом факты (явления, события) окружающего мира, тесно связанные с личностью адресата, в случае их обсуждения с ним и тем более подтверждения, а иногда и отрицания становятся своего рода знанием отдельного социума. Объективация жизненного опыта адресата, элементов его мотивационной сферы превращается в объективизированный общением аргумент в пользу реализации речевоздействующего намерения адресанта.

Обыденная философия речевого воздействия – это философия «отягощения адресата знанием», трансформации его картины мира целенаправленными личностными смыслами, опредмеченными в тексте, и, тем самым, воздействия на его дальнейшую речевую/неречевую активность. Можно предположить, что результирующим адресатом центрическим суперпредикатом любого высказывания, начинающим действовать сразу же после получения речевого сообщения адресатом, является: «Теперь ты знаешь (Вы знаете), что...». Данная посылка объясняет интеракционную роль выраже-

ний типа: «ты знаешь» (англ. You know), «я имею в виду» (англ. I mean, I guess). Кроме этого, в пользу результирующего суперпредиката речевого общения свидетельствует существование в естественных языках целого класса оформляющих речевых актов. Это метавысказывания типа «как указывалось ранее...», «из вышеупомянутого следует...» и т.п. для письменной речи и «как я уже говорил ранее» и другие для устной речи, которые, по нашему мнению, могут в дискурсивном анализе рассматриваться как косвенные речевые акты с исходным коммуникативно-функциональным содержанием: «Я напоминаю Вам о том, что Вы уже знаете, что...».

Результирующим суперпредикатом любого дискурса является предикативная конструкция: «Теперь Вы/ты знаете/знаешь, что...». В соподчиненной предикативной единице «что...» выражается смысловая часть дискурса, передаваемая текстом. Результирующей базовой суперпредикат с глаголом «знать» присутствует в коммуникативной структуре любого продуцированного в текст дискурса знания, что является подтверждением собственно семантической ориентированности этого типа дискурса.

Структура результирующих суперпредикатов других элементарных типов дискурса (желания (1), долженствования (2), возможности (3)) состоит из базового суперпредиката с глаголом «знать», а также глагола, вынесенного в название элементарного типа дискурса соответственно:

- (1) «Теперь Вы/ты знаете/знаешь + желаете/желаешь...»
- (2) «Теперь Вы/ты знаете/знаешь + должны/должен...»
- (3) «Теперь Вы/ты знаете/знаешь + можете/можешь...»

Порядок следования предикатов пропозициональных установок в дискурсивном суперпредикате зафиксирован в языке и отражает основные коммуникативно-значимые параметры ситуации речевого общения: собственно процесс коммуникации (глагол говорения/письма/) + процесс ментальной локализации суждения /пропозиции/ (глагол полагания) + коммуникативное намерение адресанта относительно адресата (глаголы речевоздействующей пропозициональной установки конкретного вида дискурса). Глаголы, отражающие коммуникативное намерение автора дискурса, подразделяются на глаголы, передающие автороцентрическую коммуникативную установку и адресатоцентрическую коммуникативную установку.

Аргументирующий дискурс в качестве интегрированного (дискурсивного) инициального суперпредиката будет иметь выражение типа «я говорю (пишу), что я думаю (полагаю), что я знаю, что Вы теперь знаете (будете знать), что...», за которым следует пропозициональное содержание дискурса. Фиксированный, строгий порядок следования глаголов «думать» и «знать» в качестве предикатов пропозициональной установки закреплен в естественном языке и исследован в лингвистике. Приемлемым с точки зрения языкового узуса является конфигурация: «Я думаю, что я знаю, что...», но не: «Я знаю, что я думаю, что...».

Для дискурсов мнения интегрированные инициальные суперпредикаты будут иметь следующий вид:

1) Мотивирующий дискурс (дискурс желания): «Я говорю (пишу), что я думаю(полагаю), что я знаю, что Вы желаете (будете желать)...».

2) Прагматический дискурс (дискурс долженствования): «Я говорю (пишу), что я думаю (полагаю), что я знаю, что Вы должны (будете должны)...», за которым следует пропозиция, описывающая искомое речевое/неречевое действие адресата.

3) Аккумулятивный дискурс (дискурс возможности): «Я говорю (пишу), что я думаю (полагаю), что я знаю, что Вы можете (ответить)...». В пропозициональной части данного дискурса располагается обычно последовательность речевых актов, тематическим (топикальным) из которых является прямой/косвенный вопрос.

Наличие суперпредикатов данного вида подтверждается тем, что в реальной речевой деятельности адресат может отрицать любую из пропозициональных установок исходного суперпредиката дискурса с той или иной степенью искренности/неискренности. Речевые способы (стратегии, тактики, приемы) отрицания/подтверждения интегративного инициального суперпредиката адресатом и результирующего – автором назовем дискурсивными.

Предложенное описание координат, сил и векторов четырехмерного пространства дискурса позволяет перейти к описанию типов дискурсов в соответствии с доминированием в них одного/нескольких параметров их речевоздействующих пространств.

Элементарными типами дискурсов назовем дискурсы, в которых явно доминирует одна из речевоздействующих сил. Основной речевоздейственной силой дискурса знания является сила аргументации. С этой целью в векторе дискурса располагаются истинные/неистинные (по координате «семантика») факты (объекты, явления) окружающего мира в соответствующем личностным смыслам автора дискурса способе изложения.

Дискурс знания ориентирует адресата на ответные речевые/неречевые действия обилием семантической и малым количеством открыто задаваемой регулятивной (прагматической) информации, вплоть до ее отсутствия. Информационное воздействие с помощью аргументирующей силы дискурса направлено на изменение целого ряда отдельных составляющих общей концептуальной картины мира адресата и рассчитано адресантом, наряду с реализацией конкретных краткосрочных целей общения, на модификацию определенных особенностей дальнейшей мыслительной и материальной деятельности адресата в целом. Дискурс такого типа строится на основе применения дедуктивного/индуктивного семантического способа развертывания информации и/или их сочетаний и основывается на принципе опосредованного такой информацией «косвенного» убеждения адресата в целесообразности выбора, как правило, прямо не указанных направлений

ответной речевой/неречевой деятельности. Таким образом, достигается наибольшая свобода выбора адресатом дальнейших решений и самостоятельность их принятия. Это – разговор на языке фактов, а не указаний.

Диалектика использования дискурса знания заключается в том, что знание расширяет свободу выбора дальнейшей умственной/материальной активности адресата и одновременно ее ограничивает, поскольку в дискурсивной форме оно является целенаправленно структурированным комплексом семантической (истинной/неистинной) информации, воздействующей на многие элементы картины мира адресата, – социальный, этический, психологический и др.

Отрицание речевоздействующей силы дискурса знания предполагает несогласие адресата с истинностью изложенных в нем фактов (явлений, событий) окружающего мира. Подвергнуть отрицанию коммуникативные намерения автора дискурса в этом случае невозможно в силу их невыраженности в речи. В дискурсе в качестве тематических (топикальных) речевых актов чаще всего выступают утверждения (в иной терминологии – констативы).

Истина – это путь познания информации, и дискурс знания направлен на то, чтобы адресат его прошел по координатам, проложенным автором дискурса.

Дискурсы мнения (желания, долженствования, возможности) по отражаемым в них личностным смыслам автора более непосредственно, чем дискурс знания, ориентированы на сферу материальной (речевой/неречевой) деятельности адресата. Основной речевоздействующей силой дискурса желания является сила мотивации. С этой целью в векторе дискурса искренне/неискренне излагаются факты (события, явления) окружающего мира, тесно связанные с личностью адресата.

Обилие гипотетически/реально связанной с личностью адресата сигматической информации и малое количество (вплоть до ее отсутствия) открыто задаваемой регулятивной (прагматической) информации ставит перед адресатом задачу выбора своего дальнейшего речевого/неречевого поведения, исходя из повторения/неповторения своего прошлого жизненного опыта. В этом заключаются речедеятельностные ограничения и свобода выбора, задаваемая дискурсом желания: общение с опорой на мотивы и в конечном итоге на формируемые (с помощью дискурса) и прогнозируемые его автором желания адресата.

Отрицание речевоздействующей силы дискурса желания предполагает выражение адресатом сомнения в искренности адресанта, истинности приведенных фактов (явлений, событий). Тематическими в таком дискурсе могут быть такие речевые акты, как обвинение (акьюзив), угроза (менасив), все виды косвенных указаний (директив) и др.

В целом дискурсы знания и желания с помощью аргументирующей и мотивирующих сил и соответствующих векторов задают весь спектр таких

явлений речевой деятельности, которые в прагмалингвистике называются «косвенными речевыми актами».

Наиболее прагматически ориентирован дискурс долженствования. Его смысловая сторона бедна, отсутствуют (или почти отсутствуют) аргументирование и мотивирование. Соответственно, при отсутствии семантического и сигматического компонентов, дискурс долженствования направлен на стимулирование определенной ментальной/материальной активности адресата (говорящего/пишущего) со стороны адресанта. Продуцирование такого типа дискурса не требует от его автора речемыслительных усилий по развитию его аргументационной и /или мотивационной частей. В этом состоят смысловая элементарность и доминирующая прагматическая ориентированность дискурса долженствования, о чем свидетельствуют ответные высказывания типа «командовать/давать советы проще всего».

Прагматической направленностью достигается высокая степень экономии речемыслительных усилий адресанта, одномерность ориентации речевоздействующего пространства дискурса на адресата и, в конечном итоге, малая свобода выбора ответных речевых/неречевых действий у адресата. Она состоит лишь в согласии/несогласии выполнить указанное в дискурсе действие.

В дискурсе долженствования в качестве тематических употребляются «прямые», нетранспонированные речевые акты – указание (директива), приказание (инъюнктив) и пожелание (реквестив), а также другие, выделяемые различными исследователями речевые акты – регулятивы.

Дискурс возможности основывается на действии аккумуляющей силы, которая строго направлена на получение от адресата информации любого вида: сигматической, семантической или прагматической. Все речевые акты – вопросы (квестивы) ориентированы на такую речевую и, в случае наличия смыслов по другим координатам, неречевую ответную активность адресата. Ориентация воздействия данного дискурса на сферу материальной деятельности адресата подтверждается логико-лингвистическими исследованиями смысловых связей, в которые может вступать глагол «мочь» в разных своих значениях. Этот глагол, имеющийся в естественных языках, как правило, не сочетается с глаголами ментально-эмоциональных состояний и глаголами ментальных актов, что свидетельствует о заложенной в языке направленности дискурса возможности на мир «внешних» (речевых/неречевых) действий адресата.

Исходя из приведенного выше теоретического коммуникативно-функционального анализа речевоздействующих пространств элементарных дискурсов, предположим, что они могут быть классифицированы по величине речемыслительных усилий их автора, объему вкладываемого в них фонда его знаний об окружающем мире.

Наиболее сложным с этой точки зрения является дискурс знания, использующий семантическую информацию, за ним следуют дискурсы мнения: дискурс желания, содержащий общий для коммуникантов фонд мне-

ний, дискурс долженствования, передающий лишь регулятивную /прагматическую информацию, и, наконец, дискурс возможности, направленный на запрос информации различного типа у адресата.

По степени сложности речевоздействующего пространства дискурсы могут быть классифицированы на элементарные и комбинированные, в которых используются две, три или все четыре возможные речевоздействующие силы, функционирующие в четырехмерном пространстве речевой деятельности. К комбинированным дискурсам, таким образом, будут принадлежать: (1) аргументативно-мотивационный; (2) аргументативно-аккумулирующий; (3) аргументативно-прагматический; (4) мотивационно-аккумулирующий; (5) мотивационно-прагматический; (6) прагматико-аккумулирующий дискурсы, использующие наборы двух названных речевоздействующих сил; (7) аргументативно-мотивационно-прагматический; (8) аргументативно-прагматико-аккумулирующий; (9) мотивационно-прагматико-аккумулирующий, в которых задействованы по три речевоздействующие силы, и, наконец, (10) аргументативно-мотивационно-прагматико-аккумулирующий дискурс, в той или иной мере использующий все координаты четырехмерного пространства речевой деятельности. Коммуникативная сила последнего является пространственно-временной интеграцией всех из перечисленных речевоздействующих сил.

При рассмотрении типологии комбинированных типов дискурсов следует учитывать также то, что они могут иметь в качестве доминирующих не все, а часть из используемых речевоздействующих сил. Такое соображение доводит количество типов комбинированных дискурсов до 54. В реальном речевом общении дискурсы имеют, как правило, комбинированный характер, особенно если они состоят более чем из одной единицы речевой деятельности.

Раздел 1.2. Этнолингвистика и политический дискурс

Политический дискурс по существу является выражением всего комплекса взаимоотношений между человеком и обществом, и, таким образом, это явление по сути своей функционально направлено на формирование у реципиентов некоторого фрагмента мировосприятия или картины мира. Иными словами, политический дискурс – это в чистом виде фактор языкового контроля, явления, которое находится в центре внимания современной этнолингвистики. Поэтому, используя политический дискурс в качестве пробного камня, можно понять, как в разных языковых коллективах моделируются культурные ценности, как пропагандируется социальный порядок, какие элементы языковой картины мира остаются за пределами сознательных речевых стратегий говорящих, как формируется концептуальная картина мира, присущая каждому языковому коллективу. С этой точки зрения мы посмотрим на возможности каждого из направлений этнолингвистики: этносемантики, этнографии общения, этнометодологии.

Предмет и задачи этнолингвистики. Растущий интерес мировой лингвистической науки к этнографическому описанию речевого поведения представителей разных языковых коллективов логически вытекает как из общей тенденции антропологизации науки, так и из потребности разобраться в сложнейших межэтнических и межнациональных проблемах современного мира. Этнолингвистика все более уверенно входит в круг ведущих областей науки, становится связующим звеном между лингвистикой, психологией, социологией, политологией. Чтобы понять и оценить место этнолингвистики в исследовании «политического» аспекта дискурса, необходимо остановиться на некоторых базовых понятиях этой науки, понятиях методологического характера.

Исторически этнолингвистика началась с регистрации фактов несовпадения в речевом поведении языковых коллективов: отношение к количеству речи, точности, беглости, эмоциям, юмору и пр. Первые американские описания, инспирированные знакомством с экзотическими языками индейцев, не имели ничего общего с лингвистическими методами, носили чисто описательный характер и служили вспомогательным материалом для этнографов. Отсюда – вся американская этнолингвистика, начиная с Дж. Уайта и Ф. Боаса, оценивалась как дисциплина описательная, эмпирическая, даже противопоставленная теоретической лингвистике и не претендующая на статус теории.

Появление же **научной этнолингвистики** можно с уверенностью отнести к началу 60-х годов, ко времени формирования школы Д.Хаймса, определившего этнолингвистику как «этнографию речи» – область изучения моделей **коммуникативного** поведения как систем культуры. Эта наука была призвана охватить все социолингвистические исследования от семантики до интерактивного поведения под углом зрения их этнической (межъязыковой) ва-

риативности и привести к пониманию роли языка в контексте социальной жизни языковых коллективов (Hymes, 1962). Более того, новая этнолингвистика должна была преодолеть этноцентризм ранних исследований, интерпретировавших всякое специфическое речевое поведение в оценочных терминах, приписывавшихся национальным характерам. Поэтому важнейшим шагом этнолингвистики нашего времени было признание постулата о том, что в самом феномене этноспецифической семантизации смысла нет ничего оценочного, определяемого по шкале «хуже-лучше». Это не значит, однако, что все методологические проблемы, связанные с особенностями «национального духа» языка, нашли свое решение (см.: Токарева, 1996).

Внешние различия в речевом поведении языковых коллективов уже в наше время приводят исследователей к мысли о существовании некоторых **речемыслительных стереотипов**, преобладающих в языках. Эти стереотипы, выявляемые на уровне лингвистического анализа, именуются исследователями как «линейные», «нелинейные», «рекурсивные», «абстрактные», «конкретные» и др. (см. об этом подробнее: *Directions*, 1987). В некоторых случаях эти особенности связываются с психологическими характеристиками говорящих на данном языке, а в некоторых – с особенностями семантизации содержания средствами данного языка.

Возьмем, к примеру, идею Б. Бернштейна об «ограниченном» и «свободном» кодах как признаках языков: ограниченный код вроде бы способствует более сильному контролю языка над мышлением говорящих благодаря многочисленным клише, ритуальным формулам и строгому соблюдению конвенциональных правил языкового выражения. Свободный код, присущий другим языкам, вроде бы открывает возможности для осмысленного критического подхода к языковому выражению и – мышлению. Этот вывод связывается Бернштейном напрямую с ролью религии, моделями семьи и политического управления, социальными традициями (Bernstein, 1971). Однако ведь клишированность и конвенциональность присущи всем языкам и степень их употребительности всегда контекстуально обусловлена, связана с другими признаками, такими, как «открытость» и «закрытость», «грамотность» и «точность», предлагаемыми другими исследователями (Saville-Troike, 1988). Все выявляемые признаки речемыслительных стереотипов находятся между собой в сложном взаимодействии в этнолингвистических моделях одного языка, что доказывает несостоятельность идей, приписывающих современным языкам некоторого одного, пусть и очень сложного признака.

Естественно, даже накопив богатый эмпирический материал и выработав некоторые принципы речеведческой интерпретации, этнолингвистика не смогла еще объяснить в полной мере национальное речевое поведение как динамическое соотношение структуры и семантики языка (включая онтологию образов, номенклатуру жанров, диалектов и стилей, структурирование дискурса) – с одной стороны, и этнопсихологии языковых коллекти-

вов – с другой. Причем взаимоотношение этих двух феноменов предполагает их взаимную детерминированность. Это осложняет процесс речедеятельностного моделирования, которое в этнолингвистике должно показать, как социальное действие в контексте одной этнокультуры соответствует аналогичному действию в другой.

Современные направления в этнолингвистике. Этнолингвистика как наука должна была выработать свой концептуальный аппарат, таксономию понятий и единиц анализа как культурных моделей. Поиск этих моделей и определил современные направления этнолингвистики: этносемантику, этнографию речи (общения) и этнометодологию, каждое из которых по своему приближается к пониманию так называемой языковой картины мира как культурного конструкта, создаваемого традиционным образом жизни языкового коллектива и активно влияющего на него, как это и представлено в теориях-гипотезах лингвистической относительности (ср. первую и вторую гипотезы лингвистической относительности Б.Уорфа (1956) и Д.Хаймса (1962)).

Этносемантика выросла из первичных описаний значений слов с так называемым культурным компонентом, отражающим социальную организацию, ролевые отношения и ценностные категории в языковых коллективах. Позже этносемантические исследования охватили способы социального маркирования в языках, вопросы языковой политики, т.е. традиционно социолингвистическую проблематику, но при этом рассматривая ее под углом зрения разных языковых культур, что не было присуще социолингвистике. Однако, несмотря на расширение объекта этносемантических исследований, всегда оставался и остается спорным вопрос о том, насколько категоризация опыта посредством словаря языка (впоследствии сюда подключились и исследования грамматической семантики) контролирует мышление говорящих. Приведем такой пример.

Образцом распространения этносемантики на «политический» аспект коммуникации может служить проблематика лингвистического феминизма, опирающаяся на представление о языковой семантике как инструменте поддержания социального неравенства полов (см. подробнее: Токарева, 1996). Суть аргументации, разрабатываемой «феминистами от лингвистики», заключается в доказательстве способности слов языка, обозначающих ролевые, статусные, профессиональные позиции полов, влиять на представление о предписываемых им обществом функциях и качествах. Подтверждения черпаются из разных языков, что вроде бы доказывает универсальность постулата. В английском языке характерными примерами выступают все имена профессий с суффиксом «man», узуальное синтагматическое соотношение «doctor – he, nurse – she», как бы лишаящие женщину права претендовать на некоторые роли в обществе. В результате распространения подобных этносемантических исследований в политических средах и средствах массовой информации в последнее десятилетие сформировался новый

тип регулятивного правила речевого поведения в официальных сферах: «Не допускайте сексизм в языке». Распространяемые в учреждениях и учебных заведениях печатные правила так называемого «политически корректного поведения» подробно перечисляют те языковые формы, которые оказались в разряде некорректных, дискриминационных, и предлагаются их более корректные заменители-эвфемизмы: policeman – law enforcement officer, fireman – firefighter, freshman – first-year student, mankind – humanity и т.д. Аналогично предписывается избегать в официальной переписке обращения «Dear Sir», если есть вероятность того, что получатель может оказаться женщиной. Так, к настоящему времени в американском обществе развернулась настоящая политическая борьба с языком как борьба за равенство полов.

Для нас в этом феномене многое представляется спорным и надуманным. Действительно, языковая картина, способ мировидения отражены в семантике языка, но не всякий элемент этой картины актуально влияет на формирование концептуальной картины. Активно влиять на систему взглядов и социальные стратегии поведения может только то в языке, что мотивировано, осознаваемо, варьируемо, а не то, что конвенционально, ритуально, немотивировано для членов языкового коллектива. Поэтому феминистические рассуждения и особенно их пропаганда если не лишены полностью социального смысла, то все равно запутывают картину соотношения языка и социальной психологии, так как не учитывают различия в степени социальной мотивированности элементов семантики.

С одной стороны, языковая семантика действительно служит средством контроля над мышлением и утверждения некоторой идеологии, что происходит, например, в случаях тщательного подбора политических терминов с прозрачной идеологической коннотацией в каждом языковом коллективе (Не «Bombing», а «Air support», не «Agitation», а «Propaganda», не «Black», а «African American» и т.д. – известные примеры политически предпочтительных терминов, использовавшихся в языковом коллективе в условиях разных политических компаний).

С другой стороны, определенная (и значительная) доля языковой семантики хранится в подсознании, она лишена возможности актуально влиять на формирование системы идеологических ценностей внутри самого языкового коллектива и проявляет свою этническую специфичность только при сопоставлении с некоторой другой этнической семантикой. В этих случаях внутриязыковая конвенциональность или немотивированность семантики в современном языке не влияют на интенциональное содержание. Мы относим сюда не только контактоустанавливающие формулы (например, в русском языке не имеющие актуальной референции к Богу – «спасибо» или состоянию здоровья – «здравствуйте»), но и многие чисто условно-языковые структуры, эксплуатируемые феминизмом. Но в любом случае нельзя отрицать того, что даже выведенная на уровень осознанного упот-

ребления из «подсознания» языковая семантика может впоследствии оказать активное влияние на социально-политический процесс в любом языковом коллективе. Так, описанный выше процесс превращения неосознаваемого языкового стереотипа в осознанную языковую стратегию привел к контролю за политически значимым речевым поведением коммуникантов, начался встречный активный процесс регулирования своего и чужого социального поведения в обществе.

Этносемантике для более убедительного описания «духа» языка всегда не доставало учета динамики социальных контекстов, в которых могут осуществляться социально значимые действия. Так зародилась этнография **речи/общения**, изучающая то, как язык используется разными языковыми коллективами для передачи культурных ценностей и социальных структур, как ситуативная речевая деятельность поддерживает и сохраняет эти ценности и структуры.

Исходными понятиями для этнографии речи послужили, конечно, принципы кооперации Г. Грайса (Grice, 1975), теории вежливости Дж. Лича (Leech, 1983), П. Браун и С. Левинсона (Brown, Levinson, 1987), социолингвистическое моделирование языков в терминах социолектов, жанровые исследования теории текста и другие теории, устанавливавшие как бы универсальные принципы речевого поведения в обществе. Этнография речи поставила целью определить степень универсальности одних категорий, неуниверсальность других — и все с точки зрения специфического взаимовлияния этнокультур и языков. Под этим углом зрения получили новое толкование и принципы Грайса, и номенклатура речевых актов, и постулаты вежливости, и прочие категории и понятия прагматики, социолингвистики, теории жанров. Так, например, этнография речи поставила под сомнение универсальность прагматики «положительной» и «отрицательной» вежливости в этнокультурных языковых традициях (Matsumoto, 1989), предложила свой метод классификации речевых ситуаций, событий и актов как этнокультурных конструкторов (Hymes, 1962), во-многом определяемых традицией и психологическими доминантами «коллективизма – индивидуализма». Речь рассматривается здесь как некоторым образом организованная иерархия культурных событий, узнаваемых и соответствующих по структуре и функциям социальным ожиданиям языкового коллектива. Такой подход превращает этнолингвистику из описательной в интерпретирующую науку.

Интерпретативный аспект этнолингвистики, отличающий ее, например, от дескриптивизма и эмпиризма социолингвистики, особенно ясно выразился в **этнометодологии**, автором которой считается Г. Гарфинкель (Garfinkel, 1986).

Этнометодология ставит своей целью изучение когнитивных бытовых (commonsense) процедур, которые лежат в основе конструирования социальных миров индивидами. При этом речь, естественно, представляется не только одной из процедур, но и частью конструируемого социального мира.

Этнометодолог, пытаясь описать особенности имеющегося у него под рукой материала, старается составить представление о практической цели деятельности членов коллектива. Пути описания и организации этой деятельности и социальной практики как работы, производимой в сценах повседневной жизни, направлены в этнометодологии на выявление процедур конструирования смысла социального порядка. Этнометодологи работают на множестве засвидетельствованных или возможных речевых фрагментов, отражающих структуру и организацию социальной деятельности, которая организуется с помощью языка, и диагностирующих процесс реализации социального процесса. Сегментирование и категоризация таких фрагментов осуществляется по-разному, включая, например, этноспецифические «категории разговора» у Д.Хаймса, коммуникативные акты, фрагменты жанрового характера, как у Э.Вентолы (1990), схемы (сцены, фреймы) и пр. В любом случае этнолингвистические фрагменты – это конкретное выражение взаимоотношения между данным языком, культурой и обществом в их пересечении. Этнометодологическое же моделирование речевого поведения идет в двух направлениях: выявление универсальных принципов языковой репрезентации социального поведения и этнокультурных модификаций этих принципов в языковых картинах.

Этнические стереотипы в политическом дискурсе. Даже краткое описание этого направления в лингвистике наводит на мысль о его методологической уместности для постижения природы и функций политического дискурса как социально значимой культурной модели в разных социумах. Что же из концептуального аппарата этнометодологии можно использовать в этой работе?

Возьмем, к примеру, явление *конвенциональности*, которое лежит в основе узнаваемости фрагментов коммуникации как устойчивых, принятых в обществе правил формирования поведения, что делает общение «священной церемонией поддержания общества во времени» (Currie, 1975, 6).

Говоря о конвенциональности, мы имеем в виду явление стереотипизации (или типизации) поведения, которое проявляется на разных уровнях: в выборе жанра или другого модуса поведения, социально значимого для достижения коммуникативной цели; в выборе коммуникативных актов, соответствующих представлениям о дистанции и власти в межличностных отношениях, в выборе свободной или ритуальной формы выражения интенции в соответствии с традициями и возможностями языка и культуры, в выборе наиболее рациональной текстовой модели и модели аргументации т.д. Хотя эти возможности выбора универсально присущи языкам, у нас нет сомнения в том, что каждая из форм обладает особой социальной прагматической знаковостью в языковых коллективах. Причин тому несколько. Различие в отношениях к способам вербализации намерения может, например, быть связано с представлениями об оригинальности речи. Конвенциональные семантические формы (клише, идиомы, шаблоны), несомненно, дифференци-

руют сферы общения, снимают разночтение, устанавливают межличностные отношения (особенно ярко это проявляется в ритуальных коммуникативных действиях). Но некоторые языковые коллективы рассматривают их как антипод творческой речи и творческого мышления, что связано с большей или меньшей формализацией других сфер культуры, с уровнем демократизации, индивидуализации в обществе в целом. Поэтому мало смысла в анализе «универсальной» внекультурной прагматики ритуальных семантических формул безотносительно к традициям культур.

Или возьмем идею о *категориях речи*, соотносимых в некотором смысле с жанровой дифференциацией поведения. Этнокультуры отдают разное предпочтение таким моделям, как спор, убеждение, дискуссия, «создание шума», сплетня, мистификация, беседа и пр. У разных народов разные категории могут быть определителями одного и того же коммуникативного события в соответствии с принятыми нормами общения. Д.Карбо видит в этом влияние «голоса культуры», который одновременно и открывает некоторые возможности для организации речи, и ограничивает эти возможности. Так, некоторые категории разговора предполагают выражение благоволения, некоторые — неодобрения, в одних требуется достоверность, в других — эмоциональность (Carbaugh, 1990). А так как отношение к выражению каждой из этих категорий есть отголосок прошлого, культуры, традиций, то ясно, что модели коммуникации обладают разной социальной знаковостью в смысле выраженного в них социального процесса и социальных императивов (гармония, агрессивность, индивидуализм, коллективизм, равенство и пр.).

Эти и другие императивы можно найти и на уровне текстообразующих форм внутри одной категории разговора. Так, например, считается, что в способах метафоризации, повествовательных секвенциях, степени детализации содержания, линейности или рекурсивности повествования скрыты определенные социокультурные символы, которые не ощущаются самими говорящими, но при этнометодологическом анализе проявляют себя как культурная норма сочетания социального и индивидуального, как отражение того, как реальность, в которой мы живем, является продуктом структуры мышления или культуры, как культурные нормы проступают через индивидуальности говорящих.

Этнический компонент проявляется и в способе *рефлексирования* о себе. Например, в различиях эмоционально-субъективного плана: демократическое («западное») общество характеризуется линейным и тематическим жизнеописанием как нормой. В то же время представители более патриархальных культур демонстрируют большую рекурсивность повествования. У первых преобладают «привязки» к личностному опыту, у вторых — к социально значимым событиям. Так, конвенциональность речевого поведения отражает ценностные акценты этнокультур, выявить которые можно только на основе сопоставления с альтернативным характером речевого поведения, выражаемо-

го в иных речемыслеительных стереотипах. Мы же считаем и сам процесс формирования дискурса языковым стереотипом.

Вернемся к политическому дискурсу и «примерим» к нему концептуальный аппарат этнометодологии. Прежде всего, из всех видов коммуникативных действий для «политического» дискурса наиболее характерно интенциональное действие «убеждение», проявляющееся в разных этноспецифических модусах-поступках. Эти этнокультурные модусы создаются сложным переплетением двух видов стереотипов: языковых, связанных с семантическими преференциями самого языка, и коммуникативных, связанных со сложившимися нормами поведения и ценностными критериями в обществе.

К **языковым стереотипам** можно отнести способы номинации, референции, предикации в их прагматических значениях, а также распределение и соотношение различных «стилистических» средств. Взятые вместе они составляют языковой стереотип формирования дискурса как структуры социального порядка (соотношение между формой и социокультурной ценностью). Аналогично система стилеобразующих черт по-разному преломляется в этнокультурных вариантах универсального действия «убеждение» в соответствии с традициями и ожиданиями коллективов. Это касается предпочтительного использования книжного, разговорного, возвышенного и пр. элементов, формирования таких речеповеденческих категорий дискурса, как многословие, сдержанность, эмоциональность, логичность, красноречие и других. Иными словами, убеждение эффективно в том случае, если оно осуществляется по принципам, отражающим устоявшиеся манеры поведения и взаимоотношения в коллективе. С другой стороны, выработанные таким образом стереотипы убеждения сами регулируют взаимоотношения людей, требуя от них соответствующего социального поведения, хотя, будучи по своей природе стереотипными, они обычно не осознаются как таковые внутри коллективов до тех пор, пока эти стереотипные способы вербализации не нарушаются и воспринимаются именно как убеждение.

В отличие от языковых стереотипов, не связанных напрямую с поведенческим аспектом языка, **коммуникативные стереотипы** — это проявление конвенционального речевого поведения, включенного в интерактивную деятельность и регулирующего социальный процесс. Коммуникативные стереотипы по своей мотивированности, степени формализованности и обязательности подразделяются нами на ритуальные (совершаемые в типичных ситуационных контекстах по традиционной форме, немотивированные с точки зрения современного коллектива) и неритуальные, представляющие собой конвенциональные формы поведения, формирующиеся постоянно под влиянием социальной практики, предполагающие возможность варьирования и творческого выбора в репертуаре говорящих. Примером может служить, беседа о политике между малознакомыми людьми.

Сюда относятся все устойчивые, повторяющиеся стратегии интенционального этнокультурного поведения, формирующие «категории разговора».

Далее — конституирующее действие коммуникативных стереотипов может выступать в двух функциях: свидетельствовать только о принадлежности коммуникантов к языковому коллективу как целому или диагностировать их различные социальные роли, то есть выполнять функцию социального символизма. Отметим, что этнокультуры по-разному оценивают как сами социальные роли, так и их проявление в речевом поведении. Понятия уместности, престижности, вульгарности и т.д. не являются универсальными применительно к речевому поведению и зависят (как и все коммуникативные стереотипы) от традиций и социально-психологических характеристик этнокультур. Соблюдение всей совокупности стереотипов в речевом поведении имеет важное значение как средство интеграции и солидаризации общества.

Естественно ожидать, что этнокультуры по-разному оценивают и воспринимают роль поведенческих стратегий и приписывают разные коммуникативные функции используемым в них языковым средствам. Различия могут быть связаны с представлением о субординации, этике, со взглядами на личность и роль эмоций. Эти культурно-психологические категории и взаимодействующие с ними языковые стереотипы и составляют фрагменты каждой языковой картины мира.

Напомним, что немаловажную роль в объяснении стереотипного поведения играет социально-психологическая типология этнокультур, пытающаяся объяснить поведение в терминах относительной важности таких ценностных принципов, как отношение к дистанции и власти, стремление к определенности, приверженность индивидуализму или коллективизму, мужественность-женственность (Hofstede, 1983). Эти принципы представляют собой фундаментальные параметры вариативности культур: относительное различие в восприятии социальных дистанций, статусов и рангов, уровень терпимости общества к нестандартному поведению и уровню вариативности поведения, относительную ценность имущества, достижений, качества жизни, межличностных отношений, отношение к приоритету личности или общества, независимости, самодостаточности, гармонии, солидарности и пр. Так, например, применяя параметры Хофстеда, исследователи установили, что американцы очень низко оценивают значение власти и дистанции (в сравнении с мексиканцами и японцами), мало значения придают разнообразности и неупорядоченности культурного поведения (в отличие от греков и португальцев), выше всех культур ценят индивидуализм и занимают среднюю позицию в определении своей «мужественности», которая наиболее выражена у японцев, немцев, австрийцев (Smith, Dugan, 1996). Разумеется, все эти показатели весьма относительны, но, тем не менее, они дают нам некоторое представление о ценностных ориентациях культур и социальных моделях концептуальной картины мира, которая, как мы увидим,

сложно и неоднозначно преломляется в языковой картине, тем самым уточняя или опровергая выводы психологов. Отметим попутно, что в отличие от психологов, этнометодологи не используют вопросники и другие формы эксперимента, который нарушает естественный речемыслительный процесс респондентов. Этнометодологи полагаются только на естественное речевое поведение, отличающееся в ряде случаев от формулируемых самооценок.

Рассматривая языковую картину мира, мы должны установить позицию анализирующего методолога. Это должна быть картина, наблюдаемая извне, впечатление или система, которая создается точкой зрения другого этнического поведения. Этнометодолог ставит себя в позицию внешнего наблюдателя, для которого все в чужом поведении когнитивно значимо и осознано. Именно эта точка зрения может дать нам возможность понять, как осуществляются коммуникативные действия и формируются поступки. В данном случае нас интересует «убеждение», которое в любой культуре должно строиться так, чтобы достичь своей цели: заставить реципиента поверить в его валидность и разделить мнение адресанта. Выбор стереотипных средств зависит от наших представлений о их ценности. Отнесем сюда некоторые: уровень дистанцированности и способы аргументации в американском варианте коммуникативного действия «убеждение».

Дистанции как аспекту коммуникативного процесса уделяется большое внимание в американском обществе. Дистанция – это часть этикета, который необходимо соблюдать для успешного общения. В речевом общении она должна, очевидно, выражаться в степени формальности-интимности взаимодействия, в сочетании позитивной и негативной вежливости, в категоричности-косвенности выражения суждений и пр. Разговорный стиль и позитивная вежливость уменьшают дистанцию, официальный стиль и негативная вежливость увеличивают ее, как бы подчеркивая отстраненность говорящего и автономную индивидуальность коммуникантов. Если такая посылка верна, то в речевом убеждающем поведении американцев, считающихся наиболее последовательными носителями индивидуалистической психологии, соответствующие черты должны быть явно ощутимы.

В целом «политический» дискурс должен формироваться по законам литературного жанра, предполагающего определенный стилевой уровень. Но способы и масштаб иностилевых (разговорных) вкраплений и сдвигов меняют ощущение дистанции и оказываются явлением этнокультурным, свидетельствующим о социальных отношениях. Какой политик может позволить себе использовать эту стратегию? Употребление диалектной или другой нестандартной формы общения в американской среде недопустимо для тех, кто общается с разными категориями людей. Использование диалектного или слишком специализированного профессионального языка могло бы породить ощущение дискриминации у тех, кто им не владеет. Диалектные элементы, напротив, допустимы в публичной речи губернато-

ров штатов, которые предпочитают выглядеть как выходцы из местного народа. У сенаторов и президента, представляющих центральную власть, речь должна быть стандартной, не ассоциируемой с одним региональным диалектом. Но убедительной ее могут сделать разговорные вкрапления, сниженная лексика, разговорный синтаксис (как было у Р.Рейгана) или экспрессивно-эмоциональные разговорные элементы (как у Б.Клинтона). Эти особенности задают определенную дистанцию между участниками социального процесса, а их вербализация представляет собой фрагмент языковой картины мира как «когнитивного подсознательного».

Для сравнения приведем ситуацию с трансляцией стилистических средств в русскоязычном «политическом» дискурсе. Во-первых, в русской среде существует иное отношение к диалектным элементам в речи политиков. Во-вторых, в последнее десятилетие в связи с изменениями в ценностных ориентирах социально-политической жизни изменился и спектр вербальных стратегических средств убеждения. Произошло резкое сближение языка политики с языком бытового общения. В результате то стереотипное соотношение стратегий, которое существовало в узусе русскоязычного коллектива ранее, оказалось нарушенным, что привело в внешнему сближению русского политического дискурса с англоязычным. Однако в русскоязычной среде это изменение пока не стереотипизировано: разговорная сниженность политического языка создает скорее впечатление отклонения от нормы, что несовместимо с понятием стереотипа. К тому же в англоязычной ситуации при всей свободе использования разговорных средств ощущается упорядоченность законов жанра: спор не должен переходить в грубость, разговорный словарь не должен опускаться до просторечия и вульгаризмов, то есть соблюдается дистанция, необходимая для поддержания социального процесса в духе демократичности и умеренной интимизации. Эти особенности-стереотипы языковой картины и задают требования к внешнему поддержанию отношений между политиками, журналистами и аудиторией.

Другим образцом этнически установившихся представлений о дистанции может служить эффект терминологии. В любом убеждающем этноязыке терминология создает эффект убедительности, обоснованности. Но именно в этом отношении русский и американский поступок «убеждение» проявляет свои особенности. Англоязычная политическая (и вообще – специальная) терминология в значительной степени сформирована на основе общедоступного родного языка и ближе для большинства членов языкового коллектива, чем создается ощущение большей приближенности к разговорному языку. К тому же в последнее время прогрессирует тенденция делативизации английской терминологической системы в целом при межпрофессиональном общении. Русскоязычный же политический дискурс приобретает свою «основательность» (как считается) за счет часто немотивированной заимствованной терминологии, прогрессирует тенденция к использованию неассимилированных англицизмов, что увеличивает дистанцию между по-

литиками и разными категориями реципиентов. Таким образом, и на этом уровне убедительность, точность действия создаются разными средствами в этноязыках и языковая картина дистанцированности коммуникантов уже не представляется столь однозначной. Напомним, что сами американцы придают большое значение дистанции и негативной вежливости, соответствующих их социопсихологической установке на индивидуализм.

Рассмотрим еще один элемент языковой картины, участвующий в создании эффекта убедительности. Этот эффект может создаваться разными способами детализации и описания объекта. В американском дискурсе принято держать объект постоянно в центре внимания, эксплицировать объект конкретными данными. Расплывчатость, «туманность» и абстрактное теоретизирование не являются для американцев убедительными способами доказательства. Языковые коллективы как бы по-разному «думают» о важных вещах, уделяют внимание разной информации и по-разному делают выводы. Г. Алтен приводит такой простой пример. Африканцы традиционно пересказывают истории, которые передают их мысли, а не излагают свои мысли об объекте эксплицитно. Японцы традиционно выражаются косвенно и оставляют за слушателем право делать выводы. Так, если американец может сказать другу: «Тебе это пальто не идет», то японец бы воспринял это как грубость. К тому же американец должен доказать, что его мнение основано на фактах и потому имеет под собой основу. Если студент, высказывая свое мнение, теоретизирует, его попросят доказать свою правоту фактами, без чего мнение не считается правомерным (Althen, 1988, 30-31). Соответственно американцы осознают свое недоверие к эмоциям и учат детей не обращать внимание на эмоциональные аспекты в спорах. «В своей подозрительности к эмоциональным проявлениям при аргументации американцы отличаются от многих других народов. Иранцы, например, привержены традиции эмоционального красноречия. Они любят цитировать выдающихся поэтов, выражающих те чувства, которые они хотят передать, стараются убедить слушающих в своей правоте не через факты, а через человеческие чувства, которые те должны с ними разделить». То есть здесь речь идет о разных способах языкового моделирования социальных миров в аспекте стратегий убеждения, что часто приводит к тому, что инокультурный убеждающий дискурс представляется нам неубедительным. Как в этом смысле выглядит русскоязычный поведенческий стереотип — один из интересных вопросов этнолингвистики, особенно учитывая тот факт, что славянские культуры не исследуются в социопсихологической типологии этнокультур.

В области структурирования «политического» дискурса американский и русский поведенческие стереотипы проявляются не столько в наборе тематических компонентов (посылка-аргумент-вывод), сколько в характере их текстуальной организации и взаимосвязи, составляющей тематическое единство. В русскоязычном дискурсе аргументы, доказывающие некоторый тезис, представляются более многочисленными и пространными. Они могут

относиться к нескольким посылкам одновременно, формулировка вывода из каждой посылки не является обязательной и может оставаться в подтексте, непосредственно наблюдавшиеся факты не столь обязательны. Стереотипы же американского аналогичного типа дискурса предполагают более четкое структурирование речи по блокам: посылка-аргумент-вывод, которые связываются скрепами, указывающими на причинно-следственные связи и как бы возвращающими внимание к объекту мысли («Here we have said», «Therefore...»). У русскоязычного слушателя нередко создается от этого поведения чувство избыточности и тривиальности из-за иной организации мыслительного объекта и представлений о способах аргументации. М.Строинска, например, установила некоторые закономерные впечатления, приводимые друг на друга польскими и англоязычными ораторами. Казалось, что поляки воспринимают англоговорящих ораторов как самоуверенных и настырных, а англоговорящие – польских ораторов как некомпетентных и неуверенных в себе (Stroinska, 1996). Источник разных стратегий поведения, разумеется, остается в подсознании: даже выбирая форму и модус аргументации, говорящие на родном языке не отдают себе отчет в этнокультурной обусловленности выбора, что и является признаком стереотипизированного поведения.

Традиция этнометодологического анализа речевого поведения, таким образом, ориентирована на изучение структуры и семантики дискурса как проявления этнокультурных стереотипов разной степени осознанности в языковой модели мира, которая создается как ресурсами языка, так и социопсихологическим складом этносов, и которая способна, в свою очередь, влиять на социальный процесс, объединяя языковой коллектив и расставляя в нем необходимые ценностные акценты и осуществляя тем самым определенный контроль над мышлением.

Мы привели здесь небольшой фрагмент этнометодологического подхода к одному типу дискурса и одному коммуникативному интенциональному действию. При этом мы видим свою задачу в том, чтобы привлечь внимание отечественных лингвистов к этой весьма актуальной области научного исследования, находящейся на стадии становления.

Раздел 1.3. Каузально-генетическая модель

Каузально-генетическая модель разрабатывалась нами с учетом аналитического опыта семантики (структурного, функционального, деятельностного) к изучению языка) с тем, чтобы создать целостную систему интерпретации плана содержания сложного языкового знака (текста) как единой, дифференцированной структуры.

Исходным пунктом теории стала посылка о необходимости включения языка в более широкий социальный контекст, который находит отражение в понятии кортежа. Вторым шагом явилось признание диалектического

противостояния и единства динамики и статики языковой материи (реализации и системы), что в конечном счете и определило структуру объяснительного принципа теории (дихотомии, квадрумы, четырехугольники). Наконец, третье базисное положение о принципиальном различии сущности и явления позволило построить модели процессов порождения и понимания сложных языковых образований (текстов и комплексов текстов).

Важная особенность каузально-генетической теории заключается в том, что она моделирует содержательную сторону языковых знаков не только различных уровней (слово, предложение, текст) и не только отдельных, пусть даже очень крупных языковых образований (газетный номер, телевизионная передача), а целую серию таких сообщений, принадлежащих коллективному коммуниканту, как, например, газетное издание. Каким образом это возможно сделать?

Во-первых, для этого в модель включены все необходимые условия функционирования языкового знака. В ней нашли отражение двусторонняя сущность знака (значение – значимость), референция, системная организация ситуации использования и пользователи знака (Соссюр, Фреге, Пирс, Моррис, Клаус), а также фактор социальной среды (кортеж, дискурсная общность). Благодаря этому модель приобрела внутреннюю способность к саморегуляции, что позволило перейти к построению более адекватной и эвристически ценной концепции плана содержания.

Различение факторных (длительного действия) и фактумных (результатирующих) причин позволило обосновать постулат о диалектическом противостоянии и единстве динамических и статических характеристик знака.

Динамика понимается нами как вовлечение знака, с учетом всех его содержательных сторон, в процесс коммуникации (производства и воспроизводства языковых образований), в котором все элементы содержания приходят в движение и, благодаря симметричности модели, это движение неизбежно приводит к постоянным трансформациям и перегруппировке составляющих. Именно признание не только возможности, но и необходимости такой перегруппировки позволяет открывать новые аспекты содержания в знаках в процессе их функционирования. Таким образом, модель приобретает эвристическую ценность: зная взаимозависимость различных элементов содержания и их возможные сопряжения, мы в состоянии осуществить прогноз поведения языковых знаков в процессе реального функционирования более точно и в более широком диапазоне действия.

В качестве механизма преобразования и перегруппировки элементов содержательной структуры знаков выступает серия дихотомий, в которой все элементы содержания попарно объединены и противопоставлены, причем каждый раз в новом соотношении. Это такие квадримные содержательные образования (системы), отражающие функциональное бытие языкового знака, как: «знание — отношение» (познавательная функция языка), «предметно-ориентированное -- «субъектно-ориентированное содержание»

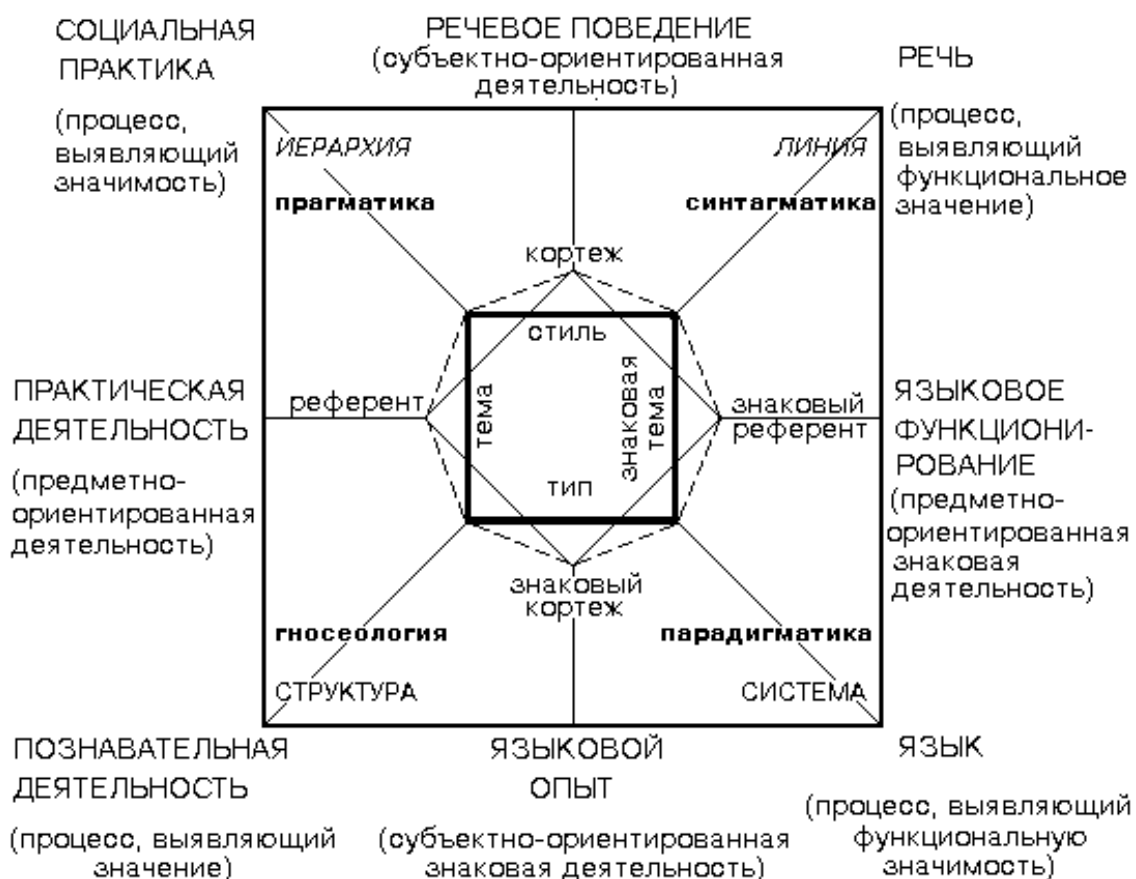
(коммуникативная функция), «смысл — сущность» (функция самоосуществления).

Остановимся несколько подробнее на ступенях (уровнях) каузально-генетического моделирования с тем, чтобы выяснить композиционную структуру каждого из этих функциональных образований, ибо это помогает построению методических принципов исследования текстов в их континууме, а следовательно, и текстов, которые можно отнести к составляющим как политического дискурса в целом, так и отдельных дискурсов субъектов политики.

1.3.1. Структурный уровень моделирования: синтез различных традиций

Каузально-генетический подход к моделированию плана содержания текста исходит из той предпосылки, что объект исследования представляет собой динамическую систему, которая формируется под постоянным влиянием восьми взаимозависимых и взаимопроникающих изначальных причин (факторов – причин длительного действия и фактумов – причин результативного свойства). Каждая составляющая имеет свою индивидуальную область применения и, значит, обладает специфической ценностью. Однако у них, как и у их производных величин, есть точки соприкосновения, общие уровни функционирования. Это позволяет осуществить их классификацию и внутренние перегруппировки в зависимости от «удельного веса» того или иного компонента (см. рис. 1).

Итак, исходная классификация внешних причин предполагает их деление на две основные группы. Первая – это факторы, формирующие абстрактное и, следовательно, категориальное содержание текста, своеобразные идеальные конструкты человеческого сознания. Вторая группа – предметно-образное, феноменологическое содержание текста. Ключевыми понятиями в этом ряду являются «категория» и «феномен», так как именно они обозначают активные силы, которые как бы лепят, оформляют «скелет» и «плоть».

Рис.1. Каузально-генетическая модель плана содержания (семантический октаэдр). Структурный уровень (статика)

Среди факторов первой группы – **СОЦИАЛЬНЫЙ, ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ, РЕЧЕВОЙ и ЯЗЫКОВОЙ ПРОЦЕССЫ** (рис.1). Воздействуя на текст, они порождают такие содержательно-организационные формы, как **ИЕРАРХИЯ, СТРУКТУРА, ЛИНИЯ и СИСТЕМА** (прагматическое, гносеологическое, синтагматическое и парадигматическое содержание).

Факторы второй группы – **РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ, ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА**. Они порождают такие содержательные формы, как **КОРТЕЖ, ЗНАКОВЫЙ КОРТЕЖ, РЕФЕРЕНТ и ЗНАКОВЫЙ РЕФЕРЕНТ**, которые существуют не иначе как в определенных временных рамках и, значит, включают в себя преходящий, ситуативно-ограниченный тип содержания. Это стиль (поведенческий аспект содержания, отражение интерсубъектного взаимодействия), тип (знак поведения), тема (отражение субъектно-предметного взаимодействия), знаковая тема (имя, номинативная характеристика темы).

Итак, план содержания текста может быть представлен одним из **двух глобальных типов**: содержание, сформированное на идее (категориальный тип), и содержание, сформированное на образе (феноменологический тип).

Поиск точек соприкосновения глобальных типов способствует переходу от статического к динамическому рассмотрению плана содержания текста, от структурного к системному анализу.

Впрочем, и на стадии структурного анализа объект не перестает проявлять себя подвижной, саморазвивающейся системой, достаточно уникальной и лишь условно предсказуемой. Этому способствует тот факт, что модель строится исключительно на противопоставлениях или оппозициях (иерархия-система, структура-линия, тема-стиль, тема-знак темы, стиль-тип). Последние могут быть представлены также, как глубинные дихотомии семантического ядра текста. Их функционирование (особенности притяжения и отталкивания, отражения друг в друге и отрицания, их перехода в новое качество в процессе взаимодействия) приближает нас к познанию феномена «план содержания текста», а сам факт их выявления в едином семантическом ядре открывает новые горизонты для исследователя.

В процессе моделирования плана содержания текста мы вышли на дихотомию «кортеж – знаковый кортеж» /стиль-тип/, до сих пор не являвшейся объектом изучения лингвистики. Это обстоятельство требует от нас терминологической ясности и, соответственно, определения причин «разведения» этих двух позиций семантического ядра плана содержания текста.

Можно назвать, по крайней мере, пять таких причин.

Первая (разделение понятия и явления по факту их существования) связана с потребностью совершенствования категориального аппарата. Понятие «кортеж» введено в лингвистический оборот А.Е.Супруном. Оно означало реальную группу коммуникантов, так или иначе вовлеченных в речевой акт. В контексте нашего подхода мы раздвигаем рамки определения и рассматриваем кортеж не только и не столько как группу коммуникантов, вовлеченных во фрейм речевого акта, но в большей степени как отражение ее (этого единства субъектов коммуникации) адресантом и/или адресатом. Это принципиально важно, ибо иначе мы не можем зафиксировать в языковом знаке кортежную информацию (непосредственное кодирование и декодирование), ее актуализацию. Кодами такой фиксации являются структурное, линейное, иерархическое и системное измерения знака.

В отличие от кортежа, знаковый кортеж – это исторически зафиксированная в языковой системе и подчиненная определенным законам структурирования содержательная форма (для текста это – жанрово-композиционный содержательный тип), функционирующая в речевой практике (т.е. линейно выраженная) и, следовательно, обладающая своей значимостью для коммуникантов (место в иерархии их социальной деятельности).

Между прочим, различие двух понятий обнаруживается в том, что выбор кортежа и выбор знака кортежа не идентичны. Во-первых, выбор для коммуникантов знакового кортежа может быть **о т н о с и т е л ь н ы м**, т.е. как бы пробным, предварительным, тогда как реальный кортеж в случае конфликта с информацией знакового кортежа неизбежно подчинит её себе и будет доминиро-

вать. Если знак кортежа слишком «директивен», то в этом случае информация реального кортежа практически уходит из значения (значимое отсутствие). Но возможно и гармоничное общение, предполагающее баланс между информацией кортежа и знакового кортежа.

Тенденция к гармонизации общения в процессе длительного контакта людей, т.е. поиск оптимального соотношения знаково-кортежной и кортежной информации, является вполне закономерным. Отсутствие «баланса» означает либо намеренное стремление к чисто формальному общению (крен в сторону знакового кортежа, характерная черта тоталитарного поведения), либо тенденцию к многообразию форм общения внутри одного и того же кортежа (модель демократического поведения). Как видим, различие между кортежем и знаковым кортежем совпадает с противопоставлением индивидуального и социального, единичного и общего, без чего невозможно самосознание.

Вторая причина связана с тем, что за каждым из этих понятий стоит свой смысл, своя реальность. Если кортеж теряет свои реальные очертания и формализуется, то роль знака гипертрофируется, он заслоняет и подчиняет себе реальность. Но знак привычен и удобен, с ним мы чувствуем себя комфортно. Выход за его пределы – всегда преодоление: это разрушение стереотипов, традиций, языковых наслоений, отказ от своего историко-культурного наследия. Однако это может быть и новой ступенью знаний, новой традицией, новым языковым фактом, но конечно в том случае, если такой выход принимается и поддерживается группой, преломляется в ее поведении, становится ее жизненным опытом. Такие изменения закономерны и происходят под влиянием и давлением реальных кортежных ситуаций.

Третья причина – различие кортежа и знакового кортежа по их сущности. Сущностный вектор означает перенос акцента на познание явлений, их отражение и знаковое воплощение, принятие реального кортежа только тогда, когда он воплощен в знаке. В этом случае поиск реального кортежа – всегда поиск его знака. Если не подходит по своим сущностным проявлениям один знак, в процессе коммуникации происходит смена его на другой, вплоть до отказа от общения, если нет подходящего знака.

Здесь можно провести аналогию с примерами отражения реальности исключительно с позиций знания, что достаточно глубоко изучено с позиций теории лингвистической относительности. Мы полагаем, что также заслуживает внимания изучение знаковой ограниченности поведения.

Четвертая причина – несовпадение кортежа и знакового кортежа по признаку деятельности. Речь идет о различных видах языковой практики – реальной и знаковой, типовой. Реальный кортеж предполагает, в известном смысле, *интимность* и, значит, возможность как понимания собеседниками друг друга с полуслова, так и «нестыковки». Здесь всегда идет поиск нужного слова, стремление выразить достаточно полно свою роль. В противоположность ему, знаковый кортеж – это расписанные роли, и поэтому в его рамках

деятельность легко превращается в игру, маску, позу. Психологически в маске человек свободен, в ней для него почти нет затруднительных положений. Вот почему общение, и речевое в том числе, легче проходит, когда преобладает знаковый, а не реальный кортеж.

Реальный кортеж это всегда оригинальная деятельность, в то время как знаковый кортеж характеризуется типологической заданностью. У знака всегда есть рамки, границы функционирования, тогда как освоенная нами реальность широка и подвижна.

Реальный кортеж это всякий раз новая ситуация, в то время как знаковый кортеж типичная ситуация, которой можно обучиться и воспроизводить автоматически. Деятельностный подход приводит нас к пониманию того, что тексты кодируют не только деятельность, но и отношения субъектов коммуникации к ней (активность, пассивность и пр.).

Наконец, **пятая** причина состоит в том, что кортеж тяготеет к самовыражению, а знаковый кортеж к самоосуществлению. Кортеж не что иное, как проявление внутренней свободы, поиск собственного с т и л я, тогда как знаковый кортеж это типажность, стилизация. В дополнение к изречению Ж. Бюффона «Стиль – это человек» можно было бы сказать: «Тип – это общность». Соответственно, мы должны признать, что кодируя текст, мы кодируем свой менталитет, свою систему ценностей, свою открытость или закрытость, способность или неспособность к творчеству.

1.3.2. Системный уровень моделирования

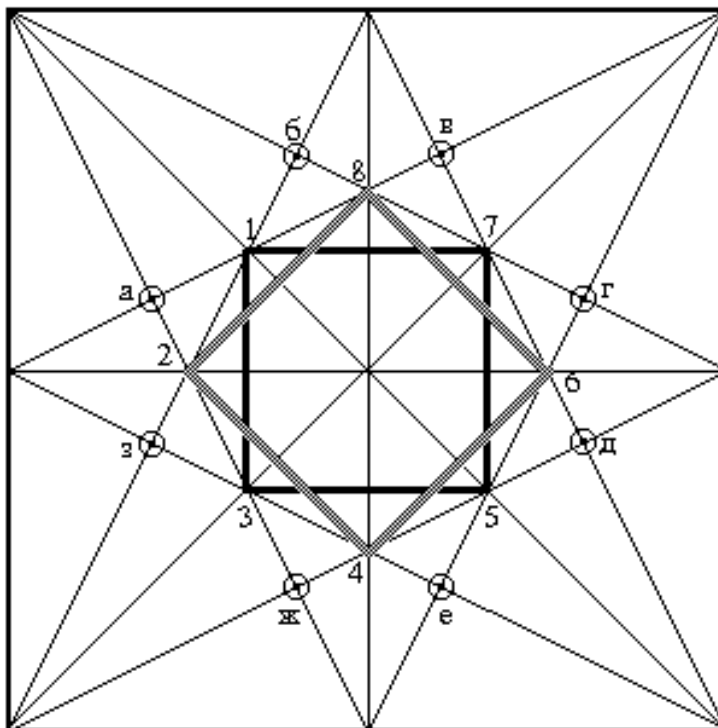
Следующая ступень каузально-генетического исследования плана содержания текста открывает перед нами динамические аспекты. На этом этапе учитываются все типы контактов содержательных элементов текста – непосредственные и опосредованные, симметричные («равноправные») и асимметричные (с преобладанием односторонних акцентов). Каждый элемент сущностной организации плана содержания связан и проявляет себя в каждом из элементов феноменологической организации, и наоборот. Это обнаруживается при исследовании причинно-следственных отношений между внешним и внутренним «кольцами» модели, также как и непосредственно внутри каждого «кольца».

Мы соединяем линиями все позиции внешних факторов контрарных групп. В результате на модели прорисовываются разнообразные внутренние треугольники (см. рис.2). Каждый обладает своим значением и значимостью. То же самое можно сказать о точках пересечения линий для определения места каждого из содержательных компонентов.

Совершенно ясно, что каждая из этих языковых осей, благодаря постоянному взаимодействию содержательных элементов, функционирует в диапазоне всей модели. Но в любом случае весьма важно обнаружить суммарную позицию. При этом следует помнить, что не существует в чистом, «дистиллирован-

ном» виде прагматики, синтагматики, парадигматики, гносеологии, они всегда сопряжены с теми или иными реалиями. Так, очевидно существование прагматики предмета («а») и прагматики поведения («б»). Мы различаем как речеповеденческое, так и знаково-тематическое начала в синтагматической организации текстов («в» и «г») и т.д.

Таким образом, мы видим, что элементы, формирующие динамическое содержание текста, могут быть исследованы не только с точки зрения их категориального наполнения, но и с точки зрения результативных содержательных форм.

*Рис.2. Кausalно-генетическая модель плана содержания
Системный уровень (динамика)*

Позиции «а, б, в, г, д, е, ж, з» могут быть охарактеризованы как:

(а) социально утвержденный (оцененный) и, следовательно, общепринятый нормативный референт (предметно ориентированный элемент модели);

(б) индивидуально избранный (оцененный) и, следовательно, вариантный кортеж (субъектно ориентированный);

(в) предметно обусловленное, инвариантное синтагматическое развертывание текста; (внутрикортежные отношения через призму предмета текста, предметно ориентированный элемент модели);

(г) знаковый референт в речевых отношениях и, следовательно, индивидуальный, узусный (субъектно ориентированный);

(д) знаковый референт в языковых отношениях и, соответственно, парадигматически обозначенный, а значит, социальный, нормативный (предметно ориентированный);

(е) вариантный, знаково-кортежный языковой тип (субъектно ориентированный);

(ж) инвариантное структурное решение содержания; познавательный тип (предметно ориентированный);

(з) познавательно-определенный и, следовательно, индивидуальный, узусный референт (субъектно-ориентированный).

Категориальное содержание: 1 – прагматическое; 3 – гносеологическое;

5 – парадигматическое; 7 – синтагматическое;

Феноменологическое содержание: 2 – референтное; 4 – знаково-кортежное;

6 – знаково-референтное; 8 – кортежное;

Универсальное содержание: б – кортежная значимость; в – кортежное значение;

г – синтагматическая номинация; д – парадигматическая номинация;

е – системно-типовая организация; ж – структурно-типовая организация;

з – референтное значение ; а – референтная значимость.

Для удобства оперирования этими позициями модели, представляющими смешанный тип содержания (ибо это содержание порождено взаимодействием факторных и фактумных величин), можно использовать и иные названия, которые помогают раскрыть эти понятия:

а – ранжированный референт (значимость темы); б – ранжированный кортеж (значимость кортежа); в – кортеж в развитии (значение кортежа); г – синтагматическая номинация; д – парадигматическая номинация; е – кортеж, определенный системной организацией текста (жанрово-стилистическими средствами); ж – кортеж, заданный структурной организацией текста (его композиционным решением); з – тема-рематическое решение текста.

Мы несколько подробнее остановились на универсальных элементах содержания, поскольку именно они являются теми кирпичиками, из которых строятся функционально содержательные системы: «знание-отношение» (в-г-з-ж, а-б-д-е), «смысл-сущность» (а-г-д-з, б-в-е-ж), «предметно-субъективное содержание» (а-в-д-ж, б-г-е-з).

Надо иметь в виду, однако, что распределение функциональных содержательных квадриумов не является абсолютным, как нет ничего абсолютного в плане содержания текста. Здесь можно было бы провести содержательную аналогию с теорией Эйнштейна, где все зависит от позиции наблюдателя, от системы отсчета, ибо как раз с подобной ситуацией сталкивается семантика.

Существует возможность содержательной взаимозаменяемости таких систем, как «смысл» и «сущность», «знание» и «отношение». Ибо, как только

мы, будучи участниками коммуникации, приходим к осознанию того, что внутрикортежные отношения обладают самоценностью, кортежный вектор тотчас возьмет на себя роль смыслового содержания текста. А собственно референтную информацию обратит в сущностное содержание (т.е. глубина его выявления уже не является никоим образом смысловой, а будет отражать лишь глубину межкортежных отношений, диапазон их «поглощаемости»). Письма влюбленных могут послужить примером текста, где каждый коммуникант кодирует (или декодирует) свое отношение к партнеру, о каком бы предмете он ни писал, и где смысл кортежной информации находится в обратном отношении к референтной информации. Так, содержательно интересные (то есть референтно-полные) письма неизбежно будут казаться бессмысленными, если не будет дана параллельно достаточно полная информация кортежного плана и наоборот.

Сходная ситуация обнаруживается и при рассмотрении пары «знание-отношение». Как только систематизация и иерархия становятся самоценными позициями, эти отношения тут же становятся функциональной содержательной системой, определяющей знание текста. Структура и последовательность изложений (линия) здесь уже не знание, а отношение. Это наблюдается при включении текстов Библии в богословские трактаты, проповеди.

Таким образом, мы никоим образом не стремимся приклеить номинативные этикетки к функционирующим внутренним содержательным системам текста, а обращаем внимание на постоянную трансформацию отношений «значение – значимость», на возможность множественного прочтения одних и тех же содержательных образований. И все же мы придерживаемся определенных обозначений ровно настолько, насколько они дают направление исследования, а значит – возможность систематизации результатов исследования.

1.3.3. Каузально-генетическая модель и политический дискурс

Использование каузально-генетической исследовательской модели для изучения политического дискурса позволяет учесть все многообразие проявлений данного типа текстов.

До настоящего времени изучение политического дискурса проводилось главным образом под углом зрения формирования знаний и отношений, с позиции манипулирования общественным поведением и в парадигме их истинности-ложности.

Мы полагаем, что это далеко не полный подход и требует своего пересмотра. Во-первых, критерии истинности-ложности для политического дискурса имеют свои особенности. Для политика значительно ближе «истинность» и «воля», чем «истинность» и «реальность». Во-вторых, в политических текстах достаточно вольно ведёт себя содержательная пара «знание-отношение». Отношение (социальная репрезентация) из факультатив-

ной характеристики переходит в константную характеристику политического текста, подменяя собой знание, в то время как предметно-деятельностное содержание нередко становится фоновым и проявляет себя как показатель взаимоотношений субъектов коммуникации, а не как самостоятельное содержание. В такого типа текстах воздействующая (манипулятивная) характеристика играет решающую роль. Манипулировать – плохо, но не манипулировать – значит «обезглавить» политический текст.

Мы видим возможность расширения данной исследовательской парадигмы по следующим направлениям:

- изучение того, что политический текст репрезентирует, какую версию социальной реальности (картину мира) отражает и конструирует – реальную, системно-знаковую, поведенческую или текстовую (интертекстуальную);
- изучение политической дискурсии как деятельности (созидательной или манипулятивной, открытой или закрытой, идентифицирующей либо социализирующей и пр.);
- изучение политического дискурса в его функциональной данности (как процесс трансформаций знаний и отношений, субъектно-предметных и субъект-субъектных отношений, смысловых и сущностных параметров содержания)

В период идеологической конфронтации пропагандистские тексты изучались в рамках дихотомии «знание-отношение». Подмена знания отношением рассматривалась как манипуляция, подлежащая разоблачению. При этом «отношения» с лингвистической точки зрения выводились за рамки содержательного ядра в область коннотативного поля.

В настоящее время интерес представляет изучение политического дискурса с акцентом на дихотомию: «смысловое – сущностное содержание». Идеологический «заряд» присутствует в любом политическом тексте и вопрос не в том, чтобы отделить знания от отношений, а в том, чтобы выяснить, какой смысл несет содержание, какую реальность отражает и констатирует дискурс. Важно также определить его сущностные параметры: это дискурс элит, власти или массовых политических партий, гендерно-маркированный дискурс или дискурс толпы. И уже затем мы ищем ответ на вопрос, какова сила воздействия этого дискурса.

1.3.4. Анализ смысловой информации политического дискурса

В политическом тексте содержится как экстралингвистическая информация (картина мира), так и знаковая информация (картина мира, представленная через знак, номинацию). Отношение «реальность – знак реальности» есть смысловое отношение, а информация, рожденная этим отношением, есть смысловая информация.

Наш анализ смысловой информации политического дискурса есть анализ, главным образом, когнитивно-номинативный (хотя здесь не исключены и другие методики): что называется и как именно называется текстом. Но поскольку мы имеем дело с текстами, то и «что» и «как» двуплановы: «что» – это и оцененное/ранжированное «что», и осмысленное (структурированное, композиционно оформленное) «что», а «как» – это и линейно, и системно представленное «как», то есть необходим учет и синтагматической, и парадигматической номинативной характеристики текста.

Каждая политическая группа видит, понимает и конструирует мир по-своему. Для одних он – черно-белый: есть «плохие» и «хорошие», «свои» и «чужие». Для других он включает многие цвета и допускает многовариантные решения. Одно и то же общественное событие для разных групп не только обретает свои оттенки содержания, но по сути есть разные события, ибо иначе, «по-своему» отражено, классифицировано и ранжировано.

Вопрос, конечно, не в том, как конкретно назвали какое-то событие одни или другие, а в том, в какую парадигму целостной картины мира это событие попадает, какие текстовые парадигмы выстраиваются и какую картину мира они конструируют. Отсюда понятно, что контроль над текстами есть контроль над каким-то «единственно верным» видением мира. Когда это видение принимается большинством, оно обретает безграничную власть, а номинация иной направленности рассматривается как подрывная акция, покушение на господствующие ценности. «Маргиналами» не манипулируют, а исключают из социума. Такова модель поведения в тоталитарном обществе. В условиях демократии социальные группы, элиты и контрэлиты находятся в отношениях партнерства, между ними идет борьба не за выживание, а за реализацию своих идей и интересов. Более или менее равный доступ к средствам массовой информации и текстопроизводству позволяет относительно мирно уживаться различным политическим дискурсам.

Следовательно, анализ смысловой информации дискурса есть воспроизведение картин мира разных социальных групп, основанных на текстах. Это исследование и описание ряда типовых текстов – элитарного, массового, профессионального, узкополитического, рекламного, определение значимости как тем, так и их системной лексической представленности.

Изучая смысловую информацию политической дискурсии в целом (дискурса власти и контрдискурсии), мы сопоставляем две контрастные картины. Это ставит исследователя перед необходимостью ответить на следующие вопросы:

- какие события общественно значимы, как они ранжируются в разных дискурсах (изучение тематики дискурса различных политических направлений, их ключевых тем, значимости этих тем, их иерархической организации);
- как осмысливаются эти события в дискурсах власти и контрдискурсии, (как структурируются ключевые темы, через какие темы подаются);
- как общественно значимые события называются в текстах (парадигма-

тическая номинация), в какие лексико-семантические поля (благодаря своему названию) они попадают, как влияет это попадание на содержание полей (возможны ли: «заражение» этих полей, нейтрализация оценок либо устранение оценочных сем, семантические трансформации и пр.);

- какова специфика синтагматической номинации в текстах и их номинативная последовательность, как выстраивается синонимический ряд ключевых тем, наконец, содержатся ли в них тематические субституты и семантические пустоты (псевдо-тематические слова, фразы для навешивания ярлыков или для украшения, а также иные «тексты в тексте»).

1.3.5. Анализ сущностной информации политического дискурса

Политический дискурс обладает не только смыслом (соотнесен с реальностью) но и сущностной «привязкой» (соотнесен субъектно с определенной группой или группами людей). В этой плоскости возникают иные вопросы: кто и как именно вовлечён в этот дискурс, какой характер носит общение. «Кто» и «как» обладают также конституирующей содержательной характеристикой. Различные субъекты общения по-разному отражаются в дискурсе: коммуникативные формы порождают своё содержание. Это хорошо известно специалистам по рекламе. Характер взаимодействия субъектов общения воплощается в непосредственном речевом поведении и проявляет себя в актуальном содержании текста. В свою очередь, коммуникативные формы заключают в себе и определенную потенциальную (знаково-поведенческую, историческую, этимологическую) информацию.

«Субъектное взаимодействие – знак взаимодействия» (т.е. кортеж – знаковый кортеж) есть сущностное отношение, а информация, которую порождает это отношение, есть сущностная информация.

Анализ сущностной информации политического дискурса есть анализ коммуникативно-номинативный: кто общается и как общается. Но поскольку мы имеем дело с текстами, то и «кто» и «как» двойственны: «кто» – это оцененное «кто» и линейно развивающееся «кто» («кто» в становлении); а «как» – это осмысленное (композиционно представленное) «как» и «как» в качестве элемента системы (синтагматическая и парадигматическая номинация).

Политический дискурс представлен в лицах. Лицо сливается с текстом, но одновременно само является текстом. Это «наслоение» или смешение содержаний порождает новое содержание. В итоге мы приходим к тому, что один и тот же текст, произносимый разными лицами, «распадается» на разные тексты: они иначе декодируются аудиторией, иначе структурируются, классифицируются, ранжируются. Они дают нам иную картину социального взаимодействия.

Изучая сущностную информацию, мы изучаем специфику общения субъектов коммуникации, восстанавливаем ту картину социального взаимодействия, которую выражает этот дискурс. Таким образом, перед исследователем встает задача:

- установить (идентифицировать) реальных субъектов коммуникации (риторов и их аудиторию), вычленив и ранжировать специфические характеристики общения (с учетом классификационных признаков: уровень политической дискурсии, национальные, групповые, гендерные особенности и т.д.);
- выявить, с помощью каких коммуникативных форм (жанров, стилистических маркеров) формируется и поддерживается данное субъектное взаимодействие (с учетом политического характера дискурса);
- определить текстовые поля (по аналогии с лексико-семантическими полями) дискурса власти и контрдискурсии (иллюстративный материал текстов, ссылки на другие тексты, аллюзии, иными словами, очертить интертекстуальную реальность того или иного политического дискурса);
- осуществить классификацию текстов с учетом их композиционных решений (т.е. дать им содержательно-типологическую характеристику).

В заключение следует отметить, что смысло-сущностные исследования политического дискурса могут дать значимый материал как о современной дискурсии в целом, так и о политическом дискурсе в частности, выявить те признаки, которые характерны для политической дискурсии на данном этапе развития социума, а также (в ходе компаративного анализа) определить исторические и национально-специфические черты политической дискурсии, преемственность/ непреемственность тех или иных стилей, типов, форм общения, композиционных решений.

Раздел 1.4. Прагматическая исследовательская парадигма

Любое речевое произведение, в том числе и любой текст, необходимо рассматривать как речевой акт, поскольку каждое из них имеет некоторую цель (Остин) и входит в общий поток общения (ср. утверждение М. Бахтина о диалогичности любого текста). Газетный же текст, как и газета в целом, явно нацелен на общение и (как бы ни определяли свою роль сами журналисты) воздействие на общество. Следовательно, газетные тексты должны соответствовать принципам общения и в первую очередь принципу прагматической достаточности, который можно сформулировать следующим образом: говорят о том и так, что и как предполагается необходимым и достаточным для достижения цели в конкретных данных условиях. Принцип прагматической достаточности требует учета множества факторов как при выборе коммуникативной роли (о коммуникативной роли как последовательности реплик одного коммуниканта (Ветошкина, 1990), так и при структурировании конкретного речевого акта (Богушевич, 1989).

Наиболее существенными факторами выбора являются класс и категория общения, поскольку они ограничивают спектр ожидаемых структур самой речевой роли, а также порядок и строение конкретных высказываний в ее составе.

Типология общения определяется двумя параметрами — степенью вовлеченности социума и определенности состава участников эпизода общения (Богушевич, 1988). В зависимости от вмешательства социума в эпизоды общения они делятся на закрытые, в которых участие социума не предполагается, и открытые, в которых предполагается участие в том или ином виде, например, в виде наблюдателя-контролера. По степени определенности участников общения эпизоды делятся на ограниченные, в которых число участников фиксированное и роли их распределены, и неограниченные, в которых число участников не фиксировано и отсутствует распределение ролей.

Газетные тексты принадлежат к открытому неограниченному классу, в котором социум совпадает с одним из участников эпизода и в принципе каждый член социума может принять участие в таком эпизоде. Но поскольку такая возможность в действительности реализуется чрезвычайно редко, газетные тексты, как правило, построены так, как будто они представляют собой отдельный и полный эпизод общения.

Это означает, что в газетном тексте одновременно представлены и речевой акт, и коммуникативная роль, и целостный эпизод общения. Поэтому, с категориальной точки зрения, газетный текст представляет собой односторонний мотивирующий эпизод со слабой результативностью. Кроме того, будучи одновременно и речевым актом, и единственным речевым актом в данном эпизоде общения, газетный текст инкорпорирует как генеральный, так и вспомогательные речевые акты и становится, таким образом, составным коммуникативным действием.

Поскольку газетный текст входит в категорию консентных эпизодов, он должен подчиняться принципу кооперации (Грайс) и принципу вежливости (Лич). Это означает, что газетный текст в прагматическом плане имплицатурен. Имплицатуры возникают под действием как лингвистических, так и культурно-социальных факторов.

К лингвистическим факторам можно отнести результат взаимодействия принципов кооперации и вежливости, воздействия принятых в данном языковом социуме конвенций стиля речи. Культурно-социальные факторы, с одной стороны, довольно жестко ограничивают как форму, так и содержание газетного текста (иногда это ограничение принимает формально-юридическую форму), а с другой стороны, эти же культурно-социальные факторы требуют какого-либо выражения авторского отношения к содержанию газетного текста. Необходимо отметить, что степень обязательности и допустимости выражения авторского отношения к содержанию варьирует в зависимости от жанра текста.

Любая газетная публикация стремится быть успешной и, следовательно, рассчитана на определенную аудиторию. Этот факт давно и хорошо известен. Но при прагмалингвистическом анализе газетного текста он имеет особое значение. При установлении характера иллокутивной составляющей речевого акта

можно пользоваться представлением (образом) адресата, которое можно отобразить в виде матрицы, объединяющей те параметры адресата, которые можно и необходимо изменить. Выделены следующие модифицируемые параметры адресата: информированность, отношение к результату деятельности, отношение использования контроля над деятельностью, отношение к исполнению действиям в составе данного вида деятельности (Ветошкина, 1991). К указанным факторам можно добавить и отношение к партнеру по коммуникации.

Однако для успешности речевого акта необходимо учитывать не только переменные параметры, но и те, которые представляются постоянными, неизменяемыми. К таким параметрам можно отнести социальные статусы коммуникантов, их половозрастные характеристики, культурный и образовательный уровни, их самооценку и представления о своей роли и возможности в социуме.

На все эти требования и ограничения накладывается и общее ограничение на использование прямых речевых актов, т.е. предложений (высказываний) с перформативными глаголами. Поэтому большинство жанров газетных текстов буквально переполнено имплицитной информацией, опирающейся на пресуппозиции, презумпции и имплицатуры, и иллокутивную информацию приходится буквально вычитывать «между строк» (точнее было бы сказать «из-под строк»).

В качестве примера такого чтения покажем возможный прагматический анализ одной из информационных статей, опубликованной в газете «Аргументы и факты». Цель анализа этого текста — определить интенцию (иллокуцию) автора.

Системное иллокутивное значение информационных текстов — сообщение, перформатив: «Я сообщаю, что X». Формально все предложения анализируемого текста представляют собой информативные высказывания. Но подстановка перформатива во многие тексты лишает их информативности. Следовательно, текст содержит имплицатуры.

Определение имплицатур предполагает установление возможных целей автора и возможных отношений к ним адресата. А это означает: необходимо построить модель данной ситуации общения, поскольку общие классификационные признаки эпизода общения не дают возможности достаточно детализированно определить авторские интенции.

Для построения модели эпизода общения необходимо учесть ту деятельностьную ситуацию, в которую включен данный эпизод.

В деятельностиной ситуации информационное высказывание может иметь, по крайней мере, три варианта значения: подтверждение ожидаемого события и, следовательно, сигнализация о продолжении, прекращении или коррекции деятельности; сообщение о новом событии, которое может повлиять на дальнейшее развитие деятельности; сообщение о новом событии, которое не включено в какую-нибудь деятельностьную структуру, для возможного использования этой информации адресатом.

Очевидно, что случаи а) и б) предполагают не только сообщение о факте, но и прогнозирование его влияния на деятельность, что предполагает оценку события, о котором сообщается. Оценка и прогноз предполагают возможность предложения некоторой программы дальнейших действий участников данной деятельностной ситуации. Поэтому в имплицатуре информационного сообщения в вариантах деятельностной ситуации а) и б) оказываются, по крайней мере, две иллокутивные «силы»: «Я считаю + оценка» и «Я предлагаю + пропозиция».

Анализируемая статья («Договор Россия – Беларусь». АиФ. 1996. № 14.) посвящена подписанию договора о союзе между Белоруссией и Россией. Следовательно, данный текст описывает ожидаемое событие, которое полагается существенным для деятельности всех участников общения. Поскольку, как известно, это событие широко обсуждалось, а текст договора был известен заранее, можно считать, что данный текст включен в деятельностную ситуацию типа а) – подтверждение ожидаемого события и сигнализация о продолжении, прекращении или коррекции деятельности.

Таким образом, возможные имплицатуры данного сообщения должны быть сформулированы следующим образом:

- I. Я считаю данное событие: 1) положительным;
- 2) отрицательным (опасным);
- II. Я предлагаю: 1) продолжить нашу деятельность;
- 2) прекратить нашу деятельность;
- 3) скорректировать нашу деятельность так, чтобы:
  - 3а) положительный эффект был максимальным;
  - 3б) отрицательный эффект был минимальным.

Это означает, что при любых вариантах значения иллокутивной составляющей текста в нем должна быть выражена оценка события. Сама иллокуция может быть и не вербализована, а логически выведена из оценочного компонента семантики текста. Если оценка положительна, то она приводит к вариантам 1) (продолжить нашу деятельность) или 3а) (корректировать нашу деятельность так, чтобы положительный эффект был максимальным). Если оценка отрицательна, то она приводит к вариантам 2) (прекратить нашу деятельность) или 3б) (корректировать нашу деятельность так, чтобы отрицательный эффект был минимальным).

Текст статьи, на первый взгляд, оформлен как бы в нейтральном стиле. Уже заголовок настраивает на это «как бы отдельно» нейтральное отношение. В нем использовано белорусское название страны «Беларусь». С одной стороны, такая форма указывает на уважительное отношение к партнеру, а с другой – нарушает нормы русского языка, что не может не вызвать (по крайней мере, у некоторых читателей) отрицательной реакции.

Настороженность вызывает и первая фраза: «Проблема объединения России и Беларуси представляет собой клубок интересов и противоречий». Последнее словосочетание содержит эмоционально маркированные лексемы, что необходимо для создания атмосферы тревоги, поскольку референт слов, соединенных союзом «и», не принадлежит к данному классу и, следовательно, на денотативном уровне не интерпретируется. Но это и не было нужно автору. Ему нужна была эмоциональная интерпретация. Именно негативная эмоциональная настроенность нужна автору, что проявляется в насыщенности текста словосочетаниями с отрицательным эмоциональным потенциалом («давит демократическим крылом», «поставлен ультиматум», «зависит будущее премьера», «вотум недоверия», «замаячит тень серьезного политического кризиса», «ропуск Госдумы», «прекратить всякую финансовую помощь», «перспектива не радует», «развязываются руки», «обвинив...в нежелании», «он...бы ужесточил таможенный режим», «поднял бы тарифы», «экономический ущерб», «плата за объединение», «негативное отношение», «опасение за будущее СНГ», «сепаратистские настроения»).

На последнем словосочетании необходимо остановиться подробнее, поскольку здесь, как и в первой фразе, обнаруживается расхождение между референцией мотива (сепаратистские) и значением, которое придает ему автор. «Сепаратистские настроения» могут усилиться в Казахстане и на Украине потому, что там «проживает много русскоязычных граждан», которые захотят **объединить** эти страны с Союзом. Данные настроения **противоположны** сепаратизму, это объединительные интеграционистские тенденции. Но слова «объединение», «интеграция» и их производные имеют положительную эмоциональную окраску, «сепаратизм» и его производные – отрицательную. Поэтому и оказалось, что «сепаратистские (читай объединительные) настроения» создают угрозу Казахстану и Украине.

Но первая фраза кроме эмоциональной нагрузки несет еще и содержательную. Упоминание «интересов и противоречий» позволяет автору сместить информационное ожидание с самого события подписания и текста договора (на что, казалось бы нацеливает заголовок) на споры по поводу необходимости совершения действия (подписание договора). Сам текст представляет собой перечисление тех, кто выступает против данного действия (их упомянуто тринадцать с указанием должностей, если они их занимают или политической принадлежности) и тех, кто за подписание договора, а их упомянуто семь лиц (без указания должностей) и две организации – Дума и КПРФ). Причины, побуждающие данные лица или организации занимать ту или иную позицию, приводятся только для двоих лиц. Причем обе причины внешние относительно самого события и имеют скорее личный, а не общественный характер. Так, противник действия (А.Чубайс) вынужден оказать сопротивление внешним силам (ссылка на США и МВФ) для общего блага (необходимость финансирования России), в то время как сторонник договора действует по своей воле, поскольку дал обещание. При этом сторонник

договора (А.Лукашенко) представлен как выигрывающий в любом случае, и выигрыш оказывается финансовым (либо «плата за объединение», либо увеличение транзитных тарифов), Россия же в любом случае проигрывает. Даже такой краткий (в основном лексический) анализ позволяет выявить основные импликатуры текста:

I. Я считаю, что это (подписание договора) плохо (негативная лексика).

II. Я предлагаю продолжать деятельность, поскольку будут приняты меры к минимизации отрицательного эффекта (перечисление должностей).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЛОВО В ФОКУСЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Раздел 2.1. Дискурсивный анализ общественно-политической лексики 2-й половины XIX века

Анализ дискурса подразумевает прежде всего исследование современных текстов в совокупности с экстралингвистическими факторами, однако дискурсивные приемы могут применяться и в историческом языкознании. Для диахронического исследования важна, в первую очередь, «погруженность в историческую среду», ингерентность языкового материала социальным процессам, а такой подход характерен для дискурсивных методов.

Целью настоящего раздела является характеристика лексики общественно-политических текстов второй половины XIX века. Очевидно, что без учета экстралингвистических факторов невозможно ответить на вопрос, почему языковые процессы шли так, а не иначе, почему развивались те, а не иные пласты лексики, почему происходили те, а не иные семантические сдвиги, хотя, конечно, на то были и собственно лингвистические причины.

Более того, привлечение исторических сведений позволяет провести такое исследование не с сегодняшней точки зрения, что было бы ложной посылкой, а с точки зрения менталитета исследуемого периода (насколько возможно уйти от способа мышления сегодняшнего дня). Известно, что модель исследуемой системы зависит от наблюдателя. То, какой она предстает перед нами (ее изображение), связано с тем, кто на нее смотрит: современник изучаемого явления или представитель другой эпохи. Безоценочная истина невозможна, причем оценка зависит и от того, какой культурно-хронологической парадигме принадлежит наблюдатель. Об этом говорил В.Н. Топоров: «Речь идет о принципиальной ограниченности взгляда «сверху» (из сегодняшнего дня) на любое исторически развивающееся явление, берущее начало достаточно глубоко и предполагающее определенный уровень сложности развития. Эта ограниченность связана прежде всего с тем, что некоторые более ранние состояния (конфигурации элементов) оказываются полностью «переработанными» в процессе развития и поэтому недоступными (невосстановимыми) даже для самых тонких методов исследования... Но даже когда удастся пробиться тем или иным путем к истокам, восстанавливаемая картина, которая может быть очень цельной и правдоподобной и, более того, неопровержимой с точки зрения доступных критериев, тем не менее принципиально неполна из-за того, что лишена поставленного ей в соответствие субъекта... Только он может быть полноправным интерпретатором восстанавливаемой картины, но реконструировать этот субъект весьма трудно» (Топоров, 1990, 184-186). Именно при восстановлении когнитивных структур более ранних социумов (как вербальных, так и невербальных) экстралингвистические и лингвистические данные должны дополнять

друг друга, в частности, «язык помогает преодолеть ограниченность взгляда «сверху» за счет того, что в нем сохраняются некоторые элементы, дающие основание для применения методов более глубокого проникновения в прошлое» (Топоров, 1990, 185-186). Действительно, содержание понятий «революция», «социализм» и других менялось и по-разному интерпретировалось субъектами исторического процесса. И исследование будет корректным только в том случае, если наряду с современными дефинициями будут учтены представления людей изучаемой эпохи.

Социально-политическая лексика русского языка в основном складывалась именно в XIX веке, после того как в XVIII веке были сформированы интеллектуальная, книжная и философская лексико-семантические системы. В связи с тем, что общественно-политическая лексика была в процессе становления, на протяжении всего XIX века происходила борьба и смена понятий в отношении таких ключевых терминов данной сферы, как *общество*, *народ*, *государство* и т.п. Для многих центральных лексем, обозначающих мировоззрение, культуру, общественную жизнь, и сейчас характерна смысловая неопределенность, и уж тем более они неоднозначно интерпретировались в XIX веке, когда общественно-политическая лексика только формировалась, т.е. была особенно подвижна и изменчива. Например, в 90-е годы Н.К. Михайловский указывает на отсутствие единого определения для слова *народ*: «Под словом *народ* мы сплошь и рядом безразлично разумеем то этнографическую группу, то государственно-национальную, то исключительно «мужика», то «чернь, простонародье», то представителей труда ... то толпу» (*Лексика*, 1981, 231). По словам А.И.Богдановича, «создалась даже особая «народническая» литература, до сих пор не выяснившая, что же все-таки понимать надлежит под ее таинственным народом» (*Лексика*, 1981, 234). Не были точно определены и постоянно меняли семантический объем и структуру слова *общественный* и *общество*. Еще в начале XIX века слово *общество* имело более узкий, чем сейчас, и вместе с тем менее определенный смысл. Например, в Словаре Академии Российской 1847 года оно толкуется как «собрание людей, живущих под одними правилами и законами», но чаще как «официальная верхушка» (аналогично и *общественный*). Данные слова претерпели смысловую эволюцию и стали расширять значение под воздействием французских слов *социальный*, *социальность*, заимствованных в 60-х годах XIX века. Заимствования *социальный*, *социум* распространились очень быстро, несмотря на их близкое синонимическое отношение к словам *общественный* и *общество*, поскольку были непосредственно обращены к рассматриваемой сфере понятий (см.: *социолог*, *социология*, *социалистический*, *социализация*). Слово *общество*, «вписываясь» в систему, изменяло свою семантику и сочетаемость. Наряду со значением «народ, одними правилами крупно живущий» (*все человеческие общества, как гражданские, так и необразованные, скитающиеся еще по лесам* (Веселитский, 1972, 233), существовали и дру-

гие, слово было чрезвычайно полисемичным. Появление таких дериватов, как *сообщество*, *общежительство* было вызвано необходимостью разделить значения. Сочетаемость лексемы была иная, чем в современном русском языке. В настоящее время наиболее частыми атрибутами слова *общество* являются *цивилизованное, современное, новое, прогрессивное, развитое*, а в словосочетании «существительное + существительное» — *создание, построение, строительство, преобразование, структура*. Для XIX века характерны другие атрибуты (*гражданское, государственное, необразованное, первоначальное, человеческое, народное*) и другие существительные (*польза, благополучие, блаженство*): *Он наполнен мыслями о пользе гражданского общества* (Веселитский, 1972, 233). Такая непривычная для современного русского языка сочетаемость начинает возвращаться в последние годы в связи с социальной переориентацией. Аналогично и прилагательное *общественный*, имевшее значение «общий» наряду со «свойственный, принадлежащий обществу», избавляется от первого значения, передав его деривату *общий*. Слово приобретает сочетаемость: *общественное благо, благосостояние, польза, договор, связи, разум* (ср. с современным *общественный строй, устройство, система, формация, классы* и т.п.).

Гражданское общество, наиболее употребительное для рассматриваемого исторического периода словосочетание с ключевым словом *общество*, обозначает «социальное пространство, на котором зарождаются общественно-политические движения». Само понятие «гражданское общество» возникло прежде всего как юридический термин, однако, по мере формирования гражданского общества в России, значение термина расширилось. В наиболее общей форме гражданское общество можно определить как совокупность социальных групп, фактически существующих в известной среде (в одном или нескольких государствах), которая характеризуется ростом ответственности личности за общество в целом, способное поддерживать и формировать специализированные институты, организации и ассоциации, направленные на защиту интересов этих социальных групп и на изменение общества. В России экономические, юридические и идеологические предпосылки формирования гражданского общества сложились к середине XIX века.

Таким образом, гражданское общество является субстратом для развития общественно-политических движений. Сама лексема *движение*, первоначально означавшая только конкретное действие по глаголу (старославянскому по происхождению) *движити*, претерпевает значительные семантические изменения. Она последовательно проникает в другие лексические сферы: научную, военную, сферу чувств; с последнего десятилетия XVIII века начинает употребляться в словосочетании *народное движение*, а в первой половине XIX века — *общественное движение, освободительное, революционное* (ср. современную частотную сочетаемость определений *активное, широкое, мощное, организованное* с подлежащим *движение*), после че-

го окончательно формируется значение «общественная деятельность, преследующая определенные цели» (возможно, под влиянием нем. *Bewegung* «прогресс») (Шанский). Сходные изменения претерпевают слова *течение*, *векание*, *направление*. Лексема *направление* с конца XVIII века входит в такие сочетания, как *направление деяний, идей, ума* (ср. пушкинское *брожение идей*), и приобретает значение «определенная общественная, научная или литературная партия, группа, школа». *Направление* развивает вторичную синонимию со словом *течение* и в наши дни активно сочетается с атрибутами *новое, современное, модное, реалистическое*.

Основное понятие социальной жизни — «общественно-политическое движение». Для второй половины XIX века историки выделяют такие составляющие общественно-политического движения, как общественное движение, массовое явление, социальный круг, реформаторское движение, интеллектуально-идеологическое движение, политическое движение, либерализм, социализм, консерватизм, демократизм. Лингвистическое исследование соответствующей лексико-семантической сферы также подразумевает декомпозицию, т.е. выявление иерархических, фактически гипергипонимических отношений между лексемами, релевантными для социально-политического дискурса рассматриваемого периода. «Ядерное» слово рассматриваемой лексико-семантической сферы — *общество* — связано с рядом видовых обозначений. Здесь рассматриваются только основные из гипонимов к понятию «общество», выделенные на основе толковых, синонимических, исторических словарей и словарей сочетаемости. Привлечение же широкого исторического контекста позволяет «погрузить» языковой материал в избранные хронологические рамки. Известно, например, что термины *консерватизм* и *социализм* возникли в 20-х годах XIX века. Слово *социализм* стали употреблять в значении, близком к современному, после 1825 года (до этого оно употреблялось как антоним к слову *индивидуализм*). В 1826 году в Англии впервые было употреблено слово *социалисты* для определения последователей Р. Оуэна, в 1832 году во Франции социалистами стали называть последователей К. Сен-Симона. К 1840 году термин уже широко употреблялся в Европе по отношению к школам К. Сен-Симона, Ф. Фурье и других, кто критиковал существовавшую систему коммерческого соревнования и выдвигал идеи новой жизни, основанной на коллективном контроле. Термин *коммунизм*, как идентичный термину *социализм*, впервые был использован К. Марксом и Ф. Энгельсом (до этого времени коммунизмом называли движение по созданию коммун с общей собственностью и равным распределением). Термин *консерватизм* впервые был употреблен для описания политических убеждений и практических мер, принятых во Франции после падения Наполеона I. Из Франции он распространился в 1820 – 30-х годах в Европу, а в 40-х – в США (Cole, 1954, 243; Ruggerio, 1969, 372-376). Приведенные «факты из жизни» упомянутых выше лексем позволяют точнее определить их место в ряду соположенных составляю-

щих понятия *общественно-политическое движение* именно с точки зрения носителей языка (и менталитета) XIX века.

Очевидно, что основной экстралингвистический фактор, вызвавший к жизни бурные лексико-семантические преобразования в русском языке второй половины XIX века, – это появление и структурирование целой системы социальных понятий. Основное предназначение языка – его коммуникативная функция – потребовало значительной лексико-семантической перестройки для адекватного отображения изменившейся реальности. Динамический характер языковой системы, взаимосвязь и взаимобусловленность элементов лексического уровня привели к тому, что семантические изменения, подобно кругам на воде от брошенного камня, охватили значительную часть лексикона.

Для пополнения и реструктуризации названной лексико-семантической сферы в русском языке того времени были задействованы все возможные деривационные средства: заимствование, калькирование, морфологические словообразовательные средства, семантическая деривация.

Количество заимствований в области общественно-политической лексики из европейских языков (преимущественно из французского) огромно, вот лишь небольшая их часть: *автономия, ассоциация, авторитарный, буржуазия, гуманный, индустрия, консерватор(-ивный), конкуренция, пропаганда, социализм, коммунизм, централизация, цивилизация* и многие другие (перечисленные выше заимствования относятся к 40-м годам XIX в.) (Сорокин, 1982, 89). Во второй половине столетия появились слова *либерал, революционер, реакционер, реформист, социалист, коммунист, социал-демократ* и др. Из польского языка были заимствованы такие лексемы, как, например, *маевка, массовка*.

В отличие от заимствований, рассмотренных выше, существительное *идеология* пережило интересные семантические трансформации еще в языке-источнике. Франц. *ideologie* (< греч. *ideologia* < *idea* «идея, понятие» + *logos* «учение, наука») имело вначале значение «часть метафизики, рассуждающая об идеях» → «умозрительная философия» и лишь в 80 – 90-х гг. XIX века — «система идей, представлений, выраженная в различных формах общественного сознания» (Шанский). С этим значением слово заимствуется русским языком и начинает широко употребляться в марксистской литературе как синоним к рус. *мировоззрение*. Лексема *идеолог* также заимствована из французского языка. В эпоху первой Французской империи идеологами называлась партия знаменитых метафизиков, противодействовавших политической реакции. Это была насмешливая кличка, данная Наполеоном I тем, кто противился его политике во имя высоких отвлеченных принципов. Далее у слова развились значения «кабинетный критик государственного учреждения» → «мечтатель» → «выразитель каких-либо идей». Лишь в начале XX века за словом закрепляется современная семантика (Лексика, 1981, 309).

Бурное формирование системы общественно-политических понятий в XIX веке и мобильность лексического яруса языка приводили к значительным изменениям в семантике заимствований. Например, заимствование *класс* у Тредиаковского толкуется как «сорт, род, вид», а уже с конца XVIII века употребляется в таких контекстах, как *люди первого общественного класса; разделение народа на разные классы; ...эти классы назывались мещанами...* (Веселитский, 1972, 233). Аналогично и слово *блок* только в конце XIX века стало употребляться в значении «союз отдельных партий». Само же слово *партия* (< франц. *parti* < лат. *pars, partis*) было заимствовано в значении «отряд» и также переживало значительные семантические изменения. Рус. *партия* уже с начала XIX века служит для обозначения различного рода общественных группировок. Однако до последней четверти XIX века вряд ли можно говорить об особом политическом значении этого термина. Постепенно, с распространением таких сочетаний, как *политическая партия, конституционная партия, либеральная* и т.д., происходит спецификация термина, его смысловое ограничение. Характерным признаком обособления этого нового значения служит появление новых производных – *партийный, партийность* (Сорокин, 1982, 172).

Примеры изменения значений иноязычных слов на русской почве чрезвычайно многочисленны. Вот некоторые из них: *организация* < франц. *organisation* «физическое сложение человека» → «объединение определенных лиц». Заимствование XVIII века *организация*, имевшее значение «членовное составление», «совокупность частей живого тела, организм», в XIX столетии начинает обозначать общественную группировку и становится синонимом *объединение*. Рус. *кризис*, заимствованное из греческого языка через франц. *crise* < лат. *crisis*, «кризис (болезни)» → «общественный (политический) перелом»; *оппозиция* < франц. *opposition* < лат. *oppositio* «противопоставление» → «партия или группа лиц, противопоставляющая свои взгляды, свою политику взглядам или политике большинства»; *патриот* (< франц. *patriote* или нем. *Patriot* < греч. *patriotus*) «земляк, соотечественник» → «патриот». Слово *реакция*, заимствованное и употреблявшееся только в значении «химическая реакция», после формирования устойчивых сочетаний *вызвать реакцию, пробудить реакцию* и т.д. приобретает политический смысл в связке с *реакционн/ый (-ость), реакционер* и продолжает употребляться в области химии в связке с *реагировать, реактив*. В это же время формируется оппозиция *реакционный — демократический*. Меняются объем и значение слова *социал-демократ* и названия представителей практически всех партий того времени (Лексика, 1981, 235).

Названные выше причины лежат и в основе трансформации значения таких иноязычных слов, как, например, *абсолютизм, абсолютист*. С 30 – 40-х годов XIX столетия эти лексемы начинают употребляться в философском смысле – «абсолют», а чуть позже «втягиваются» в социальную сферу и развивают значение «абсолютное монархическое правление», «сторонник

абсолютного монархического правления». Аналогичным образом вовлекаются в сферу социальной лексики иноязычные слова *формация*, *система*, *ассоциация*. В конце XIX века заимствование *империализм*, вначале употреблявшееся только по отношению к колонизаторской Англии, приобретает значение «политика, опирающаяся на силу, стремящаяся к захвату колоний» (*Лексика*, 1981, 307). Русск. *режим* < франц. *regime* в значении «общественный порядок» (< «распорядок») входит в употребление в 70 – 80-х годах (Сорокин, 1982, 169).

Для пополнения круга общественно-политической лексики использовалось и калькирование как от заимствованных основ (например, *партийность* «идейная приверженность, принадлежность какой-либо партии» (*партийный дух*) – семантическая калька с нем. *Parteilichkeit*), так и на основе славянских корнесловов (например, *чистка* «изгнание политических противников» – тоже калька с немецкого слова) (*Лексика*, 1981, 299). Под воздействием французской политической терминологии с середины XIX века появились новые символично-политические значения прилагательных *красный* и *белый*, *левый* и *правый*, новую социальную семантику приобрели слова *верхи* и *низы* (Сорокин, 1982, 172). Возникали также собственно русские образования по образцу калек. Так, например, появление существительного *миросозерцание* (калька с нем. *Weltanschauung*) привело к образованию ряда слов аналогичного характера: *мировоззрение*, *мировосприятие*, *мироощущение*, *мироразумение*.

В 70-х годах XX века главная роль в формировании общественно-политической лексики принадлежала словообразованию. Среди типичных для того времени словообразовательных моделей была суффиксация как при помощи своих (*западник*, *почвенник*, *крепостник*, *народник*, *народоволец*, *черносотенец* и т.п.), так и при помощи заимствованных суффиксов (*бойкотист*, *конституционалист*); при помощи суффиксов *-ист-* и *-ец-* могла обозначаться политическая принадлежность, «принадлежность» по месту заключения, по приверженности тому или иному течению. Широко распространены были и дериваты с суффиксом *-щина* (*керенщина*, *декадентщина*, *кружковщина*, *нелегальщина*, *деревенщина* «группа пропагандистов в деревне») и с суффиксом *-ств-о* (*берштейнианство*, *богоискательство*, *народничество*). Тогда же появились заимствования с суффиксом *-изм* (*нацифизм*, *феминизм*, *оппортунизм*) и аналогичные русские образования с заимствованным суффиксом (*большевизм*, *правдизм* и др.).

Мощная семантическая перестройка большого пласта лексики не могла не затронуть исконных слов. Под влиянием слова *режим* изменяется значение лексемы *порядок*. С 70-х годов XIX века оно начинает употребляться в значении «политический режим» (*старый порядок*) (Сорокин, 1982, 169); слово *строй* развивает социально-политическое значение, включаясь в связку лексем *режим*, *порядок*, *формация*, *система*. Исконное русское *лагерь* с 60-х годов начинает обозначать общественные направления и

партии под влиянием заимствования *ассоциация*. Семантическое развитие по аналогии — вообще весьма распространенное явление. Рус. *перелом* стало употребляться по отношению к социально-экономическим процессам под влиянием заимствования *кризис*. Лексема *человечество*, зафиксированная в словаре И.И.Срезневского в значениях: 1) «человеческий род, люди», 2) «человеческие свойства», 3) «сострадание, человеколюбие», перестает употребляться в последних двух из них, закрепившись только в значении (1) под влиянием заимствования *цивилизация* и передав значения (2,3) деривату *человечность*. Аналогично и слово *производство*, сперва обозначавшее только действие по глаголу *производить*, приобретает современное значение после появления заимствования *индустрия* и хрестоматийного новообразования Н.М. Карамзина *промышленность*. Вовлекаются в сферу социально-экономической лексики и развивают современное значение такие слова, как *собственность, занятие, дело*.

Кроме аналогии, причиной семантических изменений могло быть размежевание синонимов, как, например, *горожанин* и *гражданин*, первое из которых исконно русское по происхождению, а второе заимствовано из старославянского языка. *Гражданин* первоначально означало «житель города», а в современном значении его впервые употребил А.Радищев (Шанский). После этого сложилась оппозиция *гражданин* — *мещанин*: слова, первоначально бывшие синонимами, стали антонимами.

Интересную трансформацию значения претерпела лексема *царизм*: «преданность царю и престолу» → «безграничный произвол самодержавия» (*Лексика*, 1981, 443). Такое развитие значения было обусловлено экстралингвистическими причинами, а именно широким употреблением в революционной литературе иносказаний типа *темная сила* для замены слова *царизм*.

Некоторые общеупотребительные слова русского языка XIX века переосмысляются через ироническое образное применение к явлениям социального порядка. Таковы, например, слова *слой, наслоение*, которые стали употребляться в сфере общественно-политической лексики после соотнесения выражений *геологический слой, геологическое наслоение* со сменой поколений и исторических периодов: «*Пора нигилисток для нас такой же геологический слой, как и пора провинциального женского идеализма*» (*Лексика*, 1981, 444).

Как видно из приведенного выше материала, рассмотрение гипонимичных понятий по отношению к слову *общество* затруднено, а зачастую и невозможно без обращения к системным связям лексем, обозначающих такие понятия. В русском языке XIX века складывалась именно система общественно-политической лексики обладающей большими возможностями обозначения и высокой степенью согласованности частей. Многие отдельные семантические преобразования были обусловлены именно системным характером взаимоотношений между словами, относящимися к обще-

ственно-политическому дискурсу второй половины XIX века. Например, лексемы *мещанин*, *мещанство* и *буржуа*, *буржуазия*, а также *среднее сословие*, *средний класс* первоначально не были дифференцированы по смыслу. Но с развитием идей о классовой борьбе все отчетливее выступает представление о буржуазии как особом классе общества. Параллельно с этим происходит и смысловая эволюция слов *мещанство* и *мещанин* (Сорокин, 1982, 89). Слово *мещанин* приобретает отрицательную коннотацию после пьесы М.Горького «Мещане», а в первом десятилетии XX века появляется слово *буржуазность* «себялюбие, отсутствие общечеловеческих интересов, узость взглядов».

Влияние заимствований и перестройка отношений в сфере общественно-политической лексики стали причиной оформления оппозиции *пролетарий – собственник* (как *богач – бедняк*) после заимствования в 40-х годах слова *пролетарий* (Сорокин, 1982, 102).

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть ингерентность языка социальному сознанию и общественным процессам в конкретный период развития. Например, широкое использование иносказаний в конце XIX века привело к появлению стойкой коннотации у таких слов, как *духовенство* (*жандарм в рясе*), *партия* (*центральная боевая организация*), *стачка* (*высшая форма борьбы*), *марксизм* (*передовая теория*). С широким распространением марксистского учения и противостоянием партии большевиков другим левым партиям связано переосмысление заимствования *демагог* «вождь народа, популярный благодаря влиянию и силе слова» ← «противник монархии» ← «революционер, предводитель народной партии» (ср.: *демагогия* «преобладание народной партии в делах управления»). Именно в таком значении слово употреблялось А.И.Желябовым: «*Я рожден демагогом, мое место на улице*» (Сорокин, 1982, 158). Только в начале XX века слово приобрело отрицательную эмоционально-оценочную окраску и развило значение «человек, пользующийся влиянием на народ для достижения своих личных целей путем потакания его временным желаниям и страстям». Лексема *подполье*, развившая абстрактное значение после выхода в свет романа Ф.М.Достоевского «Человек из подполья» и имевшая ироническую окраску, наоборот, лишилась былой отрицательной экспрессивности в трудах марксистов и приобрела современную семантику – «деятельность, направленная против власти и протекающая в условиях глубокой конспирации»; после чего сформировалась оппозиция *подпольный – легальный* (Сорокин, 1982, 161). Приведенные примеры еще раз показывают, что лингвистический анализ наиболее результативен именно в контексте экстралингвистических данных.

Раздел 2.2. Слово как раздражитель аудитории:

к вопросу об исследовании семантических пространств политических понятий

Анализ политического дискурса есть создание модели, раскрывающей механизм понимания. Предположив, что создание подобной модели – дело более трудное, чем исследование возможных нарушений в механизме понимания, нами был сделан ряд допущений, посылок и гипотез.

Рассмотрим, например, **политический выбор**. Он рационален и может быть представлен как процедура решения задачи, которая сводится к нескольким операциям: субъект выбора (избиратель) рассматривает все предложенные **альтернативы** (кандидатуры), соотносит их с представлениями о том, «что такое хорошо и что такое плохо», т.е. с имеющимися у него **эталоном**, **фреймами**. Они помогают ему предположить, к каким **последствиям** приведет выбор каждой из кандидатур с точки зрения **полезности** для себя и других. Подобную процедуру в осуществлении рационального выбора выполняет каждый субъект выбора. Если он искушен в политике, то все указанные действия производит практически мгновенно, безошибочно определяя, где «свой», а где «чужой», что «хорошо» и что «плохо». Избиратель, ориентированный на ту или иную идеологию или политическое амплуа, проделывает эту работу без труда, сразу находя нужные ему варианты.

Не определившиеся в политике люди (а именно они представляют для политиков едва ли не наибольший интерес) испытывают затруднения в выборе. Это похоже на изучение иностранного языка. В родной речи мы не задумываемся о том, по каким правилам надо расставить в предложении подлежащее и сказуемое, дополнения и определения. Но разговаривая на иностранном языке, приходится держать в голове грамматические правила, чтобы не наделать ошибок. В ситуации политического выбора происходит нечто подобное: идеологически ориентированный избиратель «говорит на родном языке», не определившийся – «на чужом». При этом именно ему чрезвычайно необходим диалог с политическим партнером и противником. Даже элементарный бытовой выбор требует диалога, и уж тем более он необходим в принципиально новой и сложной для человека ситуации.

Полноценная дискуссионная практика (продуктивный текстообмен) возможна лишь тогда, когда лингвистическое сходство коммуникантов сопровождается экстралингвистическим. Применительно к нашему случаю дискурс не охватывает все сообщество, а осуществляется в определенных кругах контактов. Так, например, есть круг читателей газеты «Советская Белоруссия», которые совершенно искренне считают оппозицию и, в частности, редакцию газеты «Свабода» сумасшедшими политиками. В свою очередь, оппоненты не менее жестко судят о сторонниках «партии власти». При этом плюрализм превращается в инкапсуляции мнений в группах. В

каждой из них имеется свой политический словарь, свои символы и смыслы, которые так или иначе обеспечивают диалог внутри группы, но никак не способствуют становлению политического дискурса в обществе в целом.

Исходя из этого, мы постулировали **необходимость реконструкции индивидуальной системы личностных смыслов**. Основным методом реализации этой задачи является построение субъективного семантического пространства. Семантическое пространство, фрейм — определенным образом структурированная система признаков, отношений объектов социальной действительности, описывающая и дифференцирующая объекты (значения) некоторой содержательной области (Петренко, 1983, 67). Говоря о пространстве, невозможно избежать понятия границы, предела, рамки. Установить эту границу, за которой начинается иное семантическое пространство, и есть исследовательская задача, которую попытались решить авторы.

В качестве экспериментальной нами была взята группа студенческой молодежи различных вузов г. Минска. В данном случае мы рассматривали студенчество, с одной стороны, как достаточно образованную и, в известном смысле, «опережающую» группу населения, а с другой — как достаточно сплоченную и однородную, которую можно рассматривать в качестве особой автономной социальной единицы.

Решению поставленной задачи, по мнению исследователей, вполне соответствовал подход «case study», при этом выборка составила 92 человека. Не умаляя значимости широко практикуемых массовых социологических опросов, заметим, что в нашем случае речь шла не о широте охвата, а о глубине. Мы не ставили перед собой цель с точностью определить, сколько белорусов думает так, а сколько иначе. Наша исследовательская задача сводилась к тому, чтобы показать, с какой системой признаков, отношений объектов политической действительности, описывающих и дифференцирующих объекты (значения) этой действительности, мы имеем дело и каковы численные характеристики фреймовой однородности в отдельной группе (в нашем случае — студенческой молодежи).

В данном исследовании мы осуществили следующие процедуры:

- Выделен ряд политических понятий, несущих основную актуальную идеологическую нагрузку, например: *политика, выборы, власть, митинг, депутат, диктатор, элита, гражданский долг, демократ, партия, анархия*. Применен известный в психологии метод свободных ассоциаций. Группе респондентов предлагалось действовать по следующей инструкции: «Вам будет зачитываться ряд слов. После прочтения каждого из них Вы должны записать первое пришедшее Вам на ум слово. Время для размышления у Вас будет ограничено. Если Вы не успеваете вовремя отреагировать на предложенное слово, ставьте в опросном листе прочерк».
- В результате был получен список ассоциаций, которые мы разделили на несколько групп:

- слова-реакции, содержащие существенные или лингвистически выверенные признаки;
- слова-реакции, содержащие несущественные, латентные, конкретно-ситуативные признаки, и предметы, которые могут сосуществовать в данном явлении ;
- слова-реакции, указывающие на негативную оценку слова-стимула;
- слова-реакции, выражающие сравнения, метафоры, переносный смысл, исторические персоны, культурные клише;
- слова-реакции, отражающие индивидуальные ассоциации, не поддающиеся классификации;
- антонимы.

- После этого материал был предложен независимым экспертам.

В данной статье приводятся результаты, полученные на основании работы с четырьмя базовыми актуальными политическими понятиями — *политика, митинг, выборы, власть*. Данный список представляется авторам в достаточной степени показательным, поскольку включает как абстрактные политические понятия (*политика, власть*), так и понятия, отражающие некоторые конкретные политические процедуры (*митинг, выборы*). Полученные данные представлены в таблицах, отражающих категории слов-реакций и их частотные характеристики. Процент слов-реакций определялся не из числа участников эксперимента, а из числа слов-реакций (см. табл. 1-4).

Таблица 1

Понятие «политика»

Словарное значение	Категории слов-реакций на понятие «политика»	Примеры	%
общественная деятельность, направленная на защиту интересов групп граждан; деятельность, направленная на завоевание и удержание власти; деятельность по принятию общественно значимых решений органов государственной власти	Слова-реакции, содержащие существенные (лингвистически выверенные) признаки, синонимы	Власть, государство, управление	22
	Слова-реакции, содержащие несущественные (латентные), конкретно-ситуативные признаки и предметы, которые могут сосуществовать в данном явлении (атрибутивные)	Газета, деньги, люди	10
	Слова-реакции, указывающие на негативную оценку слова-стимула	Грязно, болтология, придурки	60
	Слова-реакции, выражающие сравнения, метафоры, переносный смысл, исторические персоны, культурные клише	—	4
	Слова-реакции, выражающие срав-	Лабиринт,	

нения, метафоры, переносный смысл, исторические персоны, культурные клише	отец, гибкость	4
Антонимы	—	-

Таким образом, мы представляем некоторые фрагменты «дикорастущего» толкового словаря политического языка студенческой молодежи. Разумеется, это не дает полного представления о политическом лексиконе населения, однако позволяет зафиксировать дистанцию и сущность расхождения между тем, что можно считать словарной нормой (эталонном), и употребляемым в данном политическом контексте смыслом.

Таблица 2

Понятие «митинг»

Словарное значение	Категории слов-реакций	Примеры	%
Слова-реакции, выражающие сравнения, метафоры, переносный смысл, исторические персоны, культурные клише	Слова-реакции, содержащие существенные (лингвистически выверенные) признаки	Народ, протест, демонстрация	33
	Слова-реакции, содержащие существенные (лингвистически выверенные) признаки	Транспарант, флаг, лозунг	33
	Слова-реакции, содержащие существенные (лингвистически выверенные) признаки	Орущая толпа, бунт, драка, дурдом	32
	Слова-реакции, содержащие существенные (лингвистически выверенные) признаки	—	-
	Слова-реакции, содержащие существенные (лингвистически выверенные) признаки	Праздник, встреча	2
	Антонимы	-	-

Как показывает анализ полученных данных, формирование реальных политических эталонов для осуществления выбора пока только начинается. При этом даже в однородных социальных группах (в нашем случае речь идет о студентах) нет единых эталонов выбора, что может быть расценено как результат отсутствия реального политического дискурса. Конечно, в описании своего политического поведения молодой городской избиратель в большинстве своем пользуется общепринятой политической лексикой: *политик, демократ, власть, депутат, диктатор* и т.п. Однако толкование этих эталонных слов весьма далеко от того, что можно считать нормой.

Заметим также, что в ассоциациях доминирует негативная эмоциональная окраска. Это означает, что если человек и погружен в политику, то

испытывает дискомфорт и стремится избежать этой погруженности. Такая картина типична для начальной фазы политического дискурса и может быть расценена как положительный факт. Гораздо хуже в данном случае отсутствие каких-либо эмоций вообще, поскольку именно эмоции всегда способствуют закреплению в сознании тех или иных фреймов.

Кроме того, мы проранжировали предложенные понятия по степени их коммуникативной ценности или возможности понимания, выделив среди них процент лингвистически выверенных слов-реакций и слов-реакций, указывающих на негативную оценку слова-стимула (табл.5). Отметим, что позитивная (лингвистически выверенная) доля ассоциаций чрезвычайно низка: от 33 % (*митинг*) до 12% (*власть*). Негативные оценки более высоки: от 60 % (*политика*) до 22% (*власть*), что указывает на политическое самоопределение скорее по эмоциональным, чем рациональным основаниям.

Таблица 3

Понятие «выборы»

Словарное значение	Категории слов-реакций	Примеры	%
Избрание путем голосования депутатов, должно-стных лиц, членов организации	Слова-реакции, содержащие существенные (лингвистически выверенные) признаки	Голоса, голосование, кандидаты, воля, мандат, предпочтение, мнение, гражданский долг	15
	Слова-реакции, содержащие несущественные (латентные), конкретно-ситуативные признаки, и предметы, которые могут сосуществовать в данном явлении (атрибутивные)	Урна, кабина, много людей, реклама, раздача пива, выходной, мероприятие	43
	Слова-реакции, указывающие на негативную оценку слова-стимула	Сборище, пустая трата (времени, денег), шума, ерунда, делать нечего	26
	Слова-реакции, выражающие сравнения, метафоры, переносный смысл, исторические персоны, культурные клише	В Думу	1
	Слова-реакции, отражающие индивидуальные ассоциации, не поддающиеся классификации	Титул, школа, надо, приборы	15

	Антонимы	-	-
--	----------	---	---

Наше исследование также показало, что понятия, используемые в актуальном политическом словаре, в настоящий момент могут быть разделены на несколько групп:

Таблица 4

Понятие «власть»

Словарное значение	Категории слов-реакций	Примеры	%
Право и возможность распоряжаться кем или чем-нибудь, подчинять своей воле, политическое господство, государственное управление и его органы	Слова-реакции, содержащие существенные (лингвистически выверенные) признаки	Политика, президент, король, то, что покоряет людей	12
	Слова-реакции, содержащие несущественные (латентные), конкретно-ситуативные признаки и предметы, которые могут сосуществовать в данном явлении (атрибутивные)	Сила, трон, деньги, король, империя, ОМОН	54
	Слова-реакции, указывающие на негативную оценку слова-стимула	Неуважение к людям, диктатор, террор, оружие, вседозволенность, монополия, преступление, зло, дурдом, дерьмо	22
	Слова-реакции, выражающие сравнения, метафоры, переносный смысл, исторические персоны, культурные клише	Советам, власть, неограниченность	4
	Слова-реакции, отражающие индивидуальные ассоциации, не поддающиеся классификации	Удовольствие, игра, лев, сладость, корона	8
	Антонимы	-	-

Во-первых, это понятия, относительно которых дискурс возможен, но преимущественно в негативном эмоциональном ключе. Такая ситуация может быть признана плодотворной, поскольку возможность дискурса является в то же самое время и возможностью изменения политического сознания. В нашем примере данное положение иллюстрируется понятием *политика*.

Во-вторых, это понятия, относительно которых дискурс не только возможен, но уже сейчас может быть конструктивным, поскольку число самоопределившихся принимающих и отвергающих его приблизительно равно и при этом достаточно велико. Таким понятием в нашем примере вы-

ступает понятие *митинг*, которое не является для респондентов абстрактным политическим понятием в силу накопления ими некоторого опыта, а также обсуждения этого опыта (если большинство студентов и не участвовали в митингах, то обсуждали участие других).

В-третьих, выделяются понятия, которые в большинстве случаев пока не являются предметом дискурса, но могут стать таковыми лишь благодаря образовательным и просвещенческим усилиям. Так, в нашем случае это справедливо в отношении понятия *власть* и *выборы*. Большая часть респондентов (60% и более) не самоопределилась относительно этих понятий и в своих ассоциациях способна лишь актуализировать несущественные признаки. Подобное происходит в случае, когда отсутствует широкая общественная дискуссия по актуальным проблемам политической жизни (в нашем случае — *выборы*). Но это же наблюдается и тогда, когда люди имеют дело с естественными понятиями и явлениями, которые, становясь общеизвестными, лишаются какого-либо конкретного смысла. В бытовой практике это характерно для таких «естественных» понятий, как *здоровье, счастье, жизнь, смерть*, в политической практике таковым является, например, *власть*. Действительно, власть рассматривалась нашими респондентами не как инструмент регулирования общественных отношений, а как природное явление, подобное ветру, снегу, дождю. Последнее может быть объяснено отечественной политической традицией, что, разумеется, должно обсуждаться, но в данном случае выходит за рамки заявленной темы.

Суммируя наши рассуждения, мы можем констатировать, что политика составляет общий фон жизни, в том числе и молодого человека. Но если последний и погружен в политику, то некоторые политические процедуры для него чужды и никак не могут служить связующим звеном между политикой и личной жизнью. В свою очередь, личная жизнь человека никак не сопряжена с политическим выбором. Провалы политического дискурса отмечаются относительно именно тех понятий, которые никак не сопряжены в сознании субъекта с его личной жизнью. Если в митингах он либо участвовал, либо обсуждал участие других, то в выборах он либо вовсе не принимал участия, либо не принимал осознанного участия.

Главный вывод, который может быть сделан в контексте наших рассуждений, сводится к тому, что если мы не можем зафиксировать политический дискурс в социально однородной группе, то тем более проблематичным становится политический дискурс в крупных «горизонтальных» и «вертикальных» общностях. Следовательно, сегодня мы сталкиваемся с разрывами в цепи политических коммуникаций. Коммуникативные системы «политик – избиратель», «избиратель – избиратель» и даже шире – «власть – народ» не работают на становление оптимального политического процесса, который, как известно, невозможен без эффективных коммуникаций. Таким образом, мы фактически констатируем отсутствие политическо-

го рынка, когда спрос и предложение фатально расходятся, порождая недовольство политиков своим народом и народа своими политиками.

Таблица 5

Коммуникативная ценность (частотность употребления) предложенных политических понятий в среде студенческой молодежи

Понятия	% лингвистически выверенных слов-реакций	% слов-реакций, указывающих на негативную оценку слова-стимула	Всего % реакций
Политика	22	60	82
Митинг	33	32	65
Выборы	15	25	40
Власть	12	22	34

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА
Раздел 3.1. Семантико-синтаксическая структура
политического текста

3.1.1. Проблема текста в лингвистической науке

Интерес языковедов к изучению текста вызван «стремлением объяснить язык как глобальное явление, как цельное средство коммуникации» (Колшанский, 1978, 27). Вслед за П. Сгаллом выделим *два основных направления в исследовании текста*. Одно из них опирается на структурные схемы предложения и от предложения восходит к изучению (частично стилистически ориентированному) более крупных единиц – текстов (Данеш, Изенберг, Падучева, Познер и др.). Второе направление избирает текст как основную точку отсчета и исследует составляющие текст единицы (Петефи, ван Дейк и др.). Из этих двух направлений первое представляет собой, по-видимому, лишь предварительный этап лингвистики текста, так как оно охватывает промежуточные сферы между традиционной лингвистикой, останавливающейся на предложении как на конечном объекте своего исследования, и лингвистикой текста, изучающей текст в целом. Однако второе направление, ориентированное на характеристику текста исключительно в терминах лингвистики, сталкивается с определенными трудностями (которые касаются не только описания глубинной структуры текста, но также изучения различных явлений, связанных с проблемой когерентности текста); кроме того, описывая текст, приходится учитывать и его коммуникативные аспекты, которые находятся вне компетенции лингвистики как таковой (Sgall, 1979).

Эта двойственность помогает, с одной стороны, за языковым материалом увидеть те структурные компоненты, из которых складывается текст, проследить их роль в обеспечении характеристик текста как целого и, кроме того, проанализировать способы соединения элементов, образующих текст (типы связности текста). Такой анализ предполагает наличие некоторой общетеоретической модели, в рамках которой и проводится исследование текста (анализ «сверху» – *дедуктивная стратегия*). С другой стороны, для изучения текста важно знание о процессе его порождения и функционирования (анализ «снизу» – *индуктивная стратегия*). В этом случае исследование начинается с анализа языковых фактов, данных в тексте. Этот вид анализа постулирует наличие некоторого типа связности и подчеркивает коммуникативные аспекты конкретного текста.

Индуктивный метод лежит в основе исследований нарративов; им пользовались представители Пражского лингвистического кружка. Для *дедуктивного метода* наиболее типично обращение к коммуникативной модели как матрице, по которой образуются различные типы текстов, причем

эта коммуникативная модель восходит к модели органа языка (Organon-Modell) по К.Бюлеру.

Для определения текста как целостного объекта изучения выдвинуты разнообразные концепции, основанные на различных исследовательских подходах: в рамках лингвистической науки Р.Харвег, Й.Петефи и Г.Ризер разрабатывают *генеративный подход*; Ч.Монтегю, Р.Сталнакер, Т.ван Дейк — *логико-прагматический*; В.Дресслер, Х.Вайнрих — *прагматико-функциональный*; Й.Мистрик — *статистический подход*. В отечественной науке следует выделить *философско-лингвистическую традицию* Л.В.Щербы, А.А.Потебни, Л.С.Выготского, М.М.Бахтина, Г.В.Колшанского, Н.И.Жинкина, В.А.Звегинцева и др. Предпринимаются также попытки определить содержание понятия «текст» с учетом данных из области *культурологии* (О.С.Ахманова, И.Ю.Марковина, В.С.Горский, Л.А.Шейман и др.), *психологии* (А.А.Леонтьев, И.А.Зимняя, Т.М.Дридзе, Ю.А.Сорокин, В.П.Белянин), *социологии* (А.Н.Алексеев, Е.Ф. Тарасов), *трансформационной грамматики, инженерной лингвистики* (Р.Г.Пиотровский) и т.д.

Очевидно, многообразие подходов к анализу текста вызвано тем, что «текст есть прежде всего понятие коммуникативное, ориентированное на выявление специфики определенного рода деятельности: только на этой основе возможен плюрализм определений понятия «текст», обусловленный многообразием родов деятельности» (Сорокин, 1985, 8).

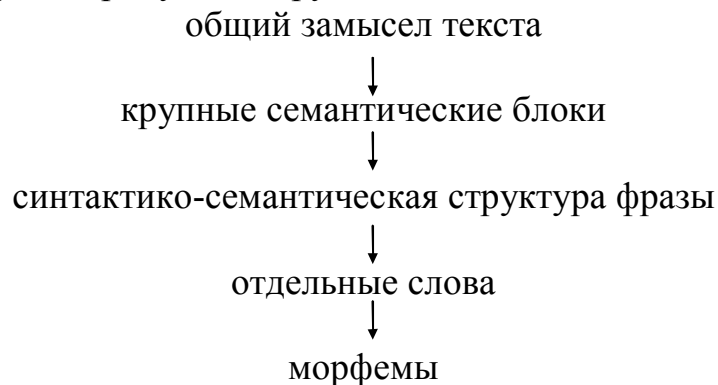
Под текстом в самом широком смысле мы будем понимать любой целостный (законченный) продукт речевой деятельности. Текст в узком смысле трактуется в зависимости от того, какой из его аспектов берется в качестве основы определения.

Например, П.Гартман определяет текст как «актуализованный или могущий быть актуализованным отрезок речи, выражающий определенное содержание и выполняющий определенную функцию» (Hartmann, 1972, 70).

Однако с такой трактовкой не согласен Ф.Данеш: по его мнению, «область текста не может оставаться вне поля зрения собственно лингвистики; ее нельзя оставлять в очень неясной области речи (*parole*)... Различие между употреблением конкретного предложения в конкретном акте коммуникации и предложением как единицей абстрактной системы (т.е. предложением *in abstracto*) является гораздо более четким и бесспорным, чем такое же различие на уровне абзаца и т.п. Тем не менее мы полагаем, что, если быть последовательным, теоретически не только возможно, но и необходимо допустить наличие таких абстрактных единиц» (Daneš, 1971, 139).

Таким образом, в тексте можно выделить формальную и содержательную сторону. С формальной точки зрения текст предстает как некая абстрактная схема, модель сложного законченного целого, относящегося к области языка (*langue*), его парадигматическому уровню. С точки зрения содержания — (реализация этой модели) текст состоит из элементов системы, в которую входит грамматика (набор правил) и словарь.

Таким образом, текст необходимо изучать не только как готовый продукт, как нечто неподвижное и подлежащее таксономическому описанию и моделированию, но и учитывать тот факт, что он не существует вне процессов его создания и восприятия. Тогда анализ текста выходит на уровень «семиологии структурирования» (по Р.Барту) и восходит к *семантизации* как актуализационной операции, преобразующей элементы системы («исходный материал») в текст. В этом случае анализ значений достигается путем последовательного развертывания текста от его общего замысла, представляющего собой означаемую сторону текста, к элементам, составляющим означающую сторону и кодирующим основной замысел текста:

Для исследования процессов семантизации *политического текста*, на наш взгляд, релевантной и подлежащей анализу является **синтактико-семантическая структура фразы**.

3.1.2. Политический текст: логико-семантические проблемы

Под *политическим текстом* следует понимать «целевой» текст (преимущественно газетный), репрезентирующий *ситуацию сообщения* и обладающий информативной функцией. Структура политического текста характеризуется высокой степенью обобщенности.

При анализе политического текста мы неизбежно привлекаем некоторые логические понятия. «Для построения каждого отдельного предложения достаточно грамматики, для развития же текста необходима и логика. Взаимодействие этих двух языков (логического и грамматического) образует механизм формирования текста» (Жинкин, 1958, 27).

В основе данного подхода лежит заимствованное из пропозициональной логики понятие *предикации*, которое включает в себе операции преобразования пропозициональных предикатов в элементы *семантической структуры* текста и позволяет описывать значения на некотором «глубинном» уровне.

Содержание операции предикации состоит «в *ранжировании* пропозициональных (логических) предикатов и, следовательно, конституируемых ими пропозиций, т.е. в установлении между ними определенных субординативных отношений с более широким диапазоном вариантов, нежели в логической структуре (там есть только одно такое отношение — включения),

и с другим основанием» (Попов, Трегубович, 1984, 89). При этом отмечен «нейтральный ранг» — статус, который предикаты имеют уже в логической пропозиции (конституируют в тексте собственные «семантические пропозиции»). «Повышение в ранге» связано с употреблением предиката в функции субъекта («субъективизация»). «Понижение» превращает предикаты либо в «предикаты к предикатам» (особую разновидность *включающих* предикатов, которые детерминируют семантическую структуру высказывания), либо в семантические атрибуты (они не участвуют в создании предикационной структуры).

Рассмотрим операции «ранжирования» на примерах (в качестве иллюстративного материала использованы тексты из российской периодической печати, объединенные одной темой — российско-белорусский союзный договор).

I. «Понижение» статуса предикатов

Различают следующие виды *включающих предикатов*:

1) предикаты с семантикой субъективных ощущений:

A1		P1
<i>Александр Лукашенко в ответ выразил надежду, что «рано или</i>		
A2	P2	
<i>поздно мы придем в наш общий дом».</i>		
		P1 (A1, P2 (A2))
		(P1 связывает два аргумента A1 и P2 (A2))
		— экспликативные отношения;

2) предикаты каузации (состояние, понуждение, просьба, совет и др.):

A2	P1	A1
<i>С одной стороны, на него давит демократическое крыло...</i>		
		P1 (A1, A2)
A2	P1	A1
<i>... ему фактически поставлен ультиматум со стороны Госдумы...</i>		
		P1(A1, A2)
		— каузативные отношения;

3) предикаты, создающие комплетивные отношения (аргументную позицию может занимать как пропозициональный, так и предметный смысл)

A1	P	A2	P(A1, A2)
<i>Я сторонник более осмысленного подхода к интеграции.</i>			

II. «Повышение» статуса предикатов

Ситуация «повышения ранга» предикатов создается путем их субъективизации. Иными словами, предикаты приобретают ведущие функции в лексико-грамматической структуре высказывания.

Подписание	↔	Мы с открытым сердцем подписали Договор...
осуществилось		↓↑
		<i>Договор подписан</i>

3.1.3. Пропозициональная репрезентация политического текста

Для определения семантико-синтаксической структуры политического текста можно привлечь прием *пропозициональной репрезентации*. При этом *пропозиция* — это, по Н.Д.Арутюновой, «семантическая структура, объединяющая денотативное и сигнификативное значения, из которых последнему принадлежит центральная позиция» (Арутюнова, 1976, 37). *Денотативное значение* в пропозиции закреплено за субъектом и другими носителями конкретного значения. *Сигнификативное значение* выражается посредством предиката, который служит «целям сообщения, реализует только свое сигнификативное (абстрактное, понятийное) содержание или смысл» (Арутюнова, 1976, 11).

Денотативное значение вербализуется посредством пропозициональной записи **конкретных наименований** (имен собственных; дейктических слов; существительных, выполняющих идентифицирующую и предикатную функцию (в последнем случае номинации сопровождаются характеризующими определителями: ... *на него давит демократическое крыло* — Е.Гайдар, Г.Явлинский, Б.Березовский и др.)), намечающей следующую типологию высказываний.

- Высказывания с несколькими семантическими субъектами, занимающими позицию подлежащего:

Договор... подписали... президенты двух государств Борис Ельцин и Александр Лукашенко.

- Высказывания, в которых обозначены взаимонаправленные отношения конкретных наименований:

...создание союза России с Беларусью вновь усилит в них сепаратистские настроения.

- Высказывания, в которых субъект характеризуется двумя и более предикатами:

...После чего главы государств подписали Договор..., парафировали Устав Союза и подписали меморандум...

- Высказывания, в которых предикатируется не предметное имя, а событие (субъект выражен словом с пропозитивным значением, т.е. со значением, восходящим к семантике предложения):

<документ>... теперь называется Уставом и выносятся на всенародное обсуждение... (т.е. обсуждать Устав будут все граждане России и Беларуси).

Сигнификативное значение реализуется в пропозициональной записи **предиката**, выражаемого:

- глаголом

Волнение в зале достигло апогея

глагол + детерминат

Самым серьезным критиком договора в правительстве является...А. Чубайс;

глагол+ предикативное дополнение

- глаголом с объектом, причем объект выражает:
  - а) содержание действия:
... с российской стороны приняли участие В.Черномырдин и др.;
  - б) результат действия:
Президенты парафировали проект Устава Союза...;
  - в) конкретный предмет действительности, на который направлено действие:
Госдума объявляет правительству вотум недоверия.

В результате обобщения денотативного и сигнификативного значений в пропозиции возникает возможность определить *типологию текстуальных пропозиций* в зависимости от категориального содержания имеющих в их составе предикатов. Так, различают:

1) Пропозиции статической характеристики:

- пропозиции статальной предикации:
Этот срок зафиксирован в Меморандуме;
- пропозиции качественной предикации:
... <Устав> является правовой и политической основой объединения;
- пропозиции локальной предикации:
Договор... подписали... во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца...;
- пропозиции темпоральной предикации:
Устав должен пройти всенародное обсуждение к 15 мая этого года;
- 2) Пропозиции динамической характеристики:
- пропозиции процессуальной предикации:
Тот послушно сел;
- пропозиции акциональной предикации:
...Госдума объявляет правительству вотум недоверия.

В зависимости от наличия или отсутствия объекта в составе пропозиции акциональной предикации различают:

а) пропозиции детерминирующей предикации:

Он оказался между молотом и наковальней;

б) пропозиции реляционной предикации:

...премьер тут же подошел к Патриарху Алексею...

Некоторые другие типы пропозиций (например, экзистенциальные, номинативные, идентифицирующие (по Н.Д.Арутюновой)), как правило, не получают эксплицитного выражения в газетных текстах, прагматические цели которых — достижение высокой степени информативности на малом текстовом пространстве — исключают выведение на текстуальный уровень пропозиций со слабо выраженной (или не выраженной вовсе) информативной функцией.

Современные теории текста (лингвистика текста, теория речевых актов, теория коммуникации и т.д.) представляют текст как продукт, зафиксир-

рованный результат речевой деятельности. Такое представление формирует задачу исследования — поиск создающей текст деятельности, а также механизма этой деятельности, обуславливающей внутренние процессы развития текста. Как правило, при этом на текст накладывается модель языковой системы, и текст как конструкция моделируется по образцу предложения, высшей единицы в иерархии языка. Однако такое представление о тексте ограничивает понимание его природы, в частности, ряд выявляемых специфических характеристик текста (таких, к примеру, как связность и цельность) не укладывается в традиционные грамматические интерпретации. Тем не менее привлечение синтаксиса для анализа единиц больших, чем предложение, дает возможность проследить на разных ступенях абстракции, что «текст не собирается из готовых деталей, он каждый раз целиком создается заново, хотя этот процесс во многом носит узуальный характер» (Попов, Трегубович, 1984, 179). Реконструировать такой порождающий процесс, определить актуализационные операции «технологии» создания текста (в нашем случае речь шла об операциях *предикации* и *пропозиционной репрезентации*), выявить ту «порождающую структуру», которая задает выбор и членение семантического комплекса, моделирующего ситуацию сообщения, — таковы задачи исследования текста. Политический (газетный) текст структурно «запрограммирован» именно в этом смысле, и его «программа» (на «внутреннем языке») может быть выделена из текста в виде семантической конструкции, которую возможно эксплицировать на языке «внешнем». Дальнейшее изучение данного типа текста позволит не только получить представление о подобных конструкциях с высокой степенью обобщения, но и использовать результаты исследования для выводов о семантическом моделировании текста вообще.

Раздел 3.2. Оценка как стержень структурной организации текста

Оценка как текстовая категория присутствует, по крайней мере имплицитно, во всех газетных материалах, но в идеологизированных текстах она становится его организующим ядром, обеспечивая целостность и связность смыслового развертывания. В оценке реализуется аксиологическое отношение субъекта речи к реалиям жизни. Если рассматривать оценку как лингвистическое явление, в ней можно выделить процессуальный и статический аспекты (Котюрова, 1988). Соотнесение объекта с основанием ценности, «репрезентирует динамический аспект категории и динамико-речевую систему на текстовой плоскости» (Бедрина, 1995). В результате оценивания получаем оценочные суждения как элемент речевой системы (статический аспект текста). Рассматривая текстовой способ экспликации оценки, мы в своей работе трансформировали «денотативную структуру» (Новиков, 1983) в структуру смысловых оценочных блоков, которые демонстрируют степень развернутости/неразвернутости оценки в идеологизированном тексте.

Процедура оценивания – это система компаративных действий субъекта в поле ценностных отношений. Это можно представить как последовательность операций «взвешивания» «за» и «против». Таким образом, читатель вовлекается в управляемый процесс выработки оценки.

Обратимся к анализу конкретных текстов. Перед нами репортаж:

«Коричневый» футбол

О проникновении неонацистов в спортивные клубы ФРГ

Эпизод (1) – описание ситуации на стадионе:

Юнцы ...вскидывая руку в гитлеровском приветствии, ревут: «Жид! ! Жид !» ... Вопль подхватывает и скандирует теперь уже добрая сотня голосов. Рев волнами перекачивается по трибунам.

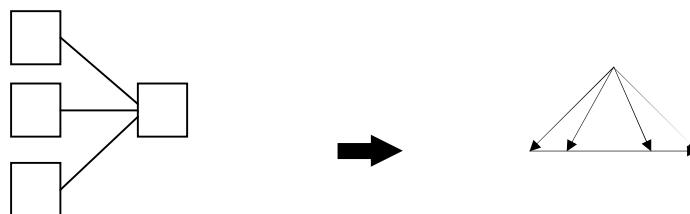
Эпизод (2) – рассказ о проникновении неонацистов в спортивные клубы страны:

Между тем некоторые клубы болельщиков сползают вправо. Неонацисты проникают в их среду и используют страсти этой публики к попойкам и дракам, не имеющим, вообще говоря, отношения к политике, для проведения политических акций.

Эпизод (3) – описание собрания лидеров неонацистских группировок:

... Мы попали ... на еженедельное собрание «Боруссенфронта». ... Самому молодому из присутствующих – 17 лет, остальным около 25. ... Звучит троекратное «Зиг хайль!», затем поют запрещенный нацистский гимн «Хорст Вессель». (КП. 02.10.84).

Заголовок имеет оценочный характер, его семантика оценки – отрицательная. В подзаголовке в сжатом виде заявлена основная тема репортажа – проникновение неонацистов в спортивные клубы ФРГ. Здесь оценочное значение имеют слова «неонацисты» и «проникновение». Композиция текста и ход рассуждения автора строятся на описании нескольких эпизодов. Отметим языковые средства создания оценочного значения: интенсификаторы оценки, несобственная речь, эпитет, разговорная лексическая единица. Значимым в структуре текста является то ценностное основание, которым оперирует автор. Оно эксплицируется и приобретает доказательную силу в ходе развертывания эпизодов-доказательств. Схематично эта динамика представлена на рис. 1.

Структура смысловых оценочных блоков

Структурная форма («формула»)

Рис. 1

Как видим, содержательная сторона оценки (оценочное значение) присутствует во всех фрагментах и именно она обеспечивает целостность

газетного текста. В данном случае оценочная связь представлена формулой «треугольника» (может быть изображена также в виде ценностной шкалы). Заключение репортажа происходит частнооценочным образом. Оно вытекает из одного (отрицательного по семантике) условия, но с учетом приведенных доказательств. Ценностное основание изначально смещено в отрицательную сторону и в тексте не изменялось.

Для сравнения приведем анализ газетного текста 1994 г. Тема статьи заявлена в заголовке *«Елизавета II согласилась на неприятное соседство»*. Заголовок потенциально содержит как позитивную (*согласилась*), так и негативную (*неприятное*) оценку. По вопросу нефтеразведки на территории Виндзорского замка представлены два мнения — позитивное и негативное.

Елизавета II согласилась (+) на неприятное (-) соседство

(-)Британия второй день не может оправиться от потрясения: ... на территории знаменитого Виндзорского замка (+) ... скоро начнутся работы по разведке нефти. (-)Разрешение бурить скважины дала ... сама Елизавета II.

(-)Хотя некоторые аналитики считают прогноз чересчур оптимистичным, (+)Освальд, проработавший с нефтью 40 лет, верит своей интуиции .... (+)Но королева совершила благородный жест. Она согласилась на соседство нефтяной скважины бескорыстно... (-)Пока самый яростный противник нефтяных разработок – хранитель Виндзорского замка Д.Аутвин. (+)Однако канадский инженер уверяет, что ... парк не пострадает ... (КП. 08.12.94).

Схематично «движение» оценочной семантики данного изображено на рис. 2.

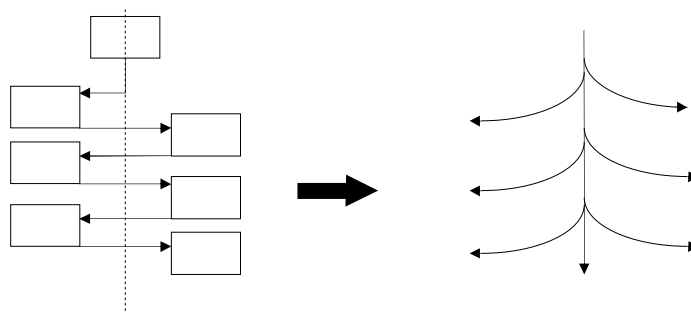

Рис. 2

Анализ цельных газетных текстов 80–90-х гг. позволил выявить, что «пульсирующей» двойственной структуре оценки (которая больше соответствует «истинностному» оцениванию) способствуют окрашенные иронией приемы параллелизма и сравнения.

Оригинальный способ трансформации структуры развертывания оценки находим в следующем тексте:

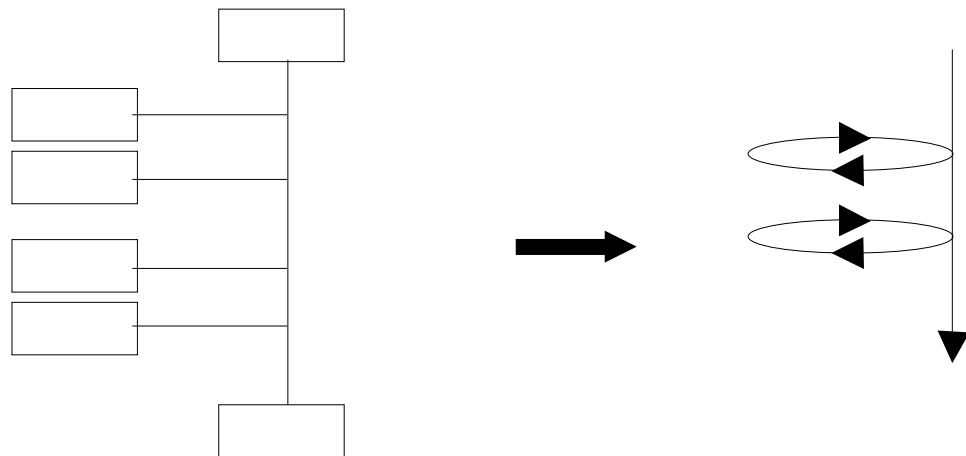
Все-таки буржуазные «советологи» не зря проедают свои 30 серебряников – уж очень ладно подлецы кроют ... Многие бездумно повторяют выкладки словоблудливых интриганов (КП. 01.11.84).

Форма развертывания оценки «замыкается» в кольцо, образуя в тексте «петлю» (по сути – оценочный тавтологический круг). Отметим, что подобное развертывание концептов (правда, без учета семантики оценки) приводит в своей работе Э.Лассан (Лассан, 1995). Графически такая структурная форма оценки представлена на рис. 3.

Описанные модели могут сочленяться в единую семантическую конструкцию:

Куда идет МОТ ?

(1)... В рамках ООН этими вопросами [безработицы и т.п.]призвана заниматься Международная организация труда (МОТ) ... (2) Так, провозглашенная несколько лет назад этой организацией «Всемирная программа занятости» .... (3) Не сказала своего слова МОТ в деле содействия законодательному обеспечению права на труд. Представители западных стран упорно препятствуют в МОТ конвенции о праве на труд. (4)Недопустимая пассивность МОТ в решении этих проблем – еще одно свидетельство того, что сегодня эта международная организация весьма далека от реальных проблем, которые выдвигает жизнь перед трудящимися, международным рабочим и профсоюзным движением. (5) Как иначе объяснить тот факт, что не дается ход или попросту тормозится выполнение решений ... МОТ, принятых по инициативе СССР, других социалистических стран и профсоюзов прогрессивной ориентации ... (6) Организация не только не стала ареной равноправного и взаимовыгодного сотрудничества ... но преследует совершенно противоположные цели (Известия. 03.10.84).

Рис. 3

Заголовок и вводные абзацы текста не эксплицируют оценку, оценочная структура не развертывается. Далее же композиция текста и ход рассуждения автора строятся на приводимых оценках, которые скорее напоми-

нают «развешивание ярлыков»: (2) не оказать никакого влияния, (3) не сказать своего слова, (4) недопустимая пассивность, (5) реакционное большинство как бы «не замечает», (6) тормозятся решения, (7) не только не стала ареной ... сотрудничества, но преследует противоположные цели. Основным прием, к которому прибегает автор, это постоянное повторение негативной оценки деятельности МОТ и противопоставление интересов этой организации интересам СССР. Схематично динамика оценки понятия представлена на рис. 4.

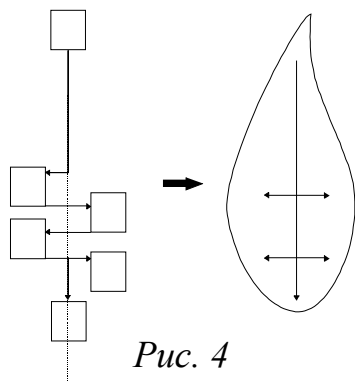

Рис. 4

Семантический объем оценочного значения текста в целом (точнее, его структуры) может быть представлен в виде «капли», когда оценочно-нейтральное начало переходит в оценочно-усиленное продолжение в конечной части текста. Это наиболее универсальная форма оценки в идеологизированных текстах, поскольку и форма треугольника, и форма петли могут быть представлены как усеченные варианты «капли» с той или другой стороны. Более того, усиление оценки именно во второй трети текста (в конце высказывания) работает на эффект воздействия, так как такое текстовое расположение концентрации оценочной семантики соответствует психолингвистическим правилам более эффективного восприятия информации адресатом.

В настоящее время, когда, казалось бы, отсутствует государственная идеология, оценка в «неидеологизированных» газетных текстах мало чем отличается от прежних образцов. Рассмотрим текст репортажа второй половины 90-х гг. *«Наши» ищут место под «их» солнцем.*

Десятки тысяч россиян хлынули на самые популярные – и самые дорогие! – в мире курорты. Они тратят на свой отдых кругленькие суммы, нагоняя годы, потерянные когда-то на гальке черноморских пляжей ... (1).

Зрелище русского «бегства к солнцу» обескураживает. Оно даже привело к тому, что еще недавно казалось просто невысказанным: британцы и немцы выступают в тактическом союзе, отражая натиск новых пришельцев... (2).

Там, где бритты и германцы – «новые бедные» – выбирают скромные пансионаты или трехзвездочные гостиницы, русские с шумом закатываются в роскошные отели. Как утверждают в греческом турбюро, русские в среднем тратят на человека почти в два раза больше, чем отдыхающие с Британии (3).

... Теперь маленькие Гансы, Штефи и Гюнтеры уже не ходят в «киндер-клуб» у моря: их вытеснили маленькие Даши, Саши и Маши. Пришли русские. На пляже места хватило для всех, и немецкие разговоры о спокойном отдыхе уступили место безграничному русскому гедонизму ... (4) (АиФ. 1997. №30).

В выделенных смысловых блоках преобладают эмоционально-оценочные средства. Развертывание оценки осуществляется за счет сравнения западных и российских туристов (последовательность оценочных смысловых блоков 1 и 2, 3 и 4 дает систему «противовесов», а в структурном оформлении блоки 1, 3 и 4 дают «петлю» – тавтологический оценочный круг). Структурное развитие оценки целого текста во многом идентично описанным нами схемам. Отсюда можно заключить, что принципиальных различий в структурах развертывания оценки в идеологизированных и неидеологизированных текстах не наблюдается. Это свидетельствует о том, что абсолютно объективная оценка неосуществима: она детерминирована аксиологическим характером нашего мышления.

Раздел 3.3. Ключевые слова как ориентиры понимания текста: проверка гипотезы

Основное содержание текста становится понятным каждому слушающему или читающему, если выделены наиболее существенные элементы текста. Их называют по-разному: «ядерные слова», «опорные пункты» и, наконец, наиболее употребительный термин: «ключевые слова» (Выготский, 1956; Смирнов, 1966; Новиков, 1983).

Л.С. Выготский так характеризует эту категорию: «Слово, проходя сквозь какое-либо художественное произведение, вбирает в себя все многообразие заключенных в нем смысловых единиц и становится по смыслу как бы эквивалентным произведению в целом» (Выготский, 1956, 349). Для А.А. Смирнова это «некоторая точка, нечто краткое, сжатое, само по себе, по своей величине незначительное, но в то же время служащее опорой какому-то более широкого содержания, замещающего его собой» (Смирнов, 1966). Е.М. Кузичева определяет ключевое слово как «веху, указывающую на те или иные компоненты текста, обладающие важным значением для понимания текста как целого» (Кузичева, 1988, 10). С этим совпадает дефиниция А.В. Пузырева: «Ключевое слово — это такое опорное слово, которое содержит в себе основной смысл текста, являясь его семантическим и композиционным центром, и подвергается вследствие этого различным семантико-стилистическим трансформациям. Ключевые слова как одна из разновидностей ключевых элементов (КЭ) текста наблюдаются далеко не в каждом художественном произведении и рассматриваются нами как особый композиционный прием» (Пузырев, 1989, 30).

И. Вуйович характеризует ключевые слова с лингво-страноведческой точки зрения: «Ключевыми словами мы называем высокочастотные слова, которые занимают центральное место в тематических группах лексики, обладают большой словосочетательной активностью и выражают существенные элементы национальной культуры» (Вуйович, 1986, 26).

В этих определениях просматривается главная мысль: ключевыми следует признавать слова, обладающие наибольшей семантической информативностью в тексте. Они конструируют текст, являются его смысловым стержнем.

Чтобы убедиться в правильности этого утверждения, мы провели эксперимент. Он осуществлялся в двух сериях, разделенных во времени. В каждой испытываемым предлагалось по два текста для восприятия. Исходными текстами были газетные статьи политического характера, объем которых не превышал 1000 печатных знаков. По каждому тексту испытываемые должны были выполнить по два задания, которые формулировались так:

- прочтите и передайте содержание текста;
- прочтите компрессированный текст, затем текст-оригинал и снова перескажите его.

Понимание текста оценивалось следующим образом:

- «отлично» – полное понимание;
- «хорошо» – имеется одна неточность;
- «средне» – две-три неточности;
- «плохо» – полное непонимание.

Усредненные оценки понимания приведены в табл. 2 и 3.

Эти задания, по замыслу, должны были дать серии сопоставимых фактов, относящихся к различным уровням понимания. Предполагалось, что если оценки по итогам второго задания выше оценок, полученных за первое задание, то, следовательно, и уровень понимания выше, а это значит, что ключевые слова, наряду с другими факторами, действительно играют важную роль в понимании текста.

Компрессированные тексты состояли из ключевых слов, выделенных по формуле (см. Марусенко, 1983, 87; Зубов, 1989, 16):

$$K = (F \cdot M) / (N \cdot n)$$
, где

F – абсолютная частота слова в тексте (в нее входит суммарная частота всех типов синонимов этого слова и местоименных замен);

M – число абзацев, в которых встретилось слово;

N – общее число слов в тексте;

n – общее число абзацев в тексте;

K – коэффициент важности слова.

Каждый текст сопровождался таблицей ключевых слов с самыми высокими коэффициентами важности.

Таблица 1

Коэффициенты важности ключевых слов

№ п/п	Ключевые слова	Коэффициент важности
------------------	-----------------------	-----------------------------

1	New	0,0496031
2	Poland	0,0396825
3	President	0,0297619
4	minister	0,0198412
5	cabinet	0,0178571
6	aim	0,0119047
7	communist	0,0079365
8	swore in	0,0079365
9	NATO	0,0079365
10	European Union	0,0079365
11	coalition	0,0079365

Из выделенных ключевых слов, используя служебные части речи, были составлены компрессированные тексты (4 текста). В качестве примера приведем только один.

Полный текст

New Cabinet Sworn in

Poland's ex-Communist president yesterday swore in a new centre-right coalition cabinet led by his political foes from the Solidarity bloc.

The new government has a hard task ahead in steering Poland towards the European Union. Jersy Buzek, the new prime minister, took his oath, followed by ministers from his Solidarity Election Action (AWS) and the smaller Freedom Union (UW). Their coalition emerged triumphant from parliamentary elections on September 21.

«We have a new government, and I am convinced its formation is a very important stage on the way to building a strong, democratic state, ruled by law,» Aleksander Kwasniewski, the president, said. He promised the cabinet his support to pursue economic reform and Poland's constant foreign policy goals.

Mr. Buzek said: «We aim as fast as possible to take Poland into Nato, which will guarantee us security. We will prepare our country for integration with the EU».

Reuters, Warsaw.

Компрессированный текст :

New Cabinet Sworn in

Poland's ex-Communist president swore in a new coalition cabinet. The new prime minister aims Poland into Nato and the European Union.

Таблица 2

Данные первой серии эксперимента

N п.п	Названия статей	Количественные показатели				Всего
		плохо	средне	хорошо	отлично	
1.	New cabinet sworn in	16	5	3	-	24
2.	Constitutional reform in Italy garners critics	21	3	-	-	24
3.	UK plans EU consumer protection push	21	3	-	-	24
4.	Montenegro goes to polls	14	8	2	-	24

Таблица 3

Данные второй серии эксперимента

N п.п	Названия статей	Количественные показатели				Всего
		плохо	средне	хорошо	отлично	
1.	New cabinet sworn in	-	1	11	12	24
2.	Constitutional reform in Italy garners critics	1	1	7	15	24
3.	UK plans EU consumer protection push	-	1	10	13	24
4.	Montenegro goes to polls	-	-	5	19	24

На основании табл. 2 и 3 можно сделать вывод, что результаты эксперимента подтвердили гипотезу о влиянии ключевых слов на восприятие текста и последующее воспроизведение. Мы убедились в том, что ключевые слова являются тем смысловым стержнем текста, на который легко можно «нанизать» необходимое количество фактов, деталей. Этот эксперимент (как и ранее проведенный эксперимент на материале басен, когда предлагалось сформулировать ее мораль, имея перед собой лишь набор ключевых слов, встречавшихся в басне) имеет методическое значение. При обучении иностранному языку (особенно студентов неязыковых вузов) особая роль должна отводиться опорным, или ключевым, словам, поскольку это ориентиры, направляющие процесс понимания текста. Необходимость исследования этих слов вытекает из того, что они, активизируя обширные области внутреннего лексикона, создают преднастройку и для понимания содержания текста, и для его эмоционально – оценочного восприятия.

Следующим шагом в исследовании ключевых слов может стать описание их функционально-стилистических свойств в ситуации взаимодействия.

Раздел 3.4. Ключевое слово и содержание текста: диалектика взаимоотношений и критерии отбора

3.4.1. Текст: идея и содержание

Традиционным для лингвистики является определение текста как последовательности вербальных знаков, объединенных смысловой связью (*Лингвистический энциклопедический словарь*, 1991, 507), или как лингвистического универсума, содержащего все элементы исследуемой области (Карпов, 1992, 37). Основные свойства текста – цельность и связность.

Цельность текста предполагает выявление функциональной нагрузки его элементов, которая обеспечивается текстовым динамизмом, последовательным развитием его идеи. При этом понятие идеи (текстовой установки) уже понятия содержания.

Содержание текста многообразно в своём выражении. Сюда входят:

1) смысловые установки, реализованные различными лексическими и грамматическими средствами (к примеру, синтаксической ролью слов); 2) особые интонационные средства звучащего текста (ударение, распределение пауз, выделение отдельных единиц и др.); 3) графические средства письменного текста, в какой-то мере компенсирующие недостаток интонационных возможностей (шрифты, кегли, разрядка, абзацы, пунктуация и т.д.); 4) тектонические средства (взаиморасположение соотносимых в любой последовательности единиц, изменение привычного порядка слов в зависимости от текстовой установки). Иными словами, если «идея» текста – это то, «о чём» говорится в тексте, то «содержание» – это одновременно и «что» и «как».

Идея текста может обеспечиваться разным содержанием – понятийным, лингвистическим, символическим. При этом его главной опорой являются ключевые слова. Ключевое слово – это элемент иерархии идеи текста. Вокруг него организуется и развивается содержание. Ключевое слово – это понятийный центр предложения, хотя возможно, что оно может быть единицей более крупной организации: абзаца или текста.

3.4.2. Проблема выбора ключевых слов^{*}

В принципе, ключевое слово следовало бы искать в грамматическом ядре предложения, включающем глагольный центр (или шире – сказуемое) и группу подлежащего (см.: Б. Норман, 1987, 13 и др). Но все осложняется, по крайней мере, пятью обстоятельствами:

---

^{*} Исследование проводилось на материалах «Независимой газеты» (Россия) от 3 апреля 1997 года «Борис Ельцин и Александр Лукашенко все-таки подписали договор о союзе России и Белоруссии. Это событие вызвало нейтральную реакцию Вашингтона и дежурные выступления оппозиции в Минске; текст 1 – Н. Айрапетова «Объединение»; текст 2 – Ю. Карманов «Белоруссия»; текст 3 – В. Разуваева «Подтекст».

- невозможностью в ряде предложений выделить сказуемое в качестве ключевого слова, так как, кроме грамматического ядра, обнаруживается еще и семантическое, не всегда с ним совпадающее (см. предложения № 7,13,14 текста и др. в табл. 1);

Таблица 1

Текст Натальи Айрапетовой

№ предл.	Ключевое слово	Доминанта
1	Поставили подписи	Подписи
2	Договор готов	Готов
3	Положено разбивать шампанское	Шампанское
4	Разбито после парафирования	Парафирование
5	Жириновский мирно разговаривал с Чубайсом	Мирно разговаривал
6	Зал стоя встретил	Встретил
7	Ключевые моменты	Ключевые
8	Не питают иллюзий, но создает условия	Не питают
9	Ельцин – крупномасштабный политик	Крупномасштабный
10	Нормальные человеческие слова	Человеческие
11	Гарантирует суверенитет	Гарантирует
12	Принципы демократии	Демократия
13	Устав Союза Белоруссии и России	Устав
14	Нестандартный подход к проблемам	Нестандартный
15	Белоруссия не будет обузой	Не обуза
16	Широкое обсуждение устава	Обсуждение
17	Высокая оценка деятельности правительств и экспертных групп	Высокая
18	Интеграция приблизит	Приблизит
19	СНГ не смогли оказать реального влияния	Не смогли
20	Белоруссия не нахлебница	Не нахлебница
21	Алма-Ата обеспокоена последствиями	Обеспокоена
22	Правовые противоречия	Противоречия
23	Поэтапное госвоссоединение России и Белоруссии	Воссоединение
24	Готовность содействовать	Содействовать
25	Выступили против	Против
26	«Государственный переворот»	Переворот
27	Ущерб суверенитету России	Ущерб

- вмешательством субъективных моментов. Чтобы в максимальной степени обеспечить объективность, необходимо свести воедино данные разных исследователей о ключевых словах этого текста. Возможно, это приведет к инвариантному представлению о ключевом слове (хотя и в этом случае не избежать разночтений);
- невозможностью практического выделения в качестве ключевого слова одной лексемы (среди 72 предложений трех текстов нет примера, когда бы ключевое слово было составлено из одной лексемы). Это, очевидно, связано с распределением семантико-грамматической нагрузки между

разными элементами грамматического центра предложения, который всегда ≥ 2 элементам;

- зависимостью ключевого слова от письменной или устной формы восприятия текста. Это связано с так называемым актуальным членением предложения. Поскольку интонационное оформление в письменном варианте отсутствует (слабые его признаки можно обнаружить в графических средствах – знаках препинания, оканчивающих предложения: в большинстве наших примеров это точка, в трех предложениях восклицательный знак, венчающий конец прямой речи, в одном предложении многоточие, кроме того, это пробелы между словами, тире и двоеточия, скобки), возможно не только несоответствие в выборе ключевого слова исследователем с ключевым словом автора текста;
- на выбор ключевого слова прямо влияет длина предложения (чем длиннее, тем сложнее выделить ключевое слово) и его синтаксическая модель. К примеру, предложение может иметь два или более грамматических центра, а значит, и соответствующее им число ключевых слов. Скажем, в подзаголовке статьи «Это событие вызвало нейтральную реакцию Вашингтона и дежурные выступления оппозиции в Минске» имеется два грамматических центра. Соответственно им сочетания *нейтральная реакция Вашингтона* и *выступления оппозиции в Минске* определены нами как в одинаковой мере важные ключевые слова.

В предложении №11 текста 1 «Президент России подчеркнул, что новый договор отвечает международным стандартам, гарантирует сохранение суверенитета каждой страны» – есть сложный грамматический центр с двумя ключевыми словами *договор отвечает международным стандартам* и *договор ... гарантирует суверенитет*. Здесь нами в качестве ключевого слова выбран второй центр, поскольку его содержание более актуально и содержит важную новую информацию.

В предложении: «Председатель Центробанка РФ Сергей Дубинин, например, не считает, что в финансово-экономической сфере Белоруссия будет «обузой» для России и что нельзя, оценивая нынешнюю ситуацию, подсчитывать и выгадывать только плюсы, как иногда делают; в ближайшее же время, по его мнению, последует распоряжение российского правительства о выработке единого подхода к проблемам в финансовой сфере России и Белоруссии» (№15, текст 1) – имеется три грамматических центра. Поскольку предложение сложное, есть смысл привести схему его ключевых слов (см. рис.1).

Естественно, встала проблема выбора наиболее актуальной части предложения. Мы остановились на формально трансформированном ключевом слове *Белоруссия не будет обузой*, опустив остальные ключевые слова как «менее ключевые».

Таким образом, понятие ключевого слова остается достаточно широким. По этой причине целесообразно ввести понятие доминанты

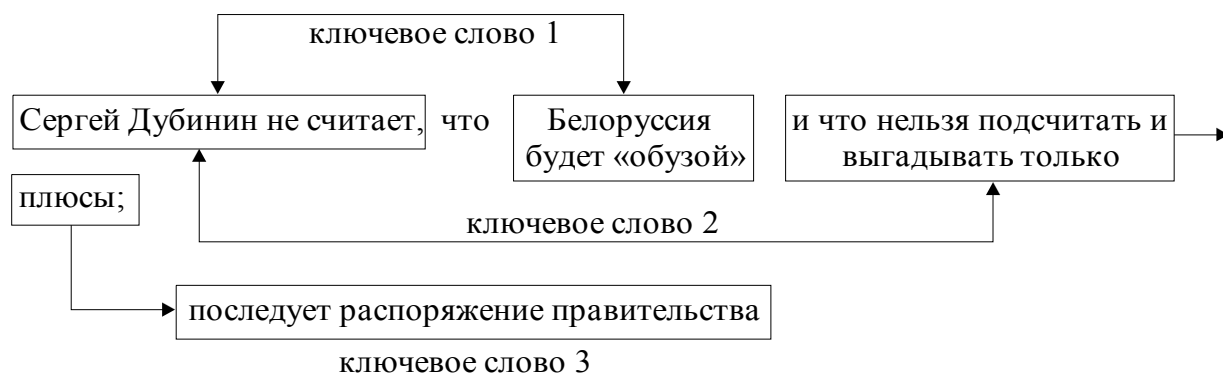

Рис. 1

ключевого слова (ДКС). Доминантой считается усеченное до одной лексемы ключевое слово. То есть это «ключевое слово в ключевом слове». Во избежание возможных ошибок при определении ключевого слова, а значит и доминанты, весь текст (три части) нами был проанализирован дважды, причем анализ «во втором чтении» проводился с временным интервалом, чтобы уточнить правильность выделения ключевого слова в первом случае. В результате пришлось внести коррективы в определение объема ключевого слова (в сторону его увеличения или уменьшения). В ряде случаев выбор был признан ошибочным и последовало новое, на наш взгляд, более точное выделение ключевого слова.

В «отфильтрованных» таким образом ключевых словах определялась доминанта – центр ключевого слова. Анализ (он так же для большей объективности проводился дважды с интервалом во времени) позволил выбрать по одной «доминантной» лексеме, хотя в 15 случаях из 74 формальную сторону доминанты ключевого слова не удалось уложить в одну лексему (см. данные табл. 5).

Таблица 2

Текст Юрия Карманова

№ предл.	Ключевое слово	Доминанта
1	Страсти закипают	Страсти
2	Изменить расстановку сил	Изменить
3	Отлет напоминает действия пожарника	Пожарника
4	Несанкционированная акция	Акция
5	Милиция оцепила сквер	Оцепила
6	Акция, демонстранты, неразбериха	Неразбериха
7	Арестованы участники	Арестованы
8	Больница или скамья подсудимых	Скамья подсудимых
9	Суд приговорил	Приговорил
10	Атмосфера напряжения	Напряжения
11	Акция пролукашенковских коммунистов	Акция
12	Белорусские ЛДПРовцы	ЛДПРовцы
13	Пытаясь придать массовость	Пытаясь придать
14	Провал планов Лукашенко	Провал

Таблица 3

Текст Владимира Разуваева

№ предл.	Ключевое слово	Доминанта
1	Интрига вокруг договора	Интрига
2	Тайные переговоры	Тайные
3	Обычная ситуация	Обычная
4	Консенсус; документы представлены для согласования	Согласование
5	Утечка в СМИ	Утечка
6	Атака на сближение	Атака
7	Выражение общественного недоверия к Лукашенко	Недоверие
8	Президент пошёл на попятную	Пошёл на попятную
9	Что противоречило парламентской практике	Противоречило
10	Редакционные правки	Правки
11	Усечённый договор	Усечённый
12	Всенародное обсуждение	Всенародное
13	Неясно название	Неясно
14	Интрига не завершена	Не завершена
15	Финиш достигнут	Достигнут
16	Предварительные итоги	Итоги
17	Население России не окажется в другой стране	Не окажется
18	Радикальный вариант	Радикальный
19	Независимость каждого государства	Независимость
20	Ключевой пункт	Ключевой
21	Среднее между конфедерацией и альянсом	Среднее
22	Нет прав на принятие стратегических решений	Нет прав
23	Не мог бы порулить	Не мог бы
24	Не забегать вперёд в финансово-бюджетной сфере	Не забегать вперёд
25	Медленное продвижение к единой валюте	Единой
26	Договор не скажется на курсе	Не скажется
27	Сопrotивление либералов	Сопrotивление
28	Упорное неприятие инициатив	Неприятие
29	К углублению сотрудничества	Сотрудничества
30	Гора родила мышь	Гора родила мышь
31	Желание Вашингтона удостовериться выглядит искусственно	Искусственно

Приложение к таблицам 1–3

Анализ заголовка

№ предл.	Ключевое слово	Доминанта
1	Подписали договор	Договор
2	Нейтральная реакция Вашингтона, выступления оппозиции в Минске	Нейтральная Оппозиция

Таблица 4

**Количество элементов в ключевых словах и их
распределение по частям речи**

Число КС с таким колич. элементов	Количество элементов в ключевом слове							
	1	2	3	4	5	6	7	
	0	28	23	7	9	4	3	
Состав КС по частям речи	существительные		глагол.	прилаг.	служ. слова	нареч.	прич.	дееприч.
	129		34	33	33	7	3	1
	нариц.	собств.						
	111	18						

Всего слов в 74 ключевых словах – 240.

Комментарий. Как видно из табл.4, преобладают двух- и трехэлементные ключевые слова, что составляет 71% от их общего числа (74). Следует учесть, что элементом ключевого слова (и ДКС – см. табл.5) считалось слово от пробела до пробела. К примеру, ключевое слово *Белоруссия не хлебница* содержит три элемента, включая частицу *не* (частицы вместе с предлогами и союзами входят в графу «служебные слова»).

Доля существительных составила 54% от общего числа слов в ключевых словах, тогда как доля глаголов, прилагательных и служебных слов – по 14%.

Существительные в ключевых словах разделены на две группы с учетом политического характера текста. Первую группу составили нарицательные имена (подписи, акция, интрига, суверенитет, устав, группы и т. п.) – всего 86%. Во вторую группу вошли собственные имена (Лукашенко, Ельцин, Белоруссия, Россия, ЛДПР, Минск, Вашингтон и др.) – всего 14%.

Таблица 5

Количество элементов в ДКС и их распределение по частям речи

Число ДКС с с таким колич. элементов	Количество элементов в ключевом слове						
	1	2	3	4	5	6	7
	58	12	4				
Состав ДКС по частям речи	существительные	глагол.	прилаг.	служ. слова	нареч.	прич.	дееприч.
	39	20	15	12	5	3	1

Всего слов в ДКС – 95.

Комментарий. Доля одноэлементных ДКС составляет 78%, двухэлементных – 16%, трехэлементных – 6%. К двухэлементным мы относим ДКС типа *не обуза*, пытаясь *придать*, *скамья подсудимых*, *нет прав* и т.д. То есть это конструкции с частицами *не/нет* либо устойчивое (лексикализованное) сочетание. Как исключение в этом списке мы рассматривали ДКС *мирно разговаривал*, которая является частью ключевого слова *Жириновский мирно разговаривал с Чубайсом*. Мы посчитали необходимым оставить в каче-

стве элемента ДКС наречие *мирно*, учитывая политический имидж Жириновского и острый характер его отношений с Чубайсом.

Среди частей речи, составляющих ДКС, лидирует имя существительное (41%), затем глагол (21%), прилагательное (16%), служебные слова (13%), наречие (5%), причастие (3%) и деепричастие (1%).

Пятнадцать из 74 ДКС имеют отрицательную частицу *не* или *нет* (не питают, не обуза, не смогли, нет прав, не мог бы, не скажется, не ясно, не завершена и др.). В целом же в 29 ДКС зафиксирована скрытая или явная негативная семантика (кроме случаев с частицами *не* или *нет*, это примеры типа *обеспокоена, противоречия, против, переворот, ущерб, арестованы, приговорил, гора родила мышь, провал, скамья, подсудимых* и др.). Отрицательно «окрашена» примерно треть слов, входящих в ДКС, что свидетельствует о спорном, а подчас и скандальном характере событий, окружавших подготовку договора.

Стоит отметить значительное количество прилагательных в составе ключевых слов (33 прилагательных, или 14% от общего количества слов) и ДКС (15 прилагательных, или 16%). Прилагательные интересны тем, что они являются носителями оценочного признака в высказывании. Они в значительной степени выражают отношение автора к предмету описания. К примеру, *Ельцин – крупномасштабный политик* (№9, текст 1), *нормальные человеческие слова* (№10, текст 1), *акция пролукашенковских коммунистов* (№11, текст 2), *тайные переговоры* (№2, текст 3), *упорное неприятие инициатив* (№28, текст 3) и др.

Частотные характеристики текста

Таблица 6

Суммы частот в ключевых словах по частям речи

Текст 1	Существит.	Служ. слова	Глагол	Местоим.	Прилаг.	Нареч.	Прич.	Деепр.	Числ.
	242	165	63	32	22	16	12	7	7
	43%	29%	11%	6%	4%	3%	2%	1%	1%
	из них собственных имен: 70 (29%)								
Сумма частот = 566									
Текст 2	Существит.	Служ. слова	Глагол	Местоим.	Прилаг.	Нареч.	Прич.	Деепр.	Числ.
	162	80	31	8	30	13	5	1	9
	48%	23,5%	9%	2%	9%	4%	1,5%	0,5%	2,5%
	из них собственных имен: 39 (24%)								
Сумма частот = 339									
Текст 3	Существит.	Служ. слова	Глагол	Местоим.	Прилаг.	Нареч.	Прич.	Деепр.	Числ.

	176	145	44	22	59	21	17	-	9
	36%	29%	10%	4%	12%	4%	3%	-	2%
	из них собственных имен: 33 (19%)								
Сумма частот = 493									
Заголовок	Существит.	Служ. слова	Глагол	Местоим.	Прилаг.	Нареч.	Прич.	Деепр.	Числ.
	14	6	2	2	-	-	1	-	-
	из них собственных имен: 8								

Таблица 7

Сводная таблица частот

Текст 1-3	Существительные	Служ. слова	Глагол	Местоим.	Прилаг.	Нареч.	Прич.	Деепр.	Числ.
	580	390	138	62	111	50	34	8	25
	41,5%	28%	10%	4%	8%	3,5%	2,5%	0,5%	2%
	из них собственных имен: 142 (24,5%)								

Комментарий. Первое, что бросается в глаза, это доминирование имени существительного во всех трёх текстах и стабильно второе место служебных слов, из которых большую часть составили предлоги и союзы (*и* – 57, *в* – 56, *на* – 26, *что* – 25, *не* – 22 и т.д.). Среди существительных особо выделим группу собственных имён (почти 25% в трёх текстах). В тексте 1 их больше всего (29%), а в тексте 3 лишь 19%.

Пять мест в первой десятке знаменательных слов по частоте употребления заняли собственные имена: *Россия* – 27, *Белоруссия* – 22, *Ельцин* и *Лукашенко* – по 10, *Борис* – 9. Слово *договор*, вокруг темы которого и разворачивался журналистский комментарий, имеет частоту 15, затем следуют *союз* (14), *президент* (10), *интеграция* (8), *апрель* (7). В целом такое обилие существительных и состав их первой десятки (по частоте употребления) обусловлены политическим характером статей.

10% от общего числа составляют глаголы, хотя в тексте 3 они стоят на четвертой позиции, пропустив вперёд прилагательные. Следует помнить, что глаголы могут скрыто присутствовать в предложении. Если бы они из стилистических соображений не опускались, то их количество в данных текстах возросло бы. Это видно на примере подзаголовка «Это событие *вызвало* нейтральную реакцию Вашингтона и (*вызвало* – опущено) дежурные выступления оппозиции в Минске». Кроме того, функции грамматического ядра предложения наряду с глаголами разделяют и некоторые другие части речи – причастия, слова категории состояния (они учтены в графе «глагол») и др.

Чаще других в текстах зафиксирован глагол *быть* (17 в разных словоформах). Из других глаголов с частотой ≥ 2 назовём «канцелярско-деловой» *подчеркнул* – 4, *считать* (в значении «полагать») – 3, а также *идти* – 2 и *назвал* – 2.

Со своими 8 % прилагательные находятся на четвертой позиции. Наибольшее их количество зафиксировано в тексте 3 – 59, или 12% от общей суммы «частот». Первыми же по частоте во всех трех текстах стоят прилагательные *новый* (6), *единый* (5), *бурный* (3), *российский* (3), *экономический* (3), *последний* (2). В тексте 1, самом объемном, прилагательные заняли лишь пятую позицию с 4%, пропустив вперед еще и местоимение с 6%. Зато в тексте 3 их доля составила уже 12% (третья позиция).

Среди местоимений (их доля 4%) чаще других встречаются *он* (15), *тот* (7), *оба* (6). Как правило, они использовались в заместительной и определительной функции.

Из наречий (3,5%) чаще встречались *вокруг* (3), *вместе*, *вперед*, *всегда*, *динамично*, *иногда*.

Что касается причастий, числительных и деепричастий, то их доля в текстах не велика, хотя причастие входит в состав грамматического ядра предложений, выполняя важные синтаксические функции, а числительное несет ценную статистическую информацию.

Избранный нами опыт анализа может оказаться полезным в дальнейших исследованиях семантического ядра политического текста.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ДИСКУРС И СУБЪЕКТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Раздел 4.1. Знание и мнение

В политических текстах широко используются модальные категории: фактологическая информация перемежается с вероятностными и аподиктическими высказываниями. Однако ментальный модус далеко не всегда обозначен ясно и четко. Манипулятивная практика предпочитает маскировать мнение под знания и, наоборот, знания снижать до уровня мнения. В связи с этим в интерпретации текста/дискурса особая роль принадлежит анализу конструкций с пропозициональными установками типа *Я знаю, что...*, *Я считаю (думаю, полагаю), что ...*

С одной стороны, подобные конструкции характеризуют вводимую ими пропозицию, локализуя ее на определенном участке шкалы истинности. «В конце концов, весь смысл выражений «Я догадываюсь» или «Я предполагаю» вместо «Я утверждаю» или «Я заявляю» состоит в том, чтобы бросить тень сомнения на истинность того, что я говорю» (Вендлер, 1985, 242).

С другой стороны, подобные автореферентные рефлексивные конструкции являются «пиком», или «пределом», явного присутствия ментального субъекта в «тексте» (Рябцева, 1993, 52) и потому характеризуют как пропозицию, так и субъекта дискурса, который может быть склонен к той или иной степени рефлексии над своими ментальными состояниями, к эпистемическому авторитаризму или эпистемической ответственности. «Прошительность» дискурса подобными конструкциями, тенденция к экспликации или импликации ментального модуса, степень его открытости (субъективный или нейтральный по форме), характер связи модусов с пропозициями – все это составляет своего рода «эпистемический почерк» говорящего, что, по нашему убеждению, является важным компонентом когнитивного стиля адресанта дискурса как языковой личности.

Предметом нашего анализа являются прежде всего конструкции с субъективированными ментальными модусами знания и мнения. Прежде чем приступить к исследованию, необходимо сформулировать стандартные правила употребления ментальных модусов данного типа. Результаты многочисленных исследований в этой области могут быть кратко суммированы следующим образом.

1. Предикат пропозициональной установки *з н а н и я* (глагол *знать*) представляет собой фактив, т.е. имеет презумпцию истинности подчиненной пропозиции. При этом высказывание *Я знаю, что p* представляет собой «конъюнкцию двух суждений, одно из которых касается положения дел в универсуме речи ... а другое – внутреннего состояния субъекта установки» (Булыгина, Шмелев, 1988, 80). Предикаты пропозициональной установки

мнения являются путативами, т.е. не имеют презумпции истинности подчиненной пропозиции. Высказывания типа *Я думаю (считаю, полагаю), что p* «выражают лишь одно суждение, касающееся ментального состояния субъекта и описывающее содержание его мнения» (там же).

В этом плане можно выделить следующие содержательные типы пропозиций¹:

- пропозиции, которые в норме не вводятся ни установками знания, ни установками мнения,
- пропозиции, выражающие общеизвестное, очевидное или доказанное знание;
- «субъективные» пропозиции, описывающие непосредственные ощущения субъекта; события, происшедшие с самим говорящим .

Проблема возможности (а точнее, невозможности) употребления подобных пропозиций с модусами знания и мнения получила очень подробное освещение как в лингвистической, так и в логико-философской литературе (этой проблеме посвящен ряд работ

Н. Малкольма, Л.Витгенштейна, Дж.Остина, Н.Д.Арутюновой, А.А.Зализняк, И.Б.Шатуновского и др.). Вкратце итоги многолетней дискуссии на эту тему могут быть резюмированы следующим образом: модус мнения здесь невозможен, так как по отношению к подобным пропозициям возможно только знание. Модус знания по отношению к ним неуместен, так как здесь невозможно незнание или сомнение. Это не значит, что подобные пропозиции в принципе не могут употребляться с ментальными модусами, но для такого употребления нужны «мощные» контексты, например, возможность использования модуса знания в контексте рассуждения, т.е. в контексте вывода по привычной схеме (алгоритму). Вследствие очевидности эпистемического статуса таких пропозиций далее они не рассматриваются.

2. Верифицируемые пропозиции, которые имеют прямое отношение к факту (например: *Состоялась встреча президентов Беларуси и России*). «Верифицируемые пропозиции могут быть содержанием как знания, так и мнения. Выбор того или иного глагола является семантически значимым, а высказывания с выраженным модусом знания и мнения – неравнозначными» (Дмитровская, 1987, 46). Говорящий, таким образом, несет полную ответственность за то, описывает ли пропозиция реальное положение вещей или его субъективные мнения. По отношению к таким пропозициям применимы постулаты категории качества Г.Грайса: не говори того, что ты считаешь ложным; не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований (Грайс, 1985, 222-223).

Употребление пропозиций данного типа без какого-либо ментального модуса имеет контекстную импликацию (в смысле работы Ноуэлл-Смит, 1985, 172 и след.) «Я знаю, что *p*» (но не «Я думаю /считаю/ полагаю, что *p*»). Ина-

---

¹ Приведенные типы пропозиций выделены в соответствии с результатами исследований М.А.Дмитровской (см.: Дмитровская, 1987).

че говоря, «эпистемически ответственный» говорящий может сказать p только в том случае, если он уверен в истинности p (а быть уверенным в истинности верифицируемой пропозиции p , собственно, и означает знать p). В прочих случаях говорящий обязан дать понять, что у него нет достаточных оснований для высказывания p , употребив модус мнения или какие-либо другие изофункциональные средства (соответствующие вводные конструкции, частицы и т.п.). «Люди, которые не соблюдают этого правила, вскоре утрачивают наше доверие» (Ноуэлл-Смит, 1985, 173).

3. Неверифицируемые пропозиции, к которым относятся пропозиции, выражающие взгляды субъекта на мир – суждения оценочного, интерпретирующего, прогностического характера (исключая случаи «запланированного будущего»): *Этот молодой человек – совершенно беспринципный политический деятель; Будущее России и Беларуси – в интеграции; В будущем году политическая ситуация в стране коренным образом изменится.* Строго говоря, неверифицируемый характер подобных пропозиций не должен был бы позволять им употребляться в контексте ментального модуса знания. Можно считать (думать, полагать), что будущее России и Беларуси – в интеграции, можно быть в этом уверенным или даже абсолютно убежденным, но этого нельзя знать: знать можно только то, что является фактом, что поддается верификации, чему может быть приписано значение «истинно», но никакое высказывание оценочного, интерпретирующего или прогностического характера не удовлетворяет этим требованиям. Тем не менее такие употребления вполне возможны, но имеют иной, по сравнению с верифицируемыми пропозициями, характер употребления: глаголы знания могут употребляться в подобных случаях только в логически нестрогом, «смещенном в сторону понимания, уверенности, веры, убеждения, мнения» (Апресян, 1995, 417) значении (*Я знаю, что люди созданы для счастья = Я верю/ Я убежден, я считаю, что...*). Поэтому употребление неверифицируемых пропозиций вне контекста ментального модуса порождает контекстную импликацию «Я считаю (думаю, полагаю, уверен, убежден), что p » (но не «Я знаю, что p » в строгом логическом смысле).

Возможность экспликации модуса мнения при таких пропозициях определяется сложным взаимодействием семантических и прагматических факторов.

В случае, если говорящий уверен в правильности своего мнения (а для говорящего, как известно, его мнение может казаться знанием), экспликация модуса необязательна в силу избыточности (или даже ненужна, ибо может индуцировать появление нежелательных импликатур типа «Возможно, не p »). Но если говорящий считает нужным подчеркнуть субъективность своего мнения или оценки (*Я думаю, в целом он человек ответственный, хотя некоторые его поступки настораживают*) – тогда, разумеется, можно вводить модус мнения. При этом следует различать две ситуации: высказывая верифицируемую пропозицию, говорящий, если он не вполне

уверен в ее истинности, **должен** сопроводить ее модусом мнения, высказывая же неverifiedируемую пропозицию, говорящий **может** это сделать, если считает нужным².

Кроме того, на экспликацию модуса мнения оказывают воздействие и чисто дискурсивные факторы, в первую очередь «фокус дискурса», понимаемый как «пространство, в рамках которого или по отношению к которому осуществляется понимание дискурса» (Динсмор, 1995, 401). Понятно, что дискурсия, осуществляемая данным конкретным субъектом, принадлежит его ментальному пространству (или, в другой терминологии, его возможному миру) и должна интерпретироваться в рамках этого пространства (или этого возможного мира).

Анализируя дискурс, вводимый конструкцией «Артур считает, что...», Дж.Динсмор отмечает: «После первоначального перемещения в фокусное пространство дискурс может продолжаться бесконечно, при неявном понимании того, что речь идет скорее о пространстве верований Артура, нежели о действительном мире. ...Каждое высказывание, выраженное в этом дискурсе (включая и прямые следствия из высказываний), может быть имплицитно преобразовано в высказывание о реальном мире посредством контекста «Артур полагает, что__». Такое преобразование является важнейшим компонентом действительного знания, выраженного в данном дискурсе. Однако практически нет необходимости в том, чтобы слушатель в процессе семантической обработки каждого отдельного предложения осуществлял такое преобразование в явном виде» (Динсмор, 1995, 402).

Точно так же любой дискурс, принадлежащий данному субъекту, независимо от того, предваряется ли этот дискурс или какой-либо его фрагмент эксплицитно выраженным модусом или нет, помещается в фокусное пространство мнений, убеждений, взглядов этого субъекта; тем самым задаются и определенные правила интерпретации. На этом очевидном основании субъект не обязан в ходе осуществления дискурсии производить и повторять операцию экспликации модуса (за исключением вышеоговоренных случаев), т.е. актуализировать факт фокусной локализации дискурса. Более того, такой повтор может оказаться для говорящего весьма рискованным в том смысле, что адресат сочтет говорящего эпистемически ненадежным субъектом. Появится дискурсивная импликатура: «Раз без конца повторяет я думаю, я считаю, по-моему и т.п., значит, ни в чем не уверен».

Сложность взаимоотношений как семантических и прагматических факторов, так и дискурсивных весьма затрудняет интерпретацию менталь-

---

² Исключение составляет такой специфический класс суждений, как оценка-предположение; такие суждения «формулируются субъектом тогда, когда он, в силу отсутствия непосредственного контакта с объектом оценки, может высказать только предположение о тех или иных его качествах» (Дмитровская, 1988, 14); ср. невозможность элиминирования модуса мнения в высказывании: *Я ананасы никогда не пробовал, но думаю, что они ужасно вкусные.*

ного состояния говорящего и его интенций. Так, высказывание неверифицируемой пропозиции без экспликации модуса позволяет предположить, что:

а) говорящий осознает, что высказывает мнение, но он не эксплицирует модус на основании общезыковых или собственно дискурсивных правил употребления суждений мнения, – это случай добросовестного элиминирования модуса;

б) говорящий осознает, что высказывает мнение, но не эксплицирует модус с целью оптимизации воздействия на слушающего – стремится убедить аудиторию, движим интенцией «имитировать единомыслие с аудиторией» (Лассан, 1995, 173) или провоцирует подмену интерпретации аудиторией утверждения мнения как утверждения знания, — случай эпистемической манипуляции (далеко не всегда осознаваемой самим говорящим);

в) говорящий вообще не осознает, что высказывает мнение (высказывая неверифицируемую пропозицию, он находится в ментальном состоянии «субъективного знания»); у него нет сомнений, что он высказывает истинное суждение, он абсолютно убежден в своей правоте и не допускает возможности другой точки зрения, – случай «эпистемического авторитаризма».

Неоднозначную интерпретацию допускает и употребление конструкций с эксплицитным модусом мнения:

а) говорящий не вполне уверен в истинности высказываемой пропозиции (имплицируется «Возможно, не p »); в таком случае экспликация модуса является следствием необходимой при кооперативной коммуникации эпистемической корректности;

б) говорящий специально подчеркивает тот факт, что высказывается только его личное мнение. Это может означать, что говорящий берет ответственность за достоверность содержания пропозиции на себя (ср. различную степень ответственности говорящего в высказываниях: *Я считаю, что...* – *Мы считаем, что...* – *Члены нашего трудового коллектива считают, что...* – *Мы, граждане Республики Беларусь, считаем, что...*); при такой интерпретации мы имеем дело с эпистемической ответственностью. Но возможна иная трактовка: говорящий не считает, что его мнение должно разделяться другими, или, иначе говоря, проявляет определенную эпистемическую толерантность³.

Экспликация модуса знания может быть интерпретирована:

а) как свидетельство склонности субъекта к некоторому эпистемическому авторитаризму (*Я знаю, что ждет нашу страну, если... /какие на самом деле замыслы вынашивают .../ что победа X на выборах приведет нашу страну к катастрофе*);

---

³ И. Б. Шатуновский отмечает в связи с этим, что импликация неуверенности «возможно, не P » характерна для глагола *думать*, импликация осознанной субъективности «говорящий понимает, что другие могут думать иначе» – для глагола *считать* (Шатуновский, 1995, 93, 133).

б) как стремление так или иначе воздействовать на адресата (например, стремление успокоить, поддержать его, выразить согласие) или подчеркнуть свою компетентность и т.д. (см. также выше об употреблении модуса знания в смещенном значении «говорящий глубоко убежден; говорящий верит, что...»).

Разумеется, этот перечень не претендует на полноту, а приведенные в качестве иллюстраций примеры могут иметь и другие интерпретации. Здесь важно зафиксировать сам факт неоднозначности интерпретаций любого варианта употребления утверждений мнения, особенно в связи с тем обстоятельством, что в политическом дискурсе эта неоднозначность вполне может стать предметом осознанных или неосознанных манипуляций или имитаций.

Любопытные примеры подобной имитации содержатся, например, в таком образце советского дискурса власти, как «Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду КПСС». Априори легко предположить, что в дискурсе власти «застойные» времена (с их ярко выраженной установкой на идейное единство и коллективизм) употребление конструкций с модусом мнения, и особенно в первом лице единственного числа, практически невозможно. Власть должна з н а т ь, а не п о л а г а т ь; при этом субъекты знания по логике вещей должны носить коллективный характер (партия, страна, государство, ЦК КПСС, весь советский народ). Тем не менее при анализе дискурса это предположение не подтверждается. В докладе наряду с ожидаемыми *мы знаем, известно, со всей отчетливостью видно, мы глубоко убеждены* и *пусть никто не сомневается* встречаются (хотя и нечасто) и конструкции с эксплицитным субъективированным модусом мнения. Но эти конструкции имеют свои любопытные особенности.

Например, модус мнения может вводить пропозиции, содержащие очевидные прописные истины, например, об уровне требований к качеству продукции говорится: *Думаю, что он должен быть самым высоким*. Прописная истина *Кто хочет жить лучше, должен больше и лучше работать* сопровождается «личностным» комментарием: *Это, думаю, понятно, всем*. Модус мнения может употребляться в случае, когда личное мнение говорящего на момент произнесения высказывания уже не имеет никакого значения. Так, пятилетний план был разработан до съезда, тем не менее в докладе встречаем конструкцию: *Думаю, что следует предусмотреть в пятилетнем плане более заметный рост вложений для указанных отраслей*. Трудно интерпретируема также экспликация модуса мнения в следующем высказывании: *Так что говорить о какой-то унификации, противопоставлять компартии по признаку признания или непризнания выбираемых ими путей переустройства общества можно, мне думается, только игнорируя реальные факты*. Неуместность введения модуса мнения в тяжеловесное, непрозрачное, невнятное по смыслу высказывание усугубляется употреблением глагола *думать*, который, в отличие от, скажем, *счи-*

тать: а) не предполагает участия воли в формировании мнения (этот смысловой компонент подчеркнут и употреблением безличной формы); б) предполагает синхронность процесса мышления процессу говорения (см.: *Новый объяснительный словарь*, 424-425). В подобных случаях, по видимому, следует говорить не о фиксации ментального состояния говорящего или содержания его сознания, а об имитации, которая позволяет создать впечатление личной сопричастности, личной заинтересованности говорящего и, кроме того, его эпистемической ответственности и толерантности⁴.

Не менее важна и сложна проблема интерпретации подобных конструкций слушающим. Высказывание верифицируемых и неверифицируемых пропозиций «индуцирует» различные ментальные состояния слушающего, что предопределяется различием в иллокутивных функциях соответствующих речевых актов. Как отмечал З.Вендлер, «и л л о к у т и в н а я ц е л ь речевого акта – это ментальный акт, совершения которого добивается от слушающего говорящий, или ментальное состояние, в которое говорящий намерен привести слушающего» (Вендлер, 1985, 243). Из того, что говорящий сказал: *p*, и при этом *p* – верифицируемая пропозиция, следует, что и слушающий теперь знает, что *p*. Из того, что говорящий сказал: *p*, и при этом *p* – неверифицируемая пропозиция, следует, что слушающий знает, что говорящий считает, что *p*, но не следует никаких выводов насчет того, что считает сам слушающий (так, высказывание *Я сказал ему, что Бродский гениальный поэт* может иметь продолжение *и он со мной согласился* (=он тоже так считает) и *но он со мной не согласился* (=он так не считает), а также *так что он знает мое мнение на этот счет*, но никак не может – или, во всяком случае, не должно – иметь продолжения *так что он тоже теперь так считает*)*.

Вообще говоря, «эпистемически бдительный» слушающий обязан – скорее всего, интуитивно – понимать, высказывается говорящим знание или мнение (разумеется, здесь речь идет только о «безмодусном» высказывании), и соответствующим образом учитывать это в своем речевом и неречевом поведении. В простых случаях (скажем, на уровне бытового общения) эта дифференциация вряд ли вызывает особые затруднения. Но картина интерпретации

---

⁴ Возможно, введение субъективированных модусов мнения типа *Я думаю, я считаю, я полагаю* является в советском дискурсе власти одним из средств к о м п е н с а ц и и таких его свойств, как «исчезновение авторства и исчезновение ответственности», Степанов, 1995, 40-41.

* В общем это различие может быть описано как противопоставление таких иллокутивных актов, как сообщение (для верифицируемых пропозиций) и утверждение (для неверифицируемых пропозиций); ср. семантические структуры данных актов по А.Вежбицкой:

«Я сообщаю тебе, что *p* = Желая сделать так, чтобы ты знал это, я говорю: *p*; Я утверждаю, что *p* = Желая сказать то, что, как я уверен, верно, я говорю: *p*» (Вежбицка); см. также уточнение некоторых положений Вежбицкой в работе: Шатуновский, 1995.

«безмодусных» высказываний мнения в таком сложном виде дискурса, как политический, намного сложнее.

Адресат политического дискурса должен не только проявлять высокую степень «эпистемической бдительности», но и высокую степень объективности, чтобы четко дифференцировать суждения, знания и мнения. В качестве факторов, затрудняющих идентификацию, могут, на наш взгляд, выступать как когнитивные, так и собственно дискурсивные.

Особое значение при интерпретации политического дискурса имеет система взглядов, убеждений, мнений, знаний слушающего (т.е. его когнитивная система). Очевидно, что суждение, совпадающее с ценностными установками слушающего, легко интегрируется в его когнитивную систему и занимает на шкале истинности достаточно высокое место. И, наоборот, если поступающая информация создает для слушающего ситуацию когнитивного дискомфорта, противоречит его ценностным установкам, она может либо восприниматься как имеющая невысокий эпистемический статус (*в конце концов, это только его мнение, он скорее всего ошибается*), либо вообще отторгаться как заведомо ложная (*не может этого быть, ни за что не поверю* и т.п.). Как пишет У.Матурана, «каждый из говорящих на языке действует исключительно в рамках своей когнитивной области, где любая предельная истина зависит от опыта личных переживаний. <...> Поэтому никого и никогда нельзя убедить рациональными доводами в истинности того, что в конечном счете уже не присутствует в неявной форме в комплексе верований этого человека» (Матурана, 1995, 140). Дело в том, что слушающий выступает не только в роли пассивного субъекта знания (*мне сказали, следовательно, я знаю*), но и в роли активного субъекта веры, а «вера является результатом свободного выбора» (Булыгина, Шмелев, 1997, 403). Человек верит, если он хочет верить (один из семантических компонентов глагола *верить* в интерпретации Ю.Д.Апресяна: «человек считает, что Р, потому что он хочет, чтобы было Р» (Апресян, 1995, 413). Но человек вполне может «не захотеть» того, что противоречит его ценностным установкам, а следовательно, не поверить в это. В таком случае его ментальное состояние будет описываться формулой «знает, что Р, но не верит, что Р», которая интерпретируется следующим образом: «Х «знает» в том смысле, что независимо от своей воли поставлен в известность, что Р, но по своей воле принять Р он не желает» (Булыгина, Шмелев, 1997, 403).

Большое значение, разумеется, имеет и отношение слушающего к говорящему, и в первую очередь степень доверия ему (или группе, партии, социальному институту, который представляет говорящий). Если слушающий глубоко доверяет тому или иному политическому деятелю (т.е. исходит при интерпретации из эпистемических предпосылок типа *насколько я знаю, он всегда говорит правду/ говорит то, что думает/ почти никогда не ошибается в прогнозах* или в конце концов даже – *это мужик что надо*), то высказыванию данного деятеля будет обеспечено «привилегированное» ме-

сто на шкале истинности в когнитивной системе слушающего. В.Г. Гак пишет об этой особенности критерия истины как об универсальном явлении человеческой культуры: «...единственным критерием истины оказывается приверженность к определенному лицу, имя которого выступает как знак, этикетка истины. Такую эволюцию проделывает понимание истины во многих доктринах: религиозных, научных, политических. Имя руководителя и его высказывания становятся при этом единственным критерием истинности, истина получает не содержательное, а относительное определение. Оказывается более истинным не то, что сказано, а кем сказано» (Гак, 1995, 31).

В обратной ситуации – ситуации недоверия говорящему (эпистемические предпосылки интерпретации могут быть приблизительно описаны как: *знаю я его – всегда распаляет страсти/ всегда несет чепуху/ всегда очень субъективен/ часто пользуется непроверенными данными/ никогда его прогнозы не сбывались*) – даже истинная фактуальная информация может быть сильно понижена слушающим в истинностном ранге.

Поэтому слушающий вполне может воспринять «безмодусное» утверждение мнения как утверждение знания, т.е. вычитать импликатуру: «Говорящий знает, что *p*» там, где объективно имплицитруется: «Говорящий считает, что *p*». Ср.:

- *Я точно знаю/ несколько не сомневаюсь/ можешь мне поверить, что экономическая ситуация в стране стабилизируется/ X-у как политическому деятелю пришел конец/ что симпатии большинства населения на стороне политической партии Y/ зима будет тяжелая и т.п.*
- *Откуда ты знаешь?*
- *Так сказал X, а уж этот знает, что говорит.*

Точно так же слушающий может воспринять суждение знания как суждение мнения (т.е. вычитать импликатуру «Говорящий считает, что *p*» там, где присутствует импликатура «Говорящий знает, что *p*»):

- *Неужели ты можешь верить X-у, что ...*
- *Но ведь это объективный факт!*
- *Какие у этого демагога (замшелого консерватора, псевдодемократа и т.д.) могут быть факты! Неужели ты не понимаешь: этот совет – недорого возьмет?!*

Возможность такого перемодулирования слушающим знания в мнение, а мнения в знание может облегчаться и таким свойством политического дискурса, как его эпистемическая гетерогенность.

Как правило, политический дискурс представляет собой гетерогенное (с точки зрения эпистемических состояний говорящего) речевое произведение, в котором утверждения знания и утверждения мнения могут чередоваться в произвольном порядке. В этом смысле особую роль приобретает эпистемическая стратегия изложения. Так, говорящий может разграничивать утверждения знания и мнения при помощи соответствующих средств,

например: *Приведем вначале факты.<...> Думается, что объяснить их можно следующим образом...*

В таком случае слушающему легче делать выводы типа «Факты убедительные, и оценка правильная» или «Факты фактами, но вот с тем, как он их интерпретирует, я совершенно не согласен» и т.п.

Но говорящий может избрать и другую стратегию, а именно, выстраивать гетерогенный текст без «демаркационных линий». В таком случае переходы от высказывания знания к высказыванию мнения и наоборот, не сопровождаемые соответствующими формально выраженными «переключателями эпистемического регистра», могут затруднять и эпистемическую ориентацию слушающего, ср.: *Заметно обострились социальные противоречия [интерпретация = мнение]. В условиях капиталистического общества применение в производстве новейших научно-технических достижений оборачивается против трудящихся, выбрасывает миллионы людей за ворота фабрик и заводов [интерпретация = мнение]. За десятилетие армия безработных в развитых капиталистических странах возросла вдвое [фактуальная информация = знание]. В 1980 году она насчитывала 19 миллионов человек [фактуальная информация = знание]* (Из «Отчетного доклада XXVI съезду КПСС»).

Когда «безмодусные» утверждения знания соседствуют с «безмодусными» же утверждениями мнения, интерпретироваться как фактивные (например, спровоцировать интерпретацию типа «Говорящий знает, что заметно обострились социальные противоречия» вместо более логически строгой и корректной интерпретации «Говорящий считает, что ...»). Наоборот: если слушающий не считает, что безработица на Западе связана столь однозначно с научно-техническим прогрессом или отнюдь не убежден в обострении социальных противоречий на Западе, то его недоверие к оценкам и интерпретациям вполне может распространиться и на представленные факты. В таком случае вполне возможна реакция вроде: «Интересно, где это они взяли такие цифры и кого они, собственно, называют безработными?»

Ситуация может быть и гораздо более сложной: так, знание и мнение могут соседствовать в рамках одного высказывания. Это вполне типично для полипредикативных высказываний, а также для высказываний, в состав которых входят полупредикативные конструкции: *... в странах народной демократии есть некоторые элементы многопартийности (знание), правда, в полукарикатурном виде (мнение)* (Из интервью А.Д.Сахарова шведскому радио и телевидению, в июле 1972 года. – Звезда. 1991. N 10. С.6). Подобное скрытое соседство наблюдается в высказываниях, имеющих полипропозитивную структуру. Возьмем высказывание С.Смирнова в ходе кампании травли Б.Пастернака: *Я оскорблен этим обманом как солдат Отечественной войны.* Оно имеет следующую семантическую структуру: 1) *Я оскорблен обманом Пастернака* (фактуальная информация = знание) – ассерция; 2) *Я солдат Отечественной войны* (фактуальная информация =

знание) – пресуппозиция; 3) *Пастернак совершил обман* (интерпретативная информация = мнение) – пресуппозиция. Таким образом, эпистемически гетерогенным оказалось одно высказывание, в котором два компонента (один ассертивный и один презумптивный) имеют статус знания, а один (презумптивный) – статус мнения. Как бы ни инкорпорировалось знание в мнение или мнение в знание (в данной работе нами не ставится задача описания или тем более систематизация всех возможных способов такого инкорпорирования), очевидно, что оно может значительно затруднять оценку слушающим как эпистемических намерений говорящего, так и истинностного значения высказываемых пропозиций⁵.

Таким образом, можно утверждать, что политический дискурс представляет собой в высшей степени сложное эпистемическое образование. Он предъявляет как говорящему, так и адресату определенные требования: эпистемической корректности и ответственности для первого, эпистемической бдительности для второго и эпистемической объективности для всех. Язык, как утверждает З.Вендлер, дан нам «прежде всего для того, чтобы говорить правду» (Вендлер, 1987, 317). Поэтому необходимо изучать языковые и дискурсивные явления, знание которых позволяет нам, во-первых, говорить правду так, чтобы нас понимали, а во-вторых, понимать, когда нам действительно говорят правду.

Раздел 4.2. Ментальная схема «свой мир»

Речевое воздействие основано на изменениях, возникающих в когнитивной системе под влиянием новой информации. Эти изменения могут носить *временный* или *устойчивый* характер, различаться по *степени глубины*, однако их практически невозможно предупредить.

Выражение «речевое воздействие» вызывает, как правило, стандартные *ассоциации*: красноречие и власть над людьми. Они имеют глубокие корни и обусловлены нашим культурным наследием. Именно исторический опыт порождает недоверие к искусству слова, поскольку публичные ораторы обнаруживали властные амбиции.

Это привело к тому, что на изучение закономерностей функционирования прагматически сильных текстов было наложено своего рода табу (Schlyter, 1994, 9), которое исключило риторику из числа «добропорядочных» наук.

Однако «заморозить» процесс познания на длительное время оказалось невозможным и сейчас *риторика* как раздел прагматически ориенти-

---

* Представляется, что ведущую роль при «эпистемической» интерпретации дискурса играют когнитивные предпосылки, а роль особенностей построения дискурса заключается скорее в том, чтобы облегчать или затруднять (но не определять) адекватную эпистемическую интерпретацию.

рованной теории текста возродилась вновь (Vubmann, 1990, Н.,649). Теперь она не ограничивается описанием стандартных способов красноречия, а рассматривает речевое воздействие с различных точек зрения, в частности, с точки зрения *когнитивных* процессов, происходящих в сознании коммуникантов.

Как известно, *когнитивная система* представляет собой ментальный континуум, состоящий из множества точек – ментальных схем, соединенных между собой по закону сетей. *Ментальные схемы* – это образования различной степени сложности и различного характера сочленения. Сложность ментальной схемы определяется присутствием в ней *стандартных* и *второстепенных* ментальных узлов. Характер сочленения составляющих будет нас интересовать в данной работе только с одной стороны – с точки зрения *направленности* связи, которая позволяет подразделить ментальные схемы на *статические* и *динамические*.

Что же нужно сделать, чтобы у партнера по коммуникации «высветился» *нужный* говорящему ментальный узел? Для этого коммуникант предпринимает, как правило, ряд целенаправленных действий, вытекающих из его намерения. *Намерение* – это определенное состояние когнитивной системы, выраженное в активизации глобальной ментальной схемы «желание», которая накладывается на все остальные активизированные в данный момент ментальные схемы. Именно активизированная схема «желание» побуждает коммуниканта к интуитивному поиску наиболее оптимальных средств воздействия и повторению попыток достичь своей цели даже после явных неудач.

Попытка говорящего побудить реципиента к выполнению каких-либо действий наталкивается в большинстве случаев на скрытое *сопротивление* последнего. Это связано с чувством *самосохранения*, «заложенным» в человеке. «Самосохранение – та первая цель, ради которой существует живое существо: от пылинки и до Солнца – все стремится остаться тем, чем оно есть; ради этого животным внушен инстинкт, ради этого и человеку дан аналог инстинкта – разум» (Гердер, 1977, 211).

Сопротивление внешнему воздействию запечатлелось во многих *национальных культурах*, например в немецкой, в которой «*манипулирование*» человеком рассматривается как *отрицательный* процесс, причем не только с точки зрения самого объекта манипулирования, но и с точки зрения общества в целом, поскольку в результате профессионального манипулирования вся нация может стать игрушкой в руках «сильной личности».

Однако не *всякое* речевое воздействие предполагает в итоге *манипулирование* объектом воздействия. Во многих случаях сильное речевое воздействие необходимо реципиенту для восстановления душевного равновесия, для эффективного усвоения значительного объема информации, а иногда и просто для принятия обдуманного и верного решения. Именно поэтому теоретический ин-

терес к проблеме речевого воздействия подкрепляется немалой практической значимостью результатов.

Как известно, *эффективное* речевое *воздействие* невозможно без снятия *барьеров*, воздвигаемых сознанием на пути поступающей информации. Никакие самые сильные, логически обоснованные, эмоционально яркие аргументы не могут вызвать положительной реакции реципиента, если он отгородился от внешнего мира и от говорящего глухой стеной недоверия.

Преодолеть антиманипулятивную установку сложно, и поэтому сначала ставят более скромную задачу – не допустить перерастания естественных барьеров по отношению к новой информации в своего рода оборонительный вал. Одним из *способов* уменьшения и последующего снятия барьеров является постепенное *вхождение* говорящего в личную сферу реципиента, в «*свой*» (для реципиента) *мир*. Только после того, как говорящий станет на какой-то промежуток времени составной частью этого мира, он может рассчитывать на то, что *потенциал* воздействия, объективно заложенный в его высказываниях, может быть хотя бы частично *реализован*.

«*Свой мир*» – это ментальная схема высокого уровня обобщения, которая накладывается на другие ментальные схемы, определяя значимость их узлов для конкретного индивидуума. «Свой мир» не научная и не наивная картина мира. Это ментальное образование, сформированное из узлов *наивной* картины мира, отобранных по принципу «полезности» (физической, психической и т.д.) и сцепленных друг с другом.

Так, например, ментальная схема «воровство» или («убийство») у большинства представителей современных национальных культур не включена как естественный и необходимый узел в статическую ментальную схему «средства к существованию». Однако в «своем» мире некоторых социальных групп этот узел присутствует и влияет на их социальное поведение. Можно ли сказать, что у «маргиналов» изменилась наивная картина мира? Скорее всего, нет, поскольку наивная картина мира – это некая *норма*, характерная для представителей одной или целого ряда национальных культур и выступающая как поведенческий *эталон*.

Вхождение говорящего в «свой» (для реципиента) мир (пусть даже *временное*) делает его полноправным членом этого мира, изменяет *статус* оказываемого им воздействия, которое из *внешнего*, чужого переходит в своего рода *внутреннее*.

Какими *способами* можно проникнуть в этот «свой» (для реципиентов) мир и снизить за счет этого их «сопротивление» по отношению к новой информации? Для ответа на этот вопрос мы проанализировали тексты трех видов, призванные оказать воздействие на *одного* конкретного реципиента, на определенную *группу* реципиентов или на некоторую *общность* людей (общность без строгих границ).

Хотя выбранные тексты не ограничились только *политическими* (к политическим можно отнести лишь тексты *второй* группы – записанные на видео пленку семинары по политологии в одном из западногерманских университетов), однако способы активизации названной схемы, выявленные в *первой* и *третьей* группах текстов, также могут быть использованы в *политическом дискурсе*.

Во всех трех видах текстов нас интересовала их *начальная стадия*, на которой у реципиента еще не сложилось определенного мнения о говорящем («свой» он или «чужой») и о его намерениях («добрые» или «злые»). Таким образом, анализу был подвергнут сам процесс зарождения положительного отношения к говорящему, которое определяет восприятие и интерпретацию поступающей информации.

В качестве текстов первого вида был проанализирован ряд записанных на пленку *диалогов* службы «Телефон доверия молодежи» в городе Хильдесхайм (Германия). Данные тексты интересны с точки зрения состояния реципиента, который активно противопоставляет себя внешнему миру, поэтому активизация ментальной схемы «свой мир» здесь начинается с проделывания «бреши» в стене недоверия.

Практически всем диалогам службы доверия в их *начальной* стадии был свойственен так называемый *принцип «эха»*, основанный на *недоминантной* позиции говорящего (Grдssel, 1991, 59–66).

Принцип «эха» – это не только ориентация на тему партнера, но и *минимальное внесение* в нее новой *информации*, что позволяет говорящему представить себя в глазах реципиента человеком, для него безопасным, не пытающимся вытянуть из него больше, чем он сам намерен сообщить.

С другой стороны, такое «отражение» информации партнера помогает последнему полностью выговориться, т.е. *снять напряжение* через неоднократное проговаривание (свое и второго коммуниканта) одних и тех же высказываний, за которыми спрятаны травмирующие его события. Кроме того, принцип «эха» дает возможность говорящему настроиться на *ритм* работы *сознания* партнера и впоследствии вносить в него нужные изменения, исходя из цели диалога.

Поскольку цель таких диалогов – *«терапевтическая»*, состоящая в устранивании эмоционально-психологического *кризиса*, то управление ритмом работы сознания (или, по меньшей мере, влияние на него) – необходимая предпосылка для того, чтобы побудить партнера *переоценить* ситуацию с точки зрения иной *системы ценностей* (Hinderlang, 1994, 434).

Второй признак принципа «эха», базирующегося на недоминантной позиции в диалоге, – это *полная поддержка* партнера и искреннее *разделение* его *чувств*. Это проявляется не только в соответствующем содержании высказывания, но и в *просодических* средствах, используемых для его оформления: в интонации, ударении, темпе, ритме, паузах и др. (Sappok, 1994, 309).

Третий признак принципа «эха» – это игра по **правилам партнера**. Необходимо освоить уровень его восприятия, чтобы понять действия партнера и их мотивы (*первое правило*).

Второе правило: в нужный момент, о наступлении которого сигнализируют семантические и просодические средства, должна произойти *смена ролей*. Говорящий возвращает себе право быть советчиком и «гидом».

Третье правило: инициатор диалога выступает в роли ментора или доктринера, ему следует избегать «наступательных» стратегий, которые при всей их действенности могли бы поставить под угрозу сотрудничество и взаимопонимание.

Итак, принцип «эха» позволяет представить говорящего *союзником* партнера по коммуникации, видящим мир его глазами. За счет этого становится возможным проникновение говорящего в «свой» для партнера мир, что делает когнитивную систему последнего открытой для усвоения новой информации.

Иначе обстоит дело, когда пытаются воздействовать на *группу* реципиентов. В этом случае проникновение в «свой мир» достигается не столько лингвистическими, сколько *экстралингвистическими* средствами. Эти средства в сочетании с *просодическими* характеристиками совершенно нейтральных в эмоционально-оценочном отношении высказываний давали поразительный эффект: реципиенты «светились» от радости, что они попали в число «посвященных», стали участниками большой политической игры. Привлекательный имидж говорящего, его личное обаяние, умение «подстроиться» под аудиторию разрушает у слушателей защитные барьеры, блокирующие поступление новой информации.

Не меньший интерес представляет третий вид текстов, в которых просодические и паралингвистические параметры сведены к нулю. Это тексты письменной коммуникации. В качестве материала исследования был использован нашумевший роман немецкого писателя Патрика Зюскинда «Парфюмер». Огромное воздействие этого романа на носителей многих национальных культур подтверждается его многомиллионными тиражами, а также его переводом более чем на 30 языков мира. Популярность «Парфюмера» во многом объясняется тем, что автор строит произведение на резком **противопоставлении** «свой – чужой», что объединяет высококонрастного писателя с читателями, которые не могут не считать себя добропорядочными гражданами.

Противопоставление намечается с первых страниц романа: действие происходит в *чужой* для немцев *стране*, в совершенно иное время (XVIII век), когда нравы и порядки не были столь гуманными (с современной точки зрения).

«Im achtzehnten Jahrhundert lebte in Frankreich ein Mann, der zu den genialsten und abscheulichsten Gestalten dieser an genialen und abscheulichen Gestalten nicht armen Epoche gehörte» (Sьskind, 1994, 5). «В восемнадцатом столетии

во Франции жил человек, принадлежавший к самым гениальным и самым отвратительным фигурам этой эпохи, столь богатой гениальными и отвратительными фигурами» (Зюскинд, 1991, 5).

Противопоставление *временного* компонента (XVIII век и современность) дополняется противопоставлением *локального* компонента (Франция – Германия). Однако первое превалирует, что позволяет современным французам также противопоставить себя «их» миру – миру французов позапрошлого века.

Выбор именно «чужой» страны, а не Германии в качестве места развертывания ужасных событий имеет немалое значение для воздействия на *немецкоязычных* реципиентов. Дело в том, что слово «чужой», согласно толковым словарям Дудена, Варига и др., представители немецкой национальной культуры воспринимают не совсем так, как это наблюдается, например, в русскоязычной культуре. При совпадении отдельных значений этого слова их *значимость* в этих культурных мирах не совпадает. В качестве *первого*, центрального значения слова «чужой» немецкие толковые словари дают значение «не принадлежащий своей *стране* или своему *народу*» (Deutsches Universalwörterbuch, 1996, 537; Wahrig, 1994, 608). Это значение русскоязычные толковые словари ставят на последнее, шестое место (Словарь русского языка, 1984, 693), т.е. оно не относится в русскоязычной культуре к разряду *центральных*.

По мнению Л. Блумфилда, «мы всегда понимаем ту или иную форму, то есть реагируем на нее в центральном значении до тех пор, пока что-нибудь в практической ситуации не заставит нас обратиться к поискам переносного значения» (Блумфилд, 1968, 153). Это значит, что слово «чужой» должно намного *чаще* активизировать статические ментальные схемы «страна», «народ» в когнитивной системе представителя *немецкой* национальной культуры, чем это происходит в аналогичном случае у представителей *русскоязычной* культуры (имеется в виду максимальная степень активизации, а не состояние «полусна», наблюдаемое при явлениях полисемии) (Лакофф, 1995, 152). Писатель учитывает эту особенность своих соотечественников и предлагает им *простейшую платформу для объединения*: описываемый кошмар не имеет ничего *общего* с нами, нашей страной, нашей землей.

Вторым параметром для объединения реципиентов и писателя становится тема *гениальности*. Подавляющее большинство людей не находят в себе этого качества. Гении выделялись и отделялись от своих современников. В ментальной схеме «гений» присутствуют стандартные узлы: «ум» (выше нормы), «поведение» (значительное отклонение от нормы), «численность» (отдельные экземпляры).

Отклонение от норм поведения стало основой для *противопоставления* двух миров – «мы» и «они». В «своем» мире человек обычно не нарушает норм поведения (надо учитывать, что эти нормы устанавливает он

сам, и даже убийство, совершенное хозяином этого мира, рассматривается им не как *отклонение* от нормы, а лишь как форма *вынужденного* поведения), и если кто-то *нарушает* нормы, он никак не может входить в «свой» (для реципиента) мир.

Уже в начале романа писатель отмежевывается от главного героя, относя его к «чужому» миру.

«Er hieß Jean-Baptiste Grenouille, und wenn sein Name im Gegensatz zu den Namen anderer genialer Scheusale, wie etwa de Sades, Saint-Justs, Fouchés, Bonapartes usw., heute in Vergessenheit geraten ist, so sicher nicht deshalb, weil Grenouille diesen berühmten Finsternägeln an Selbstüberhebung, Menschenverachtung, Immoralität, kurz an Gottlosigkeit nachgestanden hätte...» (Süskind, 1994, 5). «Его звали Жан-Батист Гренуй, и если это имя, в отличие от других гениальных чудовищ вроде де Сада, Сен-Жюста, Фуше, Бонапарта и т.д., ныне предано забвению, то отнюдь не потому, что Гренуй уступал знаменитым исчадиям тьмы в высокомерии, презрении к людям, аморальности, короче, в безбожии...» (Зюскинд, 1991, 5).

Настойчивая активизация двух ментальных узлов – «гений» и «чудовище» и сведение их в единую ментальную схему – «Жан-Батист Гренуй» – делает личность главного героя одновременно отталкивающей и притягательной, что и требуется писателю. Объединяясь с реципиентом в некоем «своем» мире, постоянно подчеркивая, что главный герой и они находятся на разных полюсах, он подталкивает к выводу о том, что *гениальность* может творить *чудовищные* злодеяния.

«Daß am Anfang dieser Herrlichkeit ein Mord gestanden hatte, war ihm, wenn überhaupt bewußt, vollkommen gleichgültig. An das Bild des Mädchens aus der Rue des Marais, an ihr Gesicht, an ihren Körper, konnte er sich schon nicht mehr erinnern. Er hatte ja das Beste von ihr aufbewahrt und sich zu eigen gemacht: das Prinzip ihres Duftes» (Süskind, 1994, 58). «То обстоятельство, что в начале этого великолепия стояло убийство, было ему (если он вообще отдавал себе в этом отчет) глубоко безразлично. Облика девушки с улицы Марэ – ее лица, ее тела – он уже не мог припомнить. Ведь он же сохранил лучшее, что отобрал и присвоил себе: сущность ее аромата» (Зюскинд, 1991, 25).

Писатель удовлетворяет две потребности реципиентов:

- потребность постоянно *познавать мир* и устанавливать причинно-следственные связи (это обусловлено особенностями функционирования когнитивной системы реципиента);
- потребность регулярно *укреплять* свой *имидж*, причем не только в глазах окружающих, но и в своих собственных глазах.

Итак, на примерах, взятых из различных сфер коммуникации (*устная* и *письменная* коммуникация), из различных видов текстов (воздействующих на *одного* реципиента, *группу* реципиентов, а также некоторую *общность* людей без обозначения границ), мы проанализировали один из спо-

собов *эффективного воздействия* на реципиентов, а именно: активизацию ментальной схемы «*свой мир*». Это необходимый этап в преодолении барьеров на пути проникновения в сознание реципиентов новой информации и изменение с ее помощью их исходных ментальных схем.

Раздел 4.3. Ментальная схема «чужой мир»

В последние годы лингвисты все чаще обращаются к анализу когнитивных структур и их взаимодействия для того, чтобы попытаться взглянуть на традиционно исследуемые явления как бы изнутри и таким путем найти ответы на нерешенные до сих пор вопросы (Schwarz, 1993, 14).

Насколько *продуктивен* такой подход к исследованию языковых явлений и насколько *достоверными* могут быть полученные результаты?

Современные когнитивисты, интерпретирующие результаты, полученные в области целого ряда наук – когнитивной психологии, компьютерологии, лингвистики, философии и нейронаук (Кубрякова и др., 1996, 4), и реализующие собственные экспериментальные программы, считают *язык* одной из важнейших сфер проявления *когнитивных процессов* (Солсо, 1996, 516). По их мнению, через анализ реально существующих текстов возможна дешифровка когнитивных взаимодействий, свойственных носителям определенной национальной культуры (Strohner, 1995, 75).

Это открывает широкие перспективы в исследовании отдельных языковых явлений таких сложных феноменов, как, например, *речевое воздействие*, которое изучается на протяжении двух тысячелетий (Schlüter, 1994, 7), но вследствие своего процессуального характера продолжает как бы ускользать от наблюдателя.

Методы анализа, используемые в когнитивной лингвистике (имеется в виду, в первую очередь, метод *моделирования стандартных ментальных схем*, основанный на анализе словарных дефиниций, и метод *процедурального анализа*), позволяют не только зафиксировать некую стадию в развитии данного феномена, но и дают возможность исследователю уловить циклы в активизации ментальных схем различных уровней и за счет этого «включиться» в процесс принятия решений.

Что касается *достоверности* результатов, получаемых при использовании названных методов, то они, как и большинство результатов в области когнитивной лингвистики, носят ярко выраженный *гипотетический* характер. Это связано с тем, что основной материал для моделирования стандартных ментальных схем – дефиниции толковых словарей – получен не на базе когнитивных экспериментов (это, вероятно, произойдет не скоро), а в результате ментальных оценок отдельных представителей различных национальных культур.

Поскольку это усилия *отдельных* индивидуумов и коллективов (пусть даже самых высококвалифицированных и добросовестных), которые ис-

пользуют в качестве основного инструмента анализа *интуицию* и свое «языковое чутье», то словарные дефиниции, конечно же, не вправе претендовать на *полноту* экспликации ментальных узлов и степени их «вложенности» в ментальные схемы различных уровней.

Однако существует целый ряд факторов, которые позволяют предположить, что толковые словари, как и некоторые другие типы словарей, объективируют некий *срез* в развитии когнитивной системы индивидов, осуществляющих стандартные взаимодействия в рамках типичной (для представителей данной культуры) бытовой среды. Другими словами, толковый словарь выступает как своеобразный способ фиксации познанных закономерностей внешнего и внутреннего мира носителей определенной национальной культуры.

К этим закономерностям можно отнести, вероятно, следующие:

- аккумуляция в толковых словарях *опыта* многих поколений, который выкристаллизовывался в процессе *практического* использования предлагаемых словарем вариантов и их скрупулезного *анализа* и критической *оценки* со стороны высококвалифицированных специалистов, не вошедших в авторские коллективы. Это позволило в течение *длительного* периода устранять интуитивно воспринимаемые шероховатости словарных дефиниций, предлагая последующим поколениям в качестве исходной базы все более совершенные варианты языковой объективации коллективного опыта в познании действительности (Потебня, 1990, 52);
- базирование процесса познания на *неосознаваемых* схемах взаимодействия с окружающей действительностью (на *интуиции*), которые, благодаря своей неосознаваемости, имеют не только известные недостатки, но и неоспоримые преимущества. По мнению некоторых известных лингвистов, неосознаваемые ментальные структуры, используемые автоматически и воспринимаемые при их объективации как часть нормальной жизнедеятельности человека, «обладают иным, более важным психическим статусом» (Лакофф, 1995, 152).

Делая их недоступными сознанию, природа тем самым лишила индивидуума возможности *произвольно* вмешиваться в их функционирование, т.е. по максимуму устранила их зависимость от каких бы то ни было ситуационных желаний.

Построение деятельности по таким схемам дает, вероятно, достаточно *высокую* достоверность получаемых результатов, что позволило целому ряду мыслителей рассматривать интуицию как *высший* уровень познания (Локк, 1985, 56).

Кроме того, *русской национальной культуре* традиционно присуще «чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям, а только в символе, в образе, посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности» (Лосев, 1991, 213). Принад-

лежностью к данной культуре обусловлено то доверие, с каким мы, вслед за Ю.Н. Карауловым (Караулов, 1987, 174), подходим к сокровищнице опыта поколений – материалам толковых словарей. С другой стороны, мы ясно осознаем, что в дефинициях толковых словарей могут найти отражение лишь *отдельные*, наиболее значимые для данного периода развития общества элементы опыта коллективного познания мира. Эти элементы могут соответствовать лишь *стандартным*, но никак не индивидуальным узлам ментальных схем.

Однако для *речевого воздействия*, направленного на *большие* группы людей (политические тексты, произведения художественной литературы), особое значение приобретают не индивидуальные, а именно *стандартные ментальные образования* (т.е. свойственные большинству носителей данной национальной культуры), поскольку на их основе создается «*общая система отсчета*» говорящего и реципиента (Матурана, 1995, 140), необходимая для взаимопонимания.

Это доказывает целесообразность использования дефиниций толковых словарей в моделировании *стандартных* ментальных схем, а также необходимость их последующего привлечения к выявлению типичных когнитивных взаимодействий, свойственных текстам с высоким потенциалом воздействия.

Материалом для исследования послужила серия *газетных статей* немецкой «Hildesheimer Allgemeine Zeitung» (19.11.96), посвященных неудавшейся попытке России запустить космическую установку «МАРС 8». Цель анализа – выявить способы активизации стандартной ментальной схемы «чужой мир», на которой базируется языковая экспликация реально происшедшего события.

Как известно, ментальная схема «*чужой мир*» – это одна из так называемых схем *высокого* уровня обобщения (точнее, значительной концентрации «вложения» в нее схем более низких уровней), которые направляют действия индивидуумов «в более крупном масштабе» (Найссер, 1981, 75). Активизация данной схемы (у реципиента) затрагивает его поведение, вызывая неприятие, «отторжение», исключение предмета речи из его личной сферы*. Реципиент начинает не только осознавать, что описываемый предмет чужд ему по каким-то параметрам, но и рассматривает его как *потенциальную опасность*, способную нарушить равновесие в его духовном и физическом мире.

Как известно, противопоставление «я» – «другие», на котором базируются ментальные схемы «свой мир» и «чужой мир», *внутренне* присуще

---

* Под личной сферой реципиента (говорящего) мы понимаем, вслед за Ю.Д. Апресяном, фрагмент наивной модели мира, в который входят сам реципиент (говорящий), а также «все, что ему близко физически, морально, эмоционально, интеллектуально... некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней единое целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании» (Апресян, 1995, 645 – 646).

человеческой личности. «Она [личность. – Г.Т.] есть всегда противопоставление себя всему внешнему, что не есть она сама» (Лосев, 1994, 74). Это противопоставление может послужить моделью *политических текстов*, нацеленных на формирование у реципиента так называемого «*социального презрения*» (идеологического, расового, профессионального и т.д.) к предмету сообщения (Графова, 1991, 72 – 76).

Как уже отмечалось, ментальная схема «чужой мир» представляет собой совокупность «вложенных» друг в друга схем, взаимодействующих по законам экологических систем, которые обеспечивают непрерывное развитие этих систем в рамках их относительного тождества (Гибсон, 1988, 156).

На первый взгляд, может показаться, что узлы ментальной схемы «чужой мир» образуют концепты, относимые в наивной этике к разряду «– норма»: «– совесть», «– честь», «– добро», «– ответственность» и т.д. Однако более глубокий анализ показывает, что данная схема строится *на отношении* не к интуитивно устанавливаемой социумом «норме», а к самой *личности* говорящего/реципиента, к его *свойствам*, к его «эго», которое модифицирует эту норму, подгоняя ее к своим собственным параметрам.

Здесь можно проследить следующую закономерность: если «количество» каких-то свойств описываемого объекта *значительно отличается* от их «количества» у реципиента (или у относящихся к его сфере объектам), *независимо* от степени приближения этого «количества» к социально установленной *норме*, то объект имеет большую вероятность активизировать у реципиента ментальную схему «чужой мир». Это «перекликается» с законом перспективы, сформулированным Бодуэном де Куртенэ: «По мере удаления от места, на котором мы сами находимся или на котором себя чувствуем, различия между предметами становятся все меньшими и все больше исчезают» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, 79 – 80). Другими словами, чем *дальше* находится объект от *максимально структурированного «я»*, тем больше он превращается для него (для «я») в безликую, неструктурируемую массу, именуемую «*чужое*», т.е. «не-я». И неважно, *насколько* свойства этого объекта соответствуют принятым в социуме нормам. Находясь далеко (по каким-то параметрам) от реципиента, он как бы «сливается» с другими предметами «заднего плана» (по Р.Л. Солсо, «внутренняя зрительная информация вторично изоморфна внешней зрительной информации». – Солсо, 1996, 291), не входящими в его личную сферу и функционирующими как фактор *вероятного нарушения равновесия* в его экологической системе.

Однако интуиция подсказывает, что *отрицания* принятых в социуме этических норм здесь все же быть не должно, поскольку эти нормы в свое время были приняты самими членами данного социума (*негласно*) для регулирования социальных взаимодействий (не следует забывать о постулируемом Дж. Лакоффом более важном психическом статусе ментальных образований и операций, *не осознаваемых* индивидуумом). Поэтому возникает противоречивая ситуация: с одной стороны, несомненная *социальная зна-*

чимость, регулирующая функция норм наивной этики, а с другой, их *отрицание*, концептуальное *исключение* из глобальных ментальных схем «чужой мир» и (как следствие) «свой мир», которые являются важнейшими формами организации информации. Это противоречие устраняется благодаря *языку* – ядру когнитивной системы. Именно он позволяет «подогнать» нормы наивной этики к свойствам говорящего/реципиента, обозначая одну и ту же реальность как «– норма» или как «+ норма».

В качестве примера можно привести противопоставления, достаточно широко используемые в *политических текстах*: *шпион – разведчик, война – национально-освободительное движение* и другие. Они наглядно показывают, как может меняться *интерпретация* одного и того же фрагмента действительности носителями различных идеологий.

Это позволяет сделать вывод о том, что активизация ментальной схемы «чужой мир» сопровождается у *говорящего* активизацией таких *процедурных* схем, которые «выхватывают» из его ментального лексикона слова с семантическим компонентом «плохо».

Что касается *реципиента*, то у него слова с семантическим компонентом «плохо» отнюдь не всегда активизируют ментальную схему «чужой мир», т.е. *обратного процесса* («плохо» → «чужой мир») может и не наблюдаться. Названные слова, особенно при их большом количестве, способны вызвать у реципиента *сочувствие* к предмету сообщения, желание его защитить (хотя бы вербально), реализовав за счет этого свою ведущую потребность – потребность в *утверждении своей индивидуальности*. Эта потребность относится к регулирующим факторам процесса общения, поскольку, по мнению Ю. М. Лотмана, абсолютно согласный собеседник – удобен, но не нужен как механическая копия моего «я». «От общения с ним мои сведения не увеличились бы, как от переключивания кошелька из одного кармана в другой не возрастает сумма наличных денег» (Лотман, 1996, 114). Поэтому потребность реципиентов в проявлении своей индивидуальности, т.е. в противопоставлении себя другим, нельзя не учитывать при построении любых типов текстов, особенно текстов *политического* характера.

Одним из путей учета этой потребности является минимальное использование негативно окрашенной лексики и перенос центра тяжести с эксплицитных способов выражения мнения и намерений говорящего на имплицитные, которые *незаметно* подводят реципиента к нужным говорящему выводам и действиям.

Как конкретно можно реализовать так называемое незаметное воздействие в политическом тексте? И какую роль в этом может сыграть ментальная схема «чужой мир»? Следует сразу же оговориться, что незаметность достигается не с помощью какого-то уникального средства, обладающего огромной эффективностью и не улавливаемого сознанием, хотя бы на уровне интуиции, а только с помощью учета *взаимодействия составляющих* процесса общения. Процессуальный характер речевого воздействия и зави-

симось конечного результата от многих факторов придают этому феномену оттенок «неуловимости», однако не исключают *возможности* его познания при применении соответствующих методик.

Рассмотрим эту возможность на материале упомянутых газетных текстов. Их заголовки (в порядке продвижения вниз по газетной полосе): 1. **Plutonium liegt in 6000 Metern Tiefe** (Плутоний лежит на глубине 6000 метров) / *Russische Raumsonde «Mars 8» stürzt nach Irrflug in Pazifik* (Русский космический зонд упал после неудачного старта в Тихий океан) / **Zwei Milliarden Mark Verlust** (Два миллиарда марок убытка); 2. **Freibier** (Пиво – бесплатно); 3. **Die ganze Arbeit war umsonst** (Вся работа – впустую); 4. **Ein Rückschlag – doch RuЯland gibt nicht auf** (Поражение – но Россия не сдается) / *Trotz großer Finanzlöcher ist die nächste Fahrt zum Mars schon geplant* (Несмотря на большие дыры в бюджете, уже запланирован следующий полет на Марс); 5. **Weltraum-Müll** (Космические отходы).

Уже первое слово в заглавии **первой статьи, «Plutonium»** (Плутоний), за счет активизации ментальных узлов *«радиоактивность»*, *«атом»*, включенных в схемы социальных событий, которые затронули носителей немецкой национальной культуры, выводят в так называемое состояние «полусна» несколько альтернативных ментальных образований, одним из которых является схема *«опасность»*. Следующее за ним слово **«liegt»** (лежит) активизирует, наряду с узлами «опора», «горизонтальный» и т.д., узел *«движение»* (со знаком « – »). Смена знака « – » на знак «+» (возможная альтернатива выступает в более «слабом» виде одновременно с основным вариантом) на фоне схем *«плутоний»* и *«опасность»* порождает у реципиента ощущение легкого беспокойства. Следующий компонент, числительное 6000, «усиленное» огромными размерами и толщиной шрифта, в сочетании с направлением «вниз» и его конечной точкой, находящейся под каким-то плотным слоем, активизирует, наряду с другими, узел *«достигаемость»* (со знаком « – »). Это вызывает ощущение бессилия, невозможности изменить ситуацию, т.е. чувство дискомфорта.

Зарождающиеся отрицательные чувства нуждаются в предмете их фиксации. Его услужливо предлагает первое слово подзаголовка: русский. Это слово исторически связано у носителей немецкой национальной культуры с целым рядом негативных ассоциаций (поражение в войне, гибель родственников, раскол государства, ответственность перед победителями за злодеяния своих соотечественников и т.д.). Эти негативные ассоциации становятся тем проводником, который связывает возникшее чувство дискомфорта и опасности с их вероятным источником – русскими, гася другие возможные альтернативы развертывания смысла.

Таким образом, не употребив ни единого слова с отрицательным значением, однозначно определяющим, кто есть кто, заголовок незаметно включает в действие ментальную схему «чужой мир».

Следующий глагол «**stürzen**» (свалиться) активизирует, наряду с узлами «*падать*», «*высота*», «*глубина*», «*большой*» и т.д., узел «*внезапность*» и через него узел «*подготовка*» (со знаком « – »). Это становится первым мазком в формировании так называемого **социального презрения**, характерного для политических текстов. Оно основывается на постулировании (в приемлемой для данного типа текстов форме) *несостоятельности* объекта сообщения: идеологической, профессиональной, классовой и т.д..

Далее, существительное «**Irrflug**» (неудачный полет) за счет активизации узлов «*ошибка*», «*многократность*» и т.д. подкрепляет зарождающееся *предположение* о профессиональной несостоятельности создателей зонда, подталкивая говорящих к выводу, что именно эта несостоятельность, а не, например, нелепая случайность или диверсия, стала подлинной причиной аварии.

Следующий далее подзаголовок «Два миллиарда марок убытка» отвечает на естественно возникающий у реципиентов вопрос о последствиях аварии (имплицитно – профессиональной несостоятельности объекта, вызвавшего уже в начале статьи чувство дискомфорта и какой-то неясной опасности). Упоминание крупных финансовых убытков усиливает **степень вероятности** того, что описываемый объект действительно может быть опасным для реципиентов.

Финансовая опасность дополняется *биологической* опасностью, т.е. опасностью для их жизни, о чем недвусмысленно говорит **вторая статья**, точнее, короткая заметка «Пиво – бесплатно», выделенная черной рамкой. В ней сообщается, что житель далекой мирной Австралии был предупрежден властями о том, что падающий космический зонд взял курс на его город, и поэтому «хотел уже идти в укрытие». Когда опасность миновала, он решил устроить праздник для своих гостей и поставил им бесплатно пиво.

С помощью этой заметки у реципиента – носителя немецкой национальной культуры – также активизируется ментальная схема «*опасность*», «*вложенная*» в качестве одного из основных компонентов в схему «*чужой мир*». Это осуществляется следующими **способами**:

- через включение в альтернативную схему «**свой мир**» австралийского бармена, над которым неожиданно нависла угроза погибнуть от космического «монстра»;
- через возбуждение **негативных ассоциаций**, связанных с историческими событиями (за счет последовательности действий, типичной при бомбежке: сообщение по радио – бегство в убежище – радость в случае благополучного исхода);
- через активизацию ментального узла «**достоверность**»: фамилия и имя бармена, название населенного пункта в Австралии, указание на участие властей в мероприятиях по предотвращению опасности для жизни населения, развертывание событий строго по узлам стандартных ментальных схем и т. д.;

- через подключение *эмоций*: сочувствия, страха, радости и т. д.
- через *многоуровневое кодирование*, порождающее множество вариантов при интерпретации смысла: «Des einen Leid ist des anderen Freud» (горе одного оборачивается радостью для другого).

Таким образом, реципиент, двигаясь по «силовым линиям» слов (в соответствии с конфигурацией активизированных ментальных схем), приходит к выводу, что объект сообщения может представлять для него опасность в важнейших отношениях – *материальном и биологическом*, поэтому его целесообразно исключить из «своего» мира.

Вероятность такого вывода призвана увеличить **третья статья**: «Вся работа – впустую». Так оценил результаты сотрудничества с Россией немецкий инженер-проектировщик из института имени Макса Планка в Линдау. Статья построена на противопоставлении *единства* (государства и народа в Германии) и *противоборства* (тех же сил в России). Противоборство сил в России, несовпадение их важнейших интересов (работать – да, платить – нет) и неспособность прийти к компромиссам привели, по мнению немецкого инженера, к аварии. Когда к такому выводу пришел соотечественник, квалифицированный специалист, знающий ситуацию «изнутри» и не занимающий ответственных административных должностей (в противном случае, он имел бы меньше шансов войти в «свой» мир типичного представителя современной немецкой национальной культуры), то простым гражданам можно просто положиться на его *мнение* и принять его как *истину*.

«Вторая часть» мнения немецкого инженера, основанная скорее на аналогии, чем на реальном знании ситуации (его голословное утверждение о срывах финансирования технической стороны проекта), служит еще одним мазком в картине профессиональной несостоятельности описываемого объекта и его ненадежности.

Кроме того, за счет акцентаций последствий замораживания российской космической программы для *немецких* граждан (институт в Линдау перед угрозой закрытия, сотни немецких сотрудников могут потерять работу) статья активизирует еще одну ментальную схему высокого уровня обобщения – схему «*социальный крах*».

Вместе с двумя предыдущими схемами этого уровня – «*физическая гибель*», «*материальные потери*» – она завершает активизацию схемы «опасность», а на ее основе – активизацию *глобальной ментальной схемы «чужой мир»*.

В **четвертой статье** авторы позволяют себе использовать *негативно окрашенную лексику* и двусмысленные выражения, поскольку у реципиентов к этому моменту уже активизировалась ментальная схема «чужой мир», что уменьшает вероятность обратной реакции реципиентов.

В этой ситуации использование лексических единиц, вызывающих отрицательные исторические ассоциации, напоминает глумление над повержен-

ным противником (поверженным вербально). Эти слова эксплицируют также чувство «социального презрения», которое постепенно нагнеталось за счет использования «незаметных» средств воздействия.

На этом «победном» фоне звучит кульминационный аккорд всей серии данных статей – запретительная рекомендация финансировать российские космические проекты «в таком объеме».

Последняя статья (комментарий) очерчивает *границы* активизированной ментальной схемы «чужой мир». В нее включаются и ученые, и эксперты (заигрывание с реципиентом), которые, как всегда, разноречивы и не могут гарантировать безопасности простым гражданам. По мнению комментатора, именно из-за ученых слово «Марс», которое прежде вызывало у немцев только положительные эмоции (зеленые человечки, пип-пип – включение марсиан за счет языковых средств в схему «свой» мир), стало теперь сигналом радиоактивной опасности. Статья, выдержанная в духе *наивной логики* обывателя, которого преследует вопрос: «А что, если...», призвана завоевать симпатии наиболее недоверчивых реципиентов и подвести их к выводу о том, что предмет сообщения чужд и опасен для них.

Таким образом, ментальная схема «*чужой мир*», служащая базой для нагнетания чувства «*социального презрения*», может успешно работать за счет так называемых *незаметных* способов воздействия. К ним относятся различные средства манипулирования имплицитной информацией (активизация скрытых уровней «вложений»).

Используя структуру стандартных ментальных схем в качестве возможных *направлений* выводов реципиента и отсекая за счет исторически сложившихся сильных ассоциаций невыгодные для говорящего *альтернативы*, можно незаметно подталкивать реципиента к заданным выводам, не вызывая у него чувства дискомфорта от вынужденного подчинения. Реципиент не ощущает манипулирования, поскольку оно затрагивает глубокие ментальные структуры, которые, активизируясь, проецируются на уровень стандартных ментальных схем в форме вывода, добровольно сделанного реципиентом.

Раздел 4.4. Национально-культурный компонент политической рекламы

Страны формируют демократические традиции в пространстве богатого международного опыта. Для государств, только входящих в круг европейской культуры, интересны и поучительны политические стандарты, сложившиеся в современной Германии. Эта страна испытала на себе оковы тоталитаризма, пережила период национального разъединения и была форпостом «холодной войны». В сложных исторических условиях она смогла, однако, выработать и утвердить эффективную систему многопартийного парламентаризма и широкого самоуправления. Эти обстоятельст-

ва побуждают нас изучать практику функционирования германских демократических институтов и процедур, включая методы и средства политической рекламы.

Изучение лингвистических особенностей немецких политических текстов позволило выделить их наиболее характерные признаки:

- высокую степень внутренней организации;
- наличие особых маркеров когерентности;
- широкое применение невербальных средств (ср.: Мцһн, Релка, 1984,22).

Х.Шредер разработал особую модель анализа социально ориентированных текстов, имеющую, по его мнению, весьма универсальный характер и охватывающую четыре уровня:

- *экстралингвистических и прагматических факторов*. Здесь анализу подлежат особенности предмета описания, «школа» автора (принадлежность к определенной партии, группировке) и способ описания;
- *глобальной структуры дискурса*. Внимание переключается на жанр, логическое и содержательное членение текста, наличие тематической прогрессии, характер средств связи, линейный или нелинейный способ презентации информации;
- *микротекстов* с выяснением специфики места и схемы описания событий, средств связи и характера подачи материала;
- *микроструктуры* (т.е. отдельных абзацев) с изучением конкретных коммуникативных приемов, топиков, риторических средств, интенций, синтаксического рисунка и семантических особенностей (Schredder, 1988, 48-49).

Основной задачей всякого политического текста является не столько описание определенных общественных процессов, сколько стремление к формированию у читателей конкретного представления об объекте или изменению ситуации в соответствии с мировоззрением автора или установкой заказчиков текста. Постигание, например, глубинных мотивов безобидных, на первый взгляд, памфлетов или зарисовок и означает, по словам М.Дехмана, необходимость «переосмысления устоявшейся модели причинно-следственных связей при анализе политического текста» (Dechmann, 1977, 20).

«Стандартный» политический текст обнаруживает, согласно результатам исследования Х.Шредера, следующую тема-рематическую прогрессию: *линия описания состояния проблемы («гипер-тема») – критическая линия – линия связи отдельных микротем с «гипер-темой» – линия суждений и выводов (призывов)*.

анализ примеров

высказывания в связи с примерами —————> обобщения (в связи с постановкой вопросов)
(Schruder, 1988, 59)

Как известно, реклама – это в первую очередь информационный процесс убеждения, реализующийся посредством различных носителей (Бове, Аренс, 1995, 5-6). Реклама, в том числе и политическая, способна оказывать прямое воздействие как на конкретного адресата, так и на общество в целом. Эффект ее социального воздействия в современном мире настолько очевиден, что отдельные критики стали усматривать опасность навязывания стереотипов мышления, а тем самым и психологического манипулирования мыслями и поступками людей. Из желания устранить эти подозрения значительно расширилась стратегия рекламы. Наряду с позитивным представлением того, что рекламируется, необходимо имплицитировать в соответствующих текстах *установку на формирование положительного образа получателя информации*.

Любая установка предполагает присутствие в содержании информации таких компонентов, как *одобрение, самоодобрение и эмпатия*. Одобрение выражает отношение к рекламируемому объекту, «провоцирующее и дающее в то же время ощущение самоодобрения» (Атватер, 1984, 36). Близко к этому и значение эмпатии как суммарного выражения сопереживания, в отличие, например, от апатии (отсутствия каких бы то ни было чувств).

В рекламном сообщении очень важна *вербальная часть*, слово как «одежда всех фактов» (Розенталь, Кохтев, 1981, 5). Словесное оформление адресовано конкретной *аудитории*, определенной категории граждан со своими отличительными признаками (социальный статус, образование, профессия, возраст, территориальная принадлежность).

Естественно, что авторы текстов политической рекламы стремятся также представить объект (политическую партию, движение, ее лидеров и т.п.) энергично, что должно побуждать адресата к действию – активной поддержке того, что рекламируется. Примером может служить следующий предвыборный рекламный текст Партии демократического социализма (Франкфуртер Альгемайне Цайтунг, 08.10.95).

DaЯ der Wind sich drehe

Politisch GroЯmacht, geistig Krøhwinkel – Ignoranz und Siegergebahren ersticken in der neuen deutschen Republik Weltoffenheit, Toleranz, Versöhnung. Was hinter uns lag, wird uns als Zukunft prдsentiert; eine *makabre* Zeitenwende.

Massenarbeitslosigkeit, Sozialabbau und psychische Not, Unrecht, Gewalt, hier wie anderswo, bedrucken uns. *Dьnn wird die Luft* fьr den freien

Geist, das freie Wort im Klima vom nationalem *Dynkel*, Rassismus und *Rechthaberei*.

Doch wir sind nicht stumm. Wir rufen, gestalten, spielen, *denken dem Zeitgeist ins Gesicht* – daЯ der Wind sich drehe!

Veränderung beginnt für uns mit der Bereitschaft zur Opposition.

Viele von uns beobachten die PDS mit Skepsis. Ihre Vergangenheit ist belastet mit einem autoritären Sozialismus. Nicht immer geht sie mit dieser Hypothek richtig um, aber immerhin, sie geht damit um. Wir respektieren die PDS als quer denkende und handelnde politische Kraft mit einer offenen Zukunft. Deshalb werden wir uns zu den Bundestags-wahlen für Kandidatinnen und Kandidaten auf den offenen Listen der PDS einsetzen.

Этот текст содержит вместо заголовка *коду* – рекламный призыв. Грамматическое оформление коды выполнено с использованием конъюнктива, вследствие чего структура предложения приобретает несколько архаичную форму, присущую скорее религиозным текстам. Тонкая коннотация, восходящая к библейским мотивам, развивается по ходу основной темы – поддержки партии ПДС – с помощью использования тактики «черного» и «белого» (ср.: Горлатов, 1995, 13-15). Противопоставление «положительных» идеалов и «негативной» реальности ориентировано на формирование доброжелательного отношения избирателей к партии и должно побудить их отдать за нее свои голоса.

Тексты *социальной рекламы*, призванные ускорить решение общественно значимых проблем или улучшить положение дискриминированных групп, также содержат призывы, однако их апеллятивность может носить косвенный характер:

Wer Langzeitarbeitslose einstellt, bekommt kein MittelmaЯ, sondern gute Mitarbeit.

Die Ansicht, daЯ Langzeitarbeitslose wenig qualifiziert, geschweige denn motiviert sind, ist längst von gestern. Rezession und tiefgreifende Veränderungen in der Wirtschaft haben dazu geführt, daЯ es noch nie so viele qualifizierte Mitarbeiter unter den Langzeitarbeitslosen gab wie heute. Es lohnt sich, Langzeitarbeitslose einzustellen.

Zumal Sie in der Startzeit für 12 Monate Lohnkostenzuschüsse aus dem 3-Milliarden-Programm bekommen können.

Interessiert? **Fordern Sie unsere Broschüre an: 0228-527 11 11.**

Bundesministerium für Arbeit und Sozialordnung

Bundesanstalt für Arbeit.

(Süddeutsche Zeitung. 02.06.95)

В этом обращении Министерства труда ФРГ содержится, наряду с призывами, обещание предоставить дотации всем, кто трудоустроит безработных с большим трудовым стажем. В отличие от предыдущего, чисто политического текста, призывы к потенциальным адресатам – бизнесменам и владельцам предприятий – реализуются через подробное

перечисление предполагаемых выгод правительственного проекта. Семантические и грамматические параметры текста характеризуются в данном случае нейтральностью и стандартной формой презентации материала.

При проведении политических кампаний в регионах, отличающихся неоднородным составом населения (этническое разнообразие, обилие мигрантов и т.п.), приобретает значимость *культурологический фактор*. Американский экономист и социолог Якоб Фаггер считает, что для достижения успеха необходимо научиться говорить с адресатом на его языке (см.: Volten, 1992, 269).

Политические рекламные тексты являются частью процесса *межкультурной коммуникации*, осуществляемой с учетом информации о состоянии конкретного общества и направлениях его развития. Исследователи отмечают важность изучения особенностей поведения различных групп людей, связанных с национальной или локальной спецификой (Wierlacher, 1993, 98).

Влияние межнациональных культурных фонов на вариативные изменения языка позволяет принять постулат о тесной взаимосвязи культуры и языка или, иначе говоря, о «культурной коннотации языка» (*Современное зарубежное языкознание*, 30). Проблема взаимопонимания между представителями различных культур приобрела особую актуальность в связи с углублением интеграционных процессов в мире и расширением экономического, политического и информационного обмена между странами. Политическая реклама содействует социализации многочисленных групп населения, не имеющих надлежащего образования и профессиональной подготовки и как бы исключенных из демократического процесса. Она играет значительную роль в налаживании «культурных мостов» между странами.

В рамках межкультурной коммуникации, осуществляемой на базе одного и того же языка, т.е. в условиях одноязычия, проявляется *функциональный параллелизм языковых подсистем в общем функционировании языка* (Швейцер, 1976, 35). Это позволяет выдвинуть гипотезу о вариативности функциональных подсистем, обусловленной историко-культурным своеобразием. Есть основания полагать, что непосредственным отражением вариативности являются конкретные различия в использовании языковых средств в тех коммуникативных сферах, становление которых подвержено влиянию межкультурных процессов.

При этом следует учитывать, что за одними и теми же типами речевых актов в разных языках могут стоять различные речевые замыслы (Haddad, 1987, 23-24). Бригит Штольт провела сравнительный анализ немецкого и шведского языка и выявила между ними пять блоков проблем, обусловленных историко-культурным своеобразием:

- различия в формах обращения к партнеру (в частности, на *ты* и на *вы*);
- различия в использовании имен и фамилий в устной и письменной коммуникации;
- различия в ритуалах приветствия и прощания (различное подключение паралингвистических и невербальных средств);
- различное наполнение одних и тех же действий (многие похожие слова приобрели иной смысл);
- трудности с передачей оттенков эмоций (посредством фонологических средств, мимики, жестикуляции) (Stolt, 1987, 48).

В политической рекламе широко используется *иллюстративный сопроводительный материал* (зрительный, слуховой и зрительно-слуховой). В этой связи мы сталкиваемся с различиями в употреблении зрительного кода. Б.Вейдемманн, в течение многих лет занимавшийся проблемой роли изображений у разных народов, пришел к выводу о том, что при использовании зрительной наглядности важно учитывать разные возможности ее пространственного восприятия представителями разных культур. У африканцев, к примеру, не принято фотографировать объект с верхней точки и представлять его в уменьшенном виде. У славян черная кошка является предвестником несчастий, а у немцев — счастья и удачи. Наибольшие проблемы возникают в связи с разной «кодовой» ролью цвета: так, например, европейцы воспринимают красный цвет как сигнал предупреждения, а для китайцев — это цвет успеха и торжества (Weidemann, 1989, 135). Игнорирование таких различий может стать причиной неадекватности восприятия рекламного текста и привести к нежелательному эффекту.

Раздел 4.5. Постулаты речевого общения в контексте «лингвистики лжи»

В 1972 году в США был создан комитет по изучению общественного лицемерия. Причиной создания этого комитета послужило осознание того, что демагогия, ложь становятся общественной проблемой. Современный человек, постоянно находящийся под воздействием СМИ (он просыпается под звуки радио и засыпает при мерцающем экране), очень часто строит свою «картину мира» не на основе собственного опыта, а заимствуя ценностные установки из газет и эфира. Лингвисты вошли в состав комитета, чтобы показать, что мощнейшим средством манипуляции общественным сознанием является язык.

Статьи Х. Вайнриха «Лингвистика лжи» (Вайнрих, 1987) и Д. Болинджера «Истина – проблема лингвистическая» (Болинджер, 1987) ознаменовали определенный этап в развитии той ветви лингвистики, которая сделала своим предметом способность языка создавать ощущение правоты и убедительности говорящего, на самом деле не обладающего такой правотой. «Лин-

гвистика лжи» (Вайнрих), «лингвистическая демагогия» (Николаева), «языковая демагогия» (Булыгина и Шмелев) – вот термины, которые используются сегодня для обозначения областей лингвистики, пытающейся показать, как совершается, говоря словами лингвистов, «сокрушительный словесный удар по крепости разума». Основное внимание языковедов, работающих на этом поприще, в определенный период времени было привлечено прежде всего к языку тоталитарных государств (в 1946 году выходит книга Клемпера «LTJ» , описывающая язык «третьего рейха»; в 1985 году появляется книга швейцарского лингвиста П.Серио о советском политическом дискурсе). Однако ложь – явление не только политического языка: «Ложь как состояние сознания» – называется статья философа, полагающего, что все наше речевое поведение есть постижение лжи, т.е. выявление лжи, сокрытой в окружающем человека мире текстов (Гусейнов, 1989). Поэтому совершенно естественно, что от анализа собственно политического языка лингвистика обращается к языку как к инструменту воздействия на когнитивные структуры получателя сообщения.

Один из средневековых философов заметил, что ложь – это то, что слышат уши, а истина – то, что видят глаза. Каждое слово – знак, единство словесной оболочки (обозначающего) и того, что же именно обозначается этим словом (обозначаемого). Обозначаемые таких слов нельзя увидеть глазами – нельзя показать на нечто и сказать: «Это демократия, а это – рынок». То, на что мы покажем, будет одним из проявлений этого явления. Можно показать на пышные витрины магазинов и сказать – это рынок, но и мусор на улицах, грязь, типичная для той, что бывает на базарах, – тоже рынок.

Выявлением особенностей языка и построения текстов, позволяющих затемнять истину, и занимается область лингвистики, которую вслед за Х.Вайнрихом назовем «лингвистикой лжи». На данном этапе ее развития можно сформулировать ряд правил, знание которых в известной степени позволит предостеречь всех, кто использует человеческий язык как средство познания мира, от заблуждений, создаваемых «празднословным и лукавым» средством общения.

Правило первое: *Следует опасаться модных «слов-теней»* типа: «демократия», «тоталитаризм», «рост национального самосознания» «интернациональный долг» и т.п. Они приложимы к целому кругу часто разнородных явлений. Можно называть погромы – ростом национального самосознания, а вторжение в другую страну – интернациональным долгом. Если мы не хотим быть обманутыми, будем с предосторожностью относиться к таким словам. Их отличительный признак в том, что явление, которое они обозначают, может быть названо по-другому, словом с противоположной оценкой. Если «интернациональный долг» можно назвать «агрессией», «курс реформ» – «обнищанием масс», «врага нации» – «нонконформистом», то постоянное использование одного из этих названий говорит о стремлении внушить определенную точку зрения на явление, заставить видеть его в «нужном» свете.

Правило второе: *Следите за оценочными словами.* Когда в свое время в обвинительных статьях, направленных против И.Бродского, их авторы называли поэта зарвавшимся наглецом, а его стихи «ладбищенскими», то они выражали собственную оценку творчества и поведения поэта. Здесь происходит подмена субъекта оценки – личное мнение выдается за общепризнанную истину.

Всякая оценка включает в себя того, кто ее выносит, – субъект оценки. В данном случае мы имели индивидуальную оценку, (она может быть выражена словами «по-моему», «на наш взгляд» и т.д.), которая представляла как объективная, общепризнанная истина. Наши высказывания типа «это плохой фильм» или «это хорошая книга» также представляют собой подмену субъекта – свою личную оценку мы выдаем за общую, объективную, не указывая, от чьего имени она вынесена. В том случае, когда говорящий авторитетен, а слушающий доверчив, оценка будет воспринята последним как истинная и в своем последующем отношении к оцениваемому явлению он будет руководствоваться ею. Отсюда совет: не доверяйте чужим оценкам. Следите, насколько точно эти оценки представлены, т.е. насколько полно обозначен тот, кто эту оценку выносит.

Правило третье: *Отделяйте мнение от знания.* Проиллюстрируем это газетным материалом. Один их известных авторов «Литературной газеты» О.Чайковская писала: «Горбачев, конечно, не ожидал левой агрессии». В ответной статье Е.Боннер обвинила журналистку в домыслах относительно умонастроения Горбачева. Действительно, могла ли О.Чайковская доподлинно знать, что чувствовал бывший президент? Скорее она предполагала, что он должен чувствовать именно так. Здесь субъект мнения (тот, кто предполагает) *подменяется* субъектом знания (тем, кто знает). Отсюда вывод: следует внимательно следить за источником информации – откуда получена, не является ли она всего лишь субъективным *мнением*, даже плодом его воображения? Например, «Литературная газета» (1997, № 46) печатает статью Б. Евсеева – участника научной конференции в Вильнюсе, городе, где он провел несколько дней и который, судя по статье, вызвал у него чувство разочарования и неприятия. Описывая положение русскоязычного населения, автор пишет: «Со школьниками, говорящими по-русски, не хотят общаться, их бьют, обещают сдать на «перевоспитание» бритым молодчикам из «Молодой Литвы». Естественно, что человек, прошедший три насыщенных научными заседаниями дня, вряд ли мог быть очевидцем подобного инцидента, но он предельно обобщает его. «Умножение» событий происходит через употребление «генерализованных суждений» – предложений, где субъект выражен существительным множественного числа, осуществляющим референцию ко всему классу (например, «литовцы»), а глагол настоящего времени соответственно обозначает действие, не прикрепленное непосредственно к моменту речи («бьют»). В таких предложениях возможно опущение субъекта, что превращает их в неопределенно-личные с соответствующим ситуантом в начале предложения: «в

Литве бьют русских школьников». Таким образом, читатель должен быть внимательным к подобным синтаксическим конструкциям.

Правило четвертое: *Будьте внимательны к общим местам текста.* (Общее место – это некоторая общая истина, некоторое рассуждение говорящего о действительности, содержащее обобщение его жизненного опыта).

Общее место обычно находится в начале текста или абзаца, а следующие конкретные эпизоды предстают как иллюстрация некой аксиомы. Так, например, корреспонденцию о неявке Горбачева в суд, А. Ваксберг начал словами: «Когда, как говорится, нечем крыть, лучше всего отмолчаться, избежать диалога, в котором хозяином положения является кто-то другой, а уйти от морального поражения заведомо невозможно». Таким образом, экс-президент изображается моральным банкротом. Древние называли это предвосхищением основания: «истинным объявляется то, что еще требуется доказать». Поэтому полезно спросить себя: действительно ли конкретный эпизод можно подвести под общее правило или он воспринимается нами как его иллюстрация просто потому, что расположен вслед за правилом? Можно ли переставить местами описание конкретного случая и общее место? Если да, изложение не содержит подвоха, если нет, есть опасение, что имеет место демагогический прием.

Разновидностью логической ошибки – «утверждается истинным то, что требуется доказать» – является такое построение текста, которое в некоторых лингвистических работах получило название «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию» (Булыгина, Шмелев, 1996, 462). Пример, который приводится в указанной работе, выглядит следующим образом: «Задавая, например, вопрос: «В чем, по-вашему, причины снижения жизненного уровня в стране?» — репортер заставляет респондентов признать, как бы они на этот вопрос ни ответили, истинность пресуппозиции («жизненный уровень в стране снизился»)).»

Суть этого приема воздействия на адресата сообщения заключается в том, что его заставляют принять исходную посылку, делающую возможной саму постановку вопроса как изначально данную «аксиому», хотя ее «аксиоматичность» небесспорна.

В наши дни в статьях и передачах нередко доминирует ироническая интонация. Например, камни, которые могли быть использованы как оружие теми, кто находился у Белого дома в сентябре 1993 года, почему-то упорно назывались дикторами телевидения «оружием пролетариата». Ирония призвана показать, что оппонент ничтожен и смешон и не заслуживает серьезного разговора. Инструментом иронии может служить использование «чужого» слова, то есть слова, принадлежащего оппоненту и произносимого с интонацией издевки. Приведем пример игры с «чужим» словом: «Главный коммунистический вождь Ленин, который живет всех живых, желал поражения своему правительству» (ЛГ. 1997. №9). Плеоназм, содержащийся в выражении «главный вождь», нерелевантность с точки зрения вводимой

информации цитаты Маяковского («Ленин и теперь живее всех живых»), общая смысловая избыточность текста призваны, видимо, подчеркнуть убожество мысли и стиля тех, для кого эти понятия, слова являются «своими».

Исследователь языка «третьего рейха» В.Клемперер отмечал, что господствующей интонацией в дискурсе национал – социализма была именно ирония. В кавычки заключалось все: демократия, гуманизм, разум. Но кавычки могут быть признаком не только хвастливого проявления силы, но и признаком интеллектуального бессилия. М.Бахтин писал о том, что, когда нет собственного «последнего слова», всякий творческий замысел, мысль, чувство преломляются сквозь призму чужого (Бахтин, 1986, 340). Нечего сказать самому, так издеваются над чужим... Таким образом, еще одно правило, вводимое из «лингвистики лжи», могло бы звучать так: *Не доверяйте ироническим комментаторам.*

Мы описали ряд правил, соблюдение которых может помочь адресату любого сообщения осуществить «проверку высказывания на истинность».

Такая «лакмусовая бумажка», с помощью которой выявляется неадекватность картины мира, созданной в тексте, особенно необходима сегодня, когда популярной становится практика привлечения к суду за «клевету, оскорбление чести и достоинства...» и т.п. Предметом осуждения становится действие, осуществленное словом. Таким образом, слово, действительно, есть дело, и тот, кто пользуется им, должен осознавать реальный «вес» каждого языкового знака. В отношении к слову в конце 90-х годов XX века сложилась удивительно противоречивая ситуация. С одной стороны, несут ответственности те, чьи слова расходятся с делом (стало обычной практикой оправдывать расхождение предвыборных обещаний и последующих действий тех, кто победил в избирательной кампании), с другой стороны, мы живем в условиях постоянной настороженности к слову, ищем признаки обмана или подвоха, повод упрекнуть говорящего в неоправданности его выводов. В этой ситуации возрастает роль лингвистов, к которым все чаще обращаются представители юридических органов с просьбой провести так называемую лингвистическую экспертизу текста на предмет установления в нем необоснованных обвинений, оскорблений, попыток «увильнуть» от исполнения деловых соглашений и т.д.

Так, предметом лингвистической экспертизы стала заголовочная фраза «Откуда в Литве фашизм?», позволившая общественным организациям обратиться в суд с иском против автора. Следствие просило лингвистов определить, действительно ли эта фраза содержит утверждение о том, что в Литве существует фашизм. Адвокаты обвиняемого, в свою очередь, обратились с просьбой помочь доказать, что фраза допускает и иное прочтение. В письменной речи такие фразы оправданны лишь тогда, когда существует пресуппозиция «субъект предложения существует реально». В таком случае эта фраза – подлинный вопрос, ответом на который и может стать аналити-

ческая статья. В устной речи подобные фразы, сопровождающиеся соответствующей интонацией и включением частицы «ну», являются выражением несогласия с утверждением о существовании субъекта: «Ну откуда в Литве тигры?!» /«Ну откуда в Литве фашизм?!». Изошренность лингвиста помогает ему манипулировать различными возможностями прочтения текста и, в зависимости от интересов, занимать позицию то «прокурора», то «адвоката». Таким образом, лингвист становится действующим лицом судебного процесса над текстом. Единственная приемлемая для лингвиста позиция – роль беспристрастного судьи, но судьи, выносящего приговор не автору, а тексту, нарушившему определенные «законы», действующие в сфере речевого поведения.

Однако о каких законах может идти речь в таком случае? Думается, что, кроме описанных выше правил, ими можно *считать постулаты речевого общения* П.Грайса, сводящиеся, как известно, к четырем основным: постулат Количества (полнота информации), постулат Качества (не говори того, что ты считаешь ложным), постулат Релевантности (не отклоняйся от темы), постулат Способа выражения (говори ясно). В целом эти постулаты составляют основной принцип, «соблюдение которого ожидается от участников диалога», – принцип Кооперации (Грайс, 1985, 222). Разумеется, постулаты Грайса рассчитаны прежде всего на устное диалогическое общение, но если вслед за М.Бахтиным считать, что каждый текст – это реплика в непрерывном, никогда не прекращающемся диалоге, то тогда и к авторам письменных текстов, видимо, справедливо отнести слова: «От всякого, кто стремится к достижению конечных целей речевого общения (это может быть получение и передача информации, оказание влияния на других и подчинение себя этому влиянию и т.п.), ожидается, что он заинтересован в этом общении; речевое общение может быть выгодно и полезно только при условии, что соблюдаются Принцип Кооперации и постулаты» (Грайс, 1985, 226).

Рассмотрим нарушение некоторых постулатов в современном газетно-публицистическом дискурсе и попытаемся описать речевые акты с использованием «сценария» судебного процесса, где выясняются мотивы «преступления» (интенции, иллокутивная цель), состав «преступления» (характер иллокуции) и характер наказания (перлокутивный эффект). Нарушение постулата полноты информации в анализируемых нами текстах («ЛГ», «Общая газета», русскоязычная газета «Литовский курьер») сводится к трем основным моментам: умолчание об определенных фактах с одновременным намеком на то, что автор обладает информацией, которой он не хочет делиться с читателем; использование дейксических выражений для обозначения действующих лиц: «они», «определенные силы», «те, кто» – которые, видимо, известны автору, но он скрывает их подлинные имена; несоразмерность описания частей события, при котором значимая часть события, противоречащая авторской интерпретации, проговаривается

вскользь. Так, примером первого вида нарушения постулата полноты информации является следующий фрагмент статьи Павла Вощанова «Анатолий Собчак как зеркало русской коррупции» (перепечатка из газеты «Комсомольская правда» в вильнюсской газете «Обзор» (06.11.97)): «Что же это за фирма такая бескорыстная? У меня *немало материалов*, касающихся разных обстоятельств ее деятельности и взаимовыгодных связей с отцами города». Требование полноты информации предполагает, что автор, чтобы не выглядеть голословным, расскажет читателю об имеющихся у него материалах. Однако... «Будем живы, расскажем и об этом. А пока сосредоточимся на Собчаке». Очевидно, первая часть фразы («будем живы») намекает на грозящую журналисту опасность – в таком случае исключительность ситуации должна тем более поторопить автора сказать все.

Умолчание определенных фактов и туманные намеки преследуют прагматические задачи: автор бросает тень на объект речи, но при этом не сообщает никаких конкретных сведений, за недостоверность которых он мог бы быть привлечен к судебной ответственности.

Намек на имеющуюся у журналиста информацию может иметь совершенно невинный характер, не преследуя цели опорочить объект речи: «Такую улыбку видел я у двух людей: Рутино́го суперкайфового сына, а также у девушки брата одной известной девушки, которая... впрочем, это не столь важно», – пишет литовский журналист М.Шлямович.

При всем различии приведенных фрагментов (первый пытается намекнуть на «порочащие фирму связи», второй лишен желания уличить кого-то в чем-то) нам представляется важным отметить объединяющий их момент – «сверхзадачу» авторов: наличие данных, о которых не знает аудитория, работает на образ журналиста, единолично владеющего ценнейшим в сегодняшнем мире достоянием – информацией, а нежелание открыть ее читателю создает атмосферу загадочности и одновременно повышает статус пишущего, который позволяет себе дозировать информативную насыщенность процесса коммуникации, то есть присваивает себе ведущую роль в нем. Интересно, что имидж монопольного владельца информацией использовал в определенный период В.Жириновский, перемежая свою речь обращением типа: «Знаете ли вы...». Примером использования дейкисических выражений вместо дескриптивных номинаций может служить следующий фрагмент текста уже упоминавшейся статьи П.Вощанова: «они понимают, что когда-нибудь такое случится, но стараются оттянуть момент. У них не все готово к безопасному и благополучному завтра, но сложа руки никто не сидит». Знает ли автор строк, что скрывается за местоимением «они»? Данному фрагменту предшествует фраза: «Собчак – всего лишь звено в неведомой нам общей цепи». Но если цепь «неведома», то откуда же ведомо автору происходящее в ней? Что это – домысел с целью запугать общество готовящимся наступлением «темных сил» или намеренное Сокрытие за определенными ритуальными формулами, где неопределенность

субъекта, на самом деле известного автору, делает его еще более могущественным именно в силу неопределенности и вездесущности? Представляется, что данные неопределенно-субъектные ритуальные формулы обозначения могущественных сил аналогичны формуле «есть мнение...» из дискурса предшествующей идеологической эпохи. Согласно О.Розенштоку-Хюсси, существуют четыре формы лжи: вымысел, ложь, притворство и лицемерие (Розеншток-Хюсси, 1995, 84). Лицемерием, согласно этой классификации, считается повторение условных формул, не насыщенных соответствующим содержанием. Нежелание обозначить субъект некоторого действия прямо может быть обусловлено рядом причин: страхом журналиста перед «сильным мира сего», стремлением придать ему большую значимость и т.п. – всем, кроме одного – неизвестности этого субъекта говорящему, так как в данном случае «неизвестный» вряд ли мог стать объектом столь пространныго повествования. Таким образом, нам приходится констатировать, что неполнота информации, возникающая из-за использования условных ритуальных формул, дает повод упрекнуть говорящего в лицемерии, т.е. в нарушении второго основного постулата – постулата Качества. Если использовать судебный лексикон, то автора приведенного текста нельзя привлечь к ответственности за клевету, однако ему можно поставить в вину распространение порочащих слухов и сокрытие известных ему фактов.

Неполнота информирования проявляется и в том, что принципиально важная часть текста проговаривается вскользь. Иллюстрацией может служить статья Г.Зюганова «Муки централизма» (Зюганов, 1996). В ней описываются образцовые, по мнению автора, модели управления государством в дореволюционной России: «Каждая модель учитывала территориальные особенности, местные традиции, национальную психологию, политическую ситуацию...». В когнитивные структуры читателя вводится информация о всестороннем учете ситуации, что не может не вызывать его одобрения, а затем делается заключение: «На практике, конечно, реализовать такой принцип удавалось далеко не всегда. Более того, именно многочисленные его нарушения стали одной из главных причин того, что в стране сложилась революционная ситуация». Здесь первое предложение не содержит важного риторического топоса – причины, а во втором предложении абстрактное существительное «нарушение» позволяет говорящему обойти вопрос, кто же нарушал замечательные принципы централизма в царской России? Сохраняется отмеченная П.Серио бес-субъектность «советского дискурса»: с одной стороны, обезличивается реальный деятель, а с другой – создается впечатление каких-то стихийно действующих сил. В целом же происходит замалчивание существенных элементов ситуации – тех, что явились каузаторами конечного состояния неуспеха.

О.Розеншток-Хюсси обратил внимание на разнообразие приемов сокрытия истины: «...лицемерить – значит всего лишь повторять причастия и условные формулы, лгать – значит скрывать внешние факты, вымысел – это самоличное изобретение внутреннего мира переживаний, тогда как при-

творщик умышленно скрывает императивы, управляющие его поступками» (Розеншток-Хюсси, 1995, 84). Уличить говорящего во лжи, то есть в сокрытии внешних фактов, может не только лингвист, поскольку, слушая, мы постоянно верифицируем услышанное, задаваясь вопросом: соответствует ли сказанное действительности? Там, где происходит несовпадение мира текста с миром известной читателю действительности, обозначаются контуры лжи. Притворство как разновидность лжи, на первый взгляд, также представляется явлением, не подвластным лингвистическому анализу.

Но это не так. Лингвист способен распознать притворство, понимаемое как сокрытие императивов, движущих говорящим.

Выражая недовольство по поводу высказываний Г.Зюганова в адрес России в ходе его визита в США, автор передовицы в «Литературной газете» пишет о себе и своих друзьях, что в свое время они «крепко не любили советскую власть, но, оказываясь в кругу иностранцев, непременно начинали ее хвалить. Ведь держава наша, черт ее побери. Не станет же мать собственного непутевого сына срамить. А вот Г.А. аж вспотел, бедняга, понося в Америке свою страну». То, что не следует выносить сор из избы, знали давно. Еще Петр Долгоруков писал, что «многие соотечественники говорят: не нужно рассказывать иностранцу истину о России, нужно скрывать от них язвы отечества». Это же спустя столетие повторили соотечественники, клеймившие позором Пастернака, Солженицына, Даниэля и Синявского. Есть основания думать, что хулители искренне не хотели уподобляться библейскому Хаму. Но те, кто в 90-е годы считают себя приверженцами демократии, не могут не знать недавнего прошлого. «Боль за Родину», понимаемая в традиционном для советской идеологии смысле, должна роднить их как раз с теми силами, которые представляет Г.Зюганов. Напротив, «правда об отечестве» делала бы их наследниками русских предтеч демократии. Такой императив, как желание уязвить Г.Зюганова, прикрывается в тексте ритуальным для русского сознания высказыванием о «Родине – матери», создающим впечатление оскорбленного патриотизма, таким образом, лицемерие (использование условных формул) сочетается с притворством (искажением императивов).

Автор подобного текста не может быть привлечен к ответственности за клевету, распространение порочащих слухов или искажение правды, однако лицемерно-притворный текст побуждает с настороженностью относиться и ко всему тому, что будет сказано этим автором в будущем. Мы уже говорили выше, что нарушение постулата Количества информации (сюда относится и отмеченное выше опущение субъекта оценки, источника информации) связано с нарушением постулата Качества информации. Думается, что нарушение третьего постулата – Способа выражения («говори ясно») может быть связано с нарушением первых двух. Из статьи Б. Евсеева, цитировавшейся выше: «И при всем том положение русских в Литве (так считает вся Прибалтика) значительно лучше, чем в Латвии и Эстонии. Это об-

стоятельство толкает некоторых именитых выходцев из России, давно греющих требующие согревания места литовским гражданством, на грозную ругань по адресу нашего посольства, проявляющего в последнее время твердость и неуступчивость по отношению к новой этнократии... «Прекратите защищать этих грязных мигрантов!» – требуют именитые, оттанцевав в приватбалетах, навопившись до одури в ораториях во славу отечества» (ЛГ. 1997. №46). Если бы Б.Евсеев назвал «именитых», имеющих двойное – российско-литовское – гражданство, читатель усомнился бы в том, что они «орут до одури» или танцуют «в приватбалетах». К этим именитым относятся Плисецкая и Щедрин, Максимова и Васильев (поставившие в государственном театре оперы и балета балет «Дон-Кихот»), Образцова и Жюрайтис. Однако избранные определения, составленные из слов с негативной оценкой, не позволяют идентифицировать объекты столь резкого неприятия (если не сказать «ненависти») со стороны автора текста. Какую информацию получил читатель из выражения, включающего нагромождение причастий: «греющие требующие согревания места литовским гражданством»? Метафора «согреть места гражданством», включающая недескриптивное, дейксическое слово «места», заставляет читателя «расшифровывать» метафору, но релевантной информации он так и не получает. Читатель чувствует озлобление автора, пытающегося возбудить образы, видимо, связанные с «телесным низом». Таким образом, умолчание конкретных имен, усложненный способ описания ситуации не позволяют непосвященным «опознать ситуацию».

Анализ газетно-публицистического дискурса приводит к мысли, что современный этап общественной культурной жизни – это период всеобщей конфронтации: старые ценности отвергаются новыми, одни идейные течения сражаются с другими за умы и власть. В этой «схватке» дискурсов лингвист обладает механизмом, позволяющим установить, насколько корректно и чисто плотно ведется полемика.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ИНТЕРСУБЪЕКТНЫЕ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Раздел 5.1. Текстовые реминисценции в газетных текстах

Рассматривая интертекстуальные связи газетных и других текстов средств массовой коммуникации, следует не упустить из вида такое их проявление, как текстовые реминисценции (Супрун, 1995). Большую часть своих познаний о мире человек черпает не из непосредственного опыта, а из текстов. Реализация когнитивной функции языка происходит путем передачи через язык обширной текстовой информации о приобретенных общественными сведениях об окружающем мире, в том числе об обществе, о человеке, его теле и душе, о Боге. Роль языка в познании в значительной мере связана с тем, что мир познается через тексты. Попадая в человеческое сознание сначала через тексты, часть информации постепенно, на протяжении жизни поколений оседает в языковом устройстве и превращается в его часть.

Один из аспектов влияния текстов на язык состоит в том, что те или иные фрагменты знакомых текстов или даже целые тексты прямо отражаются в новых производимых текстах с осознанным или неосознанным представлением о том, что они улучшат способ передачи мыслей в производимом тексте и будут способствовать его адекватному пониманию и большей эффективности. Это представление связано с тем, что то или иное использование готового текста не только воспроизводит точную и привычную формулировку, напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает определенное соотношение производимого текста с предшествующими, то есть включает его в вертикальный контекст текстового универсума, в тот словесный мир, который создает, по словам А.Р.Лурия, языком (Лурия, 1979) и в котором мы живем.

Вкрапления из предшествующих текстов (текстовые реминисценции) имеют разные функции, источники их разнообразны, коннотации различны, включение во вновь производимый текст осознанно или произвольно. Для дальнейшего рассмотрения примем следующую рабочую дефиницию. Текстовые реминисценции (ТР) — это осознанные или неосознанные, точные или преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным (их иногда называют прецедентными (Караулов, 1987; Костомаров, Бурвикова, 1994,)) текстам в составе более позднего текста. ТР могут представлять собой цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), «крылатые слова», отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях. При ТР может иметься или отсутствовать разной степени точности отсылка к источнику.

ТР встречаются издавна, они отмечаются в древнейших письменных текстах и в устном народном творчестве. Они представлены и в классической и современной художественной прозе, и в поэзии. Нередко встречаются ТР в устной речи различных видов. Можно предположить, что ТР имеют тот же порядок частотности, что и фразеологизмы.

Многочисленны ТР в публицистике, например, в современных газетах: *Незабвенный майор Пронин из далекого совкового детства* (Лит. газ. 1994. 6 апр.); *Но вот принцесса Диана — Ирен Форсайт наших дней — уже вряд ли ослепит нас. Черт бы побрал этого Сомса* (Комс. правда. 1994. 1 апр.); *Увы, горькое замечание Пушкина о том, что мы ленивы и нелюбопытны, не утратило своей актуальности и сейчас* (Веч. Москва. 1994. 3 марта). Часто используются ТР в газетных заголовках: *Как слово наше отзовется* (Аргументы и факты. 1993. № 41); *Народ пока безмолвствует* (Лит. газ. 1994. 23 марта); *Каждый из нас — немного Заверюха* (Комс. правда. 1994. 1 апр.); ср. из Маяковского); *Банкротства бояться — в рынок не ходить* (Новое время. 1994. № 2). Ср. и подписи к иллюстрациям, например (на снимке: сосиски на рынке): *Вчера продавали по 5, ну очень хорошие* — из Жванецкого, где речь идет о раках (Веч. Москва. 1994. 12 апр.).

В деловых текстах ТР не только возможны, но и прямо необходимы. Так, в различных деловых бумагах необходимы отсылки к предшествующим документам, общим инструкциям, постановлениям и т.д. В научных сочинениях цитаты или ссылки на предшественников служат для указания на связь данной работы с развитием науки, на использование чужих результатов, на эрудицию автора, подкрепляют его тезисы и доказательства; предшествующие работы могут упоминаться или цитироваться также для того, чтобы полностью или частично отвергнуть их результаты или интерпретацию, и в других целях.

Как сознательно, так и непроизвольно появляющиеся в текстах ТР возникают на базе знакомства участников общения с их источниками. Конечно, это условие может не реализоваться или выполняться не полностью. Получатель информации (слушающий, читающий) может не уловить связи с источником, не понять коннотаций и дополнительных нюансов, вносимых аллюзией к некоему тексту, о котором он и понятия не имеет (то есть данный текст не является для данного лица, воспринимающего текст, прецедентным), а может и вообще не понять сообщения (что, вообще говоря, не так уж редко бывает и без ТР).

В повести В. Гроссмана «Несколько печальных дней» один из персонажей рассказывает о своем заместителе: *Я уж говорил на коллегии: Плюшкин. Да не проймешь, мой Чепетников Гоголя не читал, не проработал* (гл. 3). Для современного русского читателя ясно, конечно, не только то, к кому приравнивает Чепетникова говорящий, но и то, что не знать Плюшкина мог необразованный выдвиженец 20-х или 30-х годов. Теперь, вероятно, нор-

мальному взрослому русскому, хотя бы со средним образованием, не знать Плюшкина просто невозможно.

Механизм появления ТР в производимом тексте основан на том, что говорящий или пишущий вспоминает в процессе производства нового текста какую-то ситуацию, выражение из старого текста и в том или ином виде включает ее в новый текст. Это может выглядеть как точная цитата. Так, в репортаже о предстоящем начале ледохода на Москве-реке его автор повторяет выражение: *Лед тронулся, господа присяжные заседатели*, употребленное по другому поводу героем «Двенадцати стульев» И.Ильфа и Е.Петрова, указывая, что слова эти были произнесены неким заезжим коммерсантом «с пафосом, достойным великого комбинатора» (Веч. Москва. 1994. 9 марта), то есть косвенно напоминая источник цитаты. Цитата может быть неточной, нечаянно или умышленно искаженной. Иронически (что передано сниженным глаголом *подается*) говорится о героине очерка: *Подается в деревню, в сельские учительницы — сеять разумное, доброе и так далее...* (Веч. Москва. 1994. 25 февр.). Здесь в сущности две реминисценции — к названию старого (1948 года) кинофильма «Сельская учительница», который время от времени ностальгически повторяется по телевидению, и к строке из Некрасовского стихотворения «Сеятелям». Ирония по отношению к героине очерка подчеркивается также незаконченностью цитаты из Некрасова с включением в поэтический текст делового *и так далее*. Изменения в цитате могут быть как серьезными, так и небольшими. Достаточно оказалось заменить лишь род местоимения в стихе из «Евгения Онегина» — и ТР стала вызывать шутовское отношение: *Ее пример — другим наука* (Неделя. 1994. № 9). Возможен намек на текст через характерную ситуацию, так или иначе запоминающуюся читателям или слушателям текста: *Олень — хорошо, пароход — хорошо, самолет — ай, хорошо* (Комс. правда. 1994. 1-4 апр.); *Свои 30 рублей он [сексот] получил за то, что донес на своего сослуживца, что тот читает «Лолиту»* (Лит. газета. 1994. 6 апр.), общая ситуация — предательство и тридцать денежных единиц как плата за него (ср. в Евангелии: *тридцать серебряников*). В этих случаях источники ТР не указаны; они достаточно известны: хрестоматийные стихотворные строки, популярная песня и Священное писание. Возможно, также введение ТР через собственные имена — имена авторов, персонажей и названия произведений. Именно эти четыре типа использования прецедентных текстов (цитату, название произведения, имя автора или персонажа) называл Ю.Н.Караулов (Караулов, 1987). Подобное имело место в уже приведенных примерах с Плюшкиным и «Лолитой». Можно отметить, что в примере с Плюшкиным соседствует и упоминание фамилии автора: фактически двойная реминисценция. В случае с «Лолитой» — имеется и косвенная реминисценция к имени героини и названию повести Набокова, долгое время у нас запрещенной. Имя персонажа может выступать не обязательно в своей основной форме. В связи с цитатой из «Двенадцати стульев» можно отметить, что герой

этого романа назван не прямым (надо сказать, достаточно известным) антропонимом (*Остан Бендер*), но прозвищем, зафиксированным в виде заголовка пятой главы романа.

Источником ТР является более или менее широкий корпус текстов, состав которого может быть определен как размытое или нечеткое множество. Разумеется, было бы бессмысленным говорить о некоем всеобщем корпусе источников ТР для различных языков. Однако это не исключает наличия некоторых общих ТР в языках, объединенных общими элементами цивилизации. Таковы, вероятно, ТР из Библии. В ассоциативных словарях многих европейских языков (русском, украинском, белорусском, болгарском, польском, литовском, латышском, английском, немецком, французском) можно обнаружить бином *соль — земля*, восходящий к библейскому выражению *соль земли*. Количество подобных библейских ТР можно легко расширить. Общими могут быть для европейской цивилизации и ТР из некоторых известных текстов. Но в целом всё же корпус источников ТР достаточно специфичен для каждого языка. Более того, соответствующий корпус текстов различен в различных сферах носителей языка, он довольно подвижен исторически не только в связи с появлением новых текстов, но и в связи с изменениями культурного уровня носителей языка, сменой господствующих политических взглядов в обществе и т.п. Применительно к русскому языку Ю.Н.Караулов решал вопрос о корпусе источников ТР в рамках своей теории прецедентных текстов (Караулов, 1987). В принципе соображения эти представляются вполне убедительными, но, возможно, не следует ограничивать корпус источников ТР только «прецедентными» текстами из большой литературы. Едва ли должны быть изъяты из числа текстов, на базе которых возникают ТР, другие тексты, в том числе и газетные фельетоны (вспомним хотя бы многолетнее существование не самой удачной ТР из фельетона, кажется, второй половины 50-х годов *плесень* — о молодежи из «хороших семей», представители которой вели себя по тем временам, скажем, недостаточно стандартно), законы, инструкции и просто анкеты. Уместно в этих случаях говорить о различной долговечности ТР, о большей или меньшей роли их в осуществлении креативной функции языка, но снимать их совсем едва ли следует.

Корпус источников ТР довольно велик, хотя разработан он с разной степенью глубины. Так, ряд образов (лиц) и некоторые ситуации дал фольклор: *Илья Муромец*, *Соловей-разбойник*, *Садко*, *Алеша Попович*, *Добрыня Никитич*, *Иван-дурак*, *Василиса Прекрасная*, *Аленушка*, *Кащей Бессмертный*, *Баба Яга*, сидение сиднем тридцать три года, принятие решения у развязки дорог (*направо пойдешь...*), *хитрая лиса*, *голодный волк*, *трусавато-хвастливый заяц* и др.

Вопреки семидесятилетию государственного атеизма Библия продолжает оставаться источником множества ТР. Из Ветхого завета довольно употребителен ряд ТР к определенным ситуациям: семь дней творения, со-

творение Евы, грехопадение Евы и Адама, изгнание из рая, всемирный потоп, Ноев ковчег, в коем *каждой твари по паре*, Вавилонское столпотворение, Иона во чреве китовом и многое др. Колоритные ветхозаветные фигуры пророка Моисея и Давида-песнопевца, царя Соломона и Каина, Руфи и Суламифи, Хама и Змия-соблазнителя живы благодаря своей яркой специфике и производимому ими впечатлению. Особенно много ТР из Нового завета, прежде всего из Евангелия: Благовещение и Рождество Христово, поклонение волхвов, усекновение главы Иоанна Крестителя, притчи о блудном сыне, об умных и глупых девах, об исцелении Лазаря и об изгнании бесов, рассказ о насыщении тысяч немногими хлебами, тайная вечеря, Иудин поцелуй, 30 серебряников, отречение Петра, крестный путь и распятие, воскресение и вознесение Христово. Это далеко не полный перечень тех фрагментов из Священного писания, которые бытуют в повседневном словоупотреблении как ТР. Быть может, стоит отметить, что определенную роль в этом плане сыграли названия произведений изобразительного искусства, которые всё же оставались под своими именами не только на стенах музеев, но подчас и на страницах альбомов и на открытках.

Вошли в корпус источников ТР и некоторые произведения античной мифологии и литературы. Часто вспоминаются подвиги Геракла, миф о Сцилле и Харибде, Прометей, царь Эдип, Парис, троянский конь, Прекрасная Елена, странствия Одиссея и терпеливое ожидание Пенелопы. Встречаются ТР и из произведений древнерусской литературы, в частности, из летописи (призыв прийти княжить и править нами, с грустной констатацией, что *земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет*, актуальным кажется еще и тысячу лет спустя; крещение киевлян в Днепре и т.п.).

Не так уж редки ТР из произведений мировой (так называемой зарубежной) литературы в русскоязычной прессе: *Ваша информация о проигрыше, как сказал бы Марк Твен, слегка преувеличена и преждевременна* (Аргументы и факты. 1993. № 41); *Наш человек в Берлине* (Лит. газета. 1994. 23 марта; парафраза названия романа Грэма Грина). В очерке об академике Н.П. Бехтеревой «Что там в Зазеркалье» (в заголовке — образ Л.Кэрролла): *Есть многое на свете, друг Горацио...* (Моск. новости. 1994. 27 февр. — 6 марта). Стоит отметить популярность некоторых «непрограммных» произведений, таких, как романы А. Дюма: *Его любимым героем был Атос из «Трех мушкетеров»* (В.Гроссман. В Кисловодске). Можно указать и ТР из произведений литературы бывшего Советского Союза — от грузинской песни и до современного автора из Кыргызстана: *Спойте хором песню «Сулико»* (Лит. газета. 1994. 23 марта); *Освобождение от манкуртизма* (там же).

Но, разумеется, наибольшее место в корпусе источников ТР в русской языковой среде занимает русская литература. Прежде всего это так называемая «программная» литература — тексты, изучаемые в школе: Крылов, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Гончаров, Тютчев, Чехов, Маяковский, Горький. Очень популярен в этом плане Пушкин: *Мороз*.

И солнце... (Лит. газета. 1994. 16 марта; заголовок); *Мы уважать себя заставим* (Комс. правда, 1994. 23 марта; заголовок); *Иных уж нет, но «не» есть* (Комс. правда. 1994. 1-4 апр.).

Немало ТР из текстов, которые не изучались в школе. Ср.: *Принц Серебряный* (Веч. Москва. 1994. 15 марта); *Посади свои денежки, умный Буратино!* (Лит. газета. 1994. 16 марта). Пожалуй, на первом месте здесь два романа И.Ильфа и Е.Петрова. Ср., например: *Подайте члену Государственной думы* (Комс. правда. 1994. 8-11 апр.). Но немало ТР и из произведений авторов, наиболее читаемых в данный период (возможно, конечно, не весьма ограниченный во времени), например, из В.Набокова, Ю.Домбровского: *Чувствуешь себя вроде Цинцината из «Приглашения на казнь»* (Лит. газета. 1994. 16 марта); *Факультет нужных вещей* (Лит. газета. 1994. 16 марта; заголовок).

Ряд ТР отражает популярные (в разные годы — разные) песни; источниками многих ТР являются кинофильмы (в том числе их названия, песни из них): *Нас ждет холодное лето 1994* (Комс. правда. 1994. 4-7 апр.); *Ша! Дибров думать будет* (Неделя. 1994. № 15).

Определенную роль в корпусе источников ТР играют различного рода политические тексты (надо заметить, что они обычно не слишком долговечны). Юмор заголовка *«Очередные дачи российской власти»* (Комс. правда. 1993. 25 сент.) очевиден тем, кто проработывал статью Ленина *«Очередные задачи советской власти»*, но отсутствует для более молодых читателей, которые этого не сподобились. ТР *Анпилов еще покажет коммунистам кузькину мать* (Веч. Москва. 1994. 1 марта) ясна тем, кто помнит или знает, как угрожал *кузькиной матерью* капиталистам Хрущев, и вместе с тем знает (хоть приблизительно), кто такой Анпилов; но без этого подтекст заголовка не срабатывает, а тем самым он теряет смысл. ТР политического происхождения требуют при восприятии, пожалуй, более внимательного (хотя и не абсолютно необходимого и уж, конечно, не обязательно точного) прочтения источника. Ср., к примеру: *Конечно, «Кресты» в сравнении с советскими тюрьмами — это еще тюрьма «с человеческим лицом»* (Русская мысль. 1991. 11 окт.).

Особое место среди источников ТР отводится детской литературе. Ведь в детском возрасте и память лучше функционирует, и душа воспринимает непосредственное и глубже. Вероятно, большое количество ТР из школьной «программной» литературы именно с этим и связано. Тогда и читается нередко больше, чем в последующие «зрелые» годы. Очевидно, львиная доля общего фонда ТР формируется в детском, подростковом и юношеском возрасте. И многое из этой доли употребляется в повседневной живой речи, в письмах, да и в других самых разнообразных видах текстов. Зазеркалье, Атос, Красная Шапочка, стойкий оловянный солдатик, Винни-Пух — все эти сказочные персонажи являются примерами элементов интер-

национального фонда ТР, *вышедших из детства* (да простится мне эта невольная ТР).

Разумеется, нельзя четко ограничить корпус источников ТР. «То, что читали (видели, слышали) все (или по крайней мере — многие)» — вероятно, не очень четкое, но, может быть, вполне реальное определение такого корпуса. Само понятие ТР не может быть жестким. Нередко соотнесение с источником реминисценции сомнительно не только для адресата, но и для адресанта, иногда такого соотнесения просто не возникает, а следовательно, как бы и нет ТР (хотя есть устойчивый штамп, источник которого не воспринимается его пользователем). Впрочем, язык — вообще не жесткая логическая машина, а устройство, потому и способное к передаче нюансов мыслей и чувств, что это устройство постоянно находится в динамике, постоянно подстраивается к нуждам общения, постоянно изменяется, не имея чрезмерно жестких правил. А ТР как раз и служат постоянному обновлению, расширению, обогащению коммуникативных возможностей языка как устройства для производства и восприятия текстов.

Четкого и тем более единого внешнего оформления ТР не имеют, хотя и получают иногда определенную интонационную характеристику, передающую чужую речь или намек на чуждость некоторого фрагмента текста. В письменной речи собственные имена автора или персонажа выделяются, так же как все собственные имена, а цитаты иногда даются в кавычках, выделяются теми или иными шрифтовыми подчеркиваниями (курсив, разрядка, жирный шрифт и под.), но часто остаются без всякого выделения, что затрудняет восприятие соответствующих фрагментов как ТР, но тем самым косвенно подчеркивает ценность правильного восприятия ТР как ТР. Рассматривая различного типа примеры ТР и их использование, приходится прийти к заключению, что специальной формой в языке ТР не располагают. Впрочем, наличие и единство специальной формы у фразеологизмов также сомнительно.

ТР — на грани индивидуального и социального в системе языка и его использовании. Значительная часть ТР в реальных текстах представляет собой индивидуальные проявления памяти говорящего и слушающего (искушенной части слушающих). Для возникновения и функционирования ТР важно, как уже отмечено, чтобы ТР не ограничивались памятью адресанта, желательно, чтобы они вызывали соответствующий отклик у адресата. Определенная часть ТР объединяет широкий круг общающихся, иногда практически всех носителей социолекта или всех носителей данного языка. ТР могут возникать произвольно и относиться к частым, постоянным коннотациям некоторых слов и выражений.

В функциональном плане ТР используются прежде всего для осуществления нескольких задач. Часто ТР служат наиболее четкой, соответствующей замыслу передаче некоторого фрагмента сообщения с опорой на предшествующий словесный опыт. Так, использование штампов, стандарт-

ных формулировок в официальных, деловых и полуделовых сообщениях избавляет адресанта от необходимости заново придумывать уже найденные словесные формулы. Иногда подобного рода опора на прецедентный текст выполняет также определенную эстетическую подзадачу, обращая внимание адресата на уже имеющийся образ или на уже имеющуюся, с точки зрения адресанта, хорошо подходящую характеристику.

Временами появление ТР в тексте связано с желанием адресанта использовать некий уже имеющийся образ в новом, не претендующем на оригинальную образность (например, газетном) сообщении, оживляя тем самым текст. Вероятно, с таким эстетическим функциональным использованием ТР связано довольно частое применение ТР в публицистике, например, в заголовках некоторых изданий.

ТР может быть использована как ссылка на авторитет, как своего рода подтверждение (если не доказательство) правильности высказываемой мысли, как указание на ее источник. Очень часты такого рода ТР в деловых, в частности, в научных текстах, но встречаются и в публицистике, а также других жанрах.

Специфический, в сильной мере индивидуализированный характер ТР обуславливает различные коннотации (возвышенную, повседневно-обыденную, ироническую) в зависимости от смысла всего высказывания, отражающие отношение адресанта (и всего кортежа общения) к содержанию мысли, к автору источника ТР, к обстоятельствам воспроизведения и т.д.

ТР в языке — это скорее не строгие единицы, как слова, морфемы, предложения, фразеологизмы, а такие элементы, которые относятся, быть может, больше к психологическим феноменам памяти, чем собственно языка как системы, но поскольку эта память — о словесных явлениях, то она примыкает к языковому устройству и ТР могут рассматриваться как часть языка.

Раздел 5.2. Эпистемический статус авторского текста

Политические тексты отличаются постоянным смешением эпистемических характеристик: авторы незаметно для себя (а чаще незаметно для адресата) мнение выдают за знание, соответствующую оценку объективируют и отождествляют с устоявшейся в обществе системой ценностей, играют категориями «я» и «мы». В связи с этим представляется актуальным и перспективным изучение эпистемического статуса текстов, исследование внутренней «механики» расширения или сужения их семантического и оценочного поля.

В качестве эмпирического материала для лингвистического анализа мы взяли книгу Г.А. Зюганова «Россия – Родина моя. Идеология государственного патриотизма». Этот выбор не случаен. Зюганов входит в полити-

ческую элиту современной России. Это лидер народно-патриотических сил, ядром которых является Коммунистическая партия Российской Федерации. На последних президентских выборах за него было отдано около 30 миллионов голосов. Государственную и общественную деятельность Зюганов сочетает с интенсивной научной работой.

На первый взгляд, тексты Зюганова производят впечатление корректности и ответственности. Для книги (она явно тяготеет к научному дискурсу, о чем свидетельствует четкая структура, экспликация методологии анализа, терминология) характерен спокойный, уравновешенный тон. В дискурсе довольно редки яркие эмоциональные всплески с использованием экспрессивных номинаций типа: *Из-под сбившейся демократической маски блеснул волчий оскал циничной беспощадной диктатуры (Зюганов, 1996, 90)*. Суждения, мнения и оценки автора, как правило, хорошо обоснованы и взвешены. Дискурс отличается почти безукоризненной эпистемической корректностью по отношению к суждениям о будущем; подавляющее большинство прогнозов сопровождается соответствующими модальными операторами: ... *наиболее вероятным представляется проявление межцивилизационного соперничества в давно известных, «опробованных» формах (121)*; *В принципе, логично предположить, что дальнейшая эволюция российского коммунистического движения будет происходить в сторону формирования широкого народно-патриотического фронта ... (234)*; *В результате такого развития событий можно рассчитывать, что в обозримой политической перспективе здоровым силам удастся переломить негативные тенденции развития ... (239)* и т.п. В то же время эпистемический почерк автора обнаруживает и некоторые весьма любопытные особенности.

5.2.1. Генерализация субъекта сознания

Проблема субъекта дискурса достаточно сложна. С одной стороны, это авторский текст, в котором эксплицитно представлен говорящий – «я», выступающий в роли субъекта пропозициональных установок, причем в подавляющем большинстве случаев это пропозициональные установки мнения, вводящие неverifiedируемые пропозиции: *я думаю, считаю, полагаю, (глубоко) убежден, мне представляется* (встречается также *мы считаем*, употребленное как формула «авторской скромности»). Лишь однажды в тексте использован (и, по-видимому, вполне уместно) эксплицитный модус знания: *Я знаю, у меня на родине – на Орловщине писатели имеют официальную поддержку, знаю, что местные власти помогают творческим организациям в Волгограде, Оренбурге, но в целом положение мастеров искусства – плачевное (205)*. Вообще в употреблении эксплицитных ментальных модусов с субъектом «я» дискурс демонстрирует безусловную эпистемическую корректность.

Но, кроме «я», в роли субъекта определенных ментальных состояний в дискурсе выступают и различные «мы». Адекватное определение семантики слова «мы» в политическом дискурсе имеет большое значение, так как использование этого местоимения является важным средством формирования и дискурсивной реализации оппозиции «свое/чужое».

У Зюганова «мы» употребляется в трех основных значениях. Во-первых, «мы₁», в состав которого включаются соратники и единомышленники «я» (иначе говоря, «свои»): *И хотя наши противники еще сохраняют свою мощь, мы знаем, что надо делать, и убеждены: конечная победа будет за нами!* (27). Появление этого «мы» в дискурсе совершенно закономерно, так как его автор является лидером партии и политического блока, что, естественно, лишает его возможности высказываться в серьезной политической книге только от своего личного имени. Во-вторых, «мы₂», объем которого может быть определен так: «я»+«свои»+«не-чужие» (сочувствующие или нейтральные) или, иначе говоря, все россияне, за исключением «чужих» (если воспользоваться номинациями из анализируемого дискурса, к «чужим» здесь относятся «псевдодемократы», «лжепатриоты», «демократура», всяческие «элиты», «власть имущие», «нынешние хозяева России» и т.п.), ср.: *Ответив на эти вопросы, мы сумеем уяснить многое из того, что столь усердно прячут от нас нынешние хозяева России за дымовой завесой телевизионного вранья и квазинаучной «придворной» политологии...* (224). И, наконец, «мы₃» отличается самым широким объемом, вбирая в свой состав всех россиян, в том числе и политических оппонентов и их сторонников: «мы₃» = «я»+«свои»+«не-чужие»+«чужие»: *Вот почему всем нам – патриотам и демократам, монархистам и националистам, независимо от политической «правизны» или «левизны», необходимо постоянно осмысливать результаты российской драмы в ее органической связи с мировыми событиями последних лет и делать для себя серьезные, принципиальные и реальные выводы* (64).

Подобная многослойность семантики данного местоимения при его употреблении без контекстуальной поддержки создает определенные проблемы при идентификации субъекта сознания: то, что знают/думают/считают/полагают «мы₁», может превращаться в то, что (вроде бы) знают/думают/считают/полагают «мы₂», ср.: *Мы теперь слишком хорошо знаем, сколь тяжким может быть иго бездуховной государственности, какую страшную нравственную цену приходится платить за утерю идеалов, способных придать нашему соборному, национальному общественному бытию священный, вечный и непреходящий смысл...* (148). Возникает вопрос: кто является в данном случае субъектом ментального состояния знания – «мы₁», «мы₂» или «мы₃»? По-видимому, говорящий имеет в виду вторую интерпретацию, хотя в таком случае использование модуса знания несколько авторитарно. Возможно, единомышленники автора книги

(«мы₁») действительно это з н а ю т (т.е. находятся в состоянии субъективного знания, единственно возможного в отношении оценочного суждения), но можно предположить, что не все «мы₂» и тем более «мы₃» согласились бы с высказанным м н е н и е м и особенно его представлением как з н а н и я .

Аналогичное (на наш взгляд, неоправданное) расширение субъекта сознания наблюдается и при использовании в роли субъекта пропозиции установки определительного местоимения *все*, ср.: *Иллюзии рассеялись, и всем стало совершенно ясно, что у нас есть только один реальный рычаг – государство (361); Все уже привыкли к тому, что к словам властей предержащих нельзя относиться серьезно, нельзя верить их обещаниям, рассчитывать на их гарантии (368); Уже всем очевидно, что демократия подменена войной законов, суверенитетов и полномочий, разгулом страстей толпы и развалом государства (183)*. Возможно, что многим и стало ясно; вероятно, что многие действительно *привыкли*; может быть, многим и очевидно, но утверждение о том, что эти процессы произошли в сознании у в с е х, вряд ли можно рассматривать как проявление эпистемической корректности говорящего.

Более осторожный вариант генерализации субъекта сознания – использование именных групп со значением неопределенного количества типа: *Сегодня для многих россиян – и их число возрастает – очевидно, что продолжение начатого курса – потеря драгоценного исторического времени, возможность утраты суверенитета, духовного и культурного богатства, разграбление национальных святынь (7)*; ср. также: *... сегодня можно с уверенностью сказать, что количество людей, сознающих действительный характер нынешней власти, понимающих, в какой тяжелейшей ситуации оказалась сегодня Россия, что спасти ее может только процесс объединения всех здоровых сил на базе наших многовековых национально-государственных, духовных, нравственно-религиозных ценностей, стало значительно больше (92)*; *... слово «коммунист» сегодня превращается для решающей части населения в синоним понятия «борец за справедливость и национальное, народное достоинство» (23)*.

Так или иначе, нельзя не отметить такую особенность эпистемического почерка субъекта данного дискурса, как склонность к некоторому превышению «законных» эпистемических полномочий, проявляющемуся в сдвиге от *мы₁* (*думаем, считаем, знаем*) к *мы₂/мы₃* (*все думают, считают, знают*).

5.2.2. Повышение эпистемического статуса

Для анализируемого дискурса весьма характерно помещение суждений неверифицируемого характера в фактивную модальную рамку (т.е. введение их модусами, содержащими фактивные предикаты *знать, помнить, очевидно,*

известно, неудивительно и под.), результатом чего является смещение субъективного мнения в сторону объективного знания.

Одной из особенностей фактивных высказываний является то, что соответствие пропозиции действительности относится в них к презумпции, иначе говоря, истинность пропозиции даже не утверждается (не входит в ассерцию), а как бы сама собой разумеется: презумпция фактивности, а следовательно, истинности уже заключена в фактивных предикатах, вводящих соответствующую пропозицию (Шатуновский, 1995, 158-165). Таким образом, достаточно ввести высказываемое мнение при помощи модуса типа *известно/ очевидно/ ясно/ нельзя не видеть/ понятно/ необходимо ясно понимать/ нельзя забывать, что...*, как эпистемический статус соответствующей пропозиции поднимается в ранге до знания, истинность которого является презумптивной. При этом контекстная импликация «говорящий считает, полагает, думает, что *p*», порождаемая высказыванием неverified пропозиции, подавляется, а суждение заметно выигрывает в убедительности и основательности.

Например, употребление высказывания *чеченская трагедия была спровоцирована столичными политиками, которые пришли к власти благодаря «параду суверенитетов»* без какого-либо модуса имело бы контекстную импликацию «говорящий считает, что...» (и, соответственно, его содержание могло бы стать предметом обсуждения и дискуссии). Но в анализируемом дискурсе высказывание вводится при помощи фактивного модуса, ср.: *Не следует забывать, что чеченская трагедия была спровоцирована столичными политиками, которые ... (286)*, что автоматически придает введенной пропозиции статус презумптивно истинной. Или: *Сегодня важно уяснить: не регионы «бегут» из единого государственного поля России, но их силком «гонит» оттуда центр ... (223); ... мы просто не имеем права забывать, что наша военная мощь, обеспечивающая должное уважение и внимание партнера, будет в данном случае весьма конструктивным фактором таких двусторонних отношений (264); Неудивительно, что в такой атмосфере личные и клановые интересы (новой российской «демократуры». – Е.Т.) получают весомое преимущество перед общенациональными нуждами (317-318); Нельзя не заметить, что постигшая страну национально-государственная катастрофа прямо совпадает хронологически и логически с усилением «элитарности» во всех сферах общества (329) и т.п.*

Кроме подобного использования фактивных предикатов пропозициональных установок, для дискурса Г.А. Зюганова характерна и непосредственная апелляция к таким понятиям, как факт, реальность, объективность; ср.: *Она (предлагаемая модель российского развития. – Е.Т.) констатирует тот очевидный, на наш взгляд, факт, что утрата национальной и государственной самобытности обречет страну на утерю суверенитета ... (232); Нравится это кому-то или нет, но такова реальность (283);*

Факт остается фактом. Вся наша смутная эпоха может быть названа эпохой «великого предательства элит», когда страной управляют мнотрудники, ворье и пьяницы, когда стреляются академики (ЗЗ0), хотя не вполне понятно, как очевидно оценочные суждения (Наша эпоха может быть названа эпохой «великого предательства элит» или Страной управляет ворье) могут считаться описывающими факты.

Любопытно также явление, которое может быть квалифицировано как дискурсивное повышение истинностного ранга пропозиции. Речь идет о перемещении той или иной пропозиции по шкале истинности по мере линейного развертывания дискурса. Это наблюдалось, например, в открытом письме А.Н.Яковлеву, написанном Г.А.Зюгановым в 1991 году после того, как в журнале «Штерн» было опубликовано интервью с А.Н.Яковлевым (это письмо включено автором в книгу; с.181-197): *У нас разное представление о происходящем. Если Вы по-прежнему повторяете: все хорошо, перестройка идет в нужном направлении, это приносит удовлетворение и счастье, то я оцениваю ситуацию совсем иначе. Мне кажется, наш государственный корабль без руля и ветрил болтается в бушующем политическом море и вот-вот налетит на рифы. <...> В стране раздор, развал, распад, разложение. <...> Уже всем очевидно, что демократия подменена войной законов, суверенитетов и полномочий, разгулом страстей толпы и развалом государства (182-183).* Высказывание трех близких по содержанию пропозиций (с общими смыслами «в стране нет порядка», «все разваливается») – назовем их $p1$, $p2$ и $p3$ соответственно – оформляется говорящим с постепенным повышением их эпистемического ранга; ср.: *Мне кажется, $p1$ – $p2$ – уже всем очевидно, что $p3$.* Постепенное продвижение высказываемого мнения по шкале истинности – от высказывания мнения с использованием квазиассертива, подчеркивающего некатегоричность оценки ($p1$), к «безмодусному» высказыванию мнения, достаточно категоричному, но не превышающему эпистемических полномочий говорящего ($p2$), а от него к категоричной констатации, довольно авторитарно представляющей взгляды говорящего как знание *всех* ($p3$), — демонстрирует выразительный и весьма показательный дискурсивный сдвиг.

При анализе всех приведенных выше случаев речь не идет о том, что неистинная пропозиция выдается субъектом дискурса за истинную. Дело в другом: пропозиция, истинная в некотором пространстве мнений, убеждений, верований, представлена как описывающая реальное положение дел в действительности; иначе говоря, речь идет не о лжи или неискренности говорящего, а об эпистемической авторитарности, проявляющейся в «незаконном» повышении истинностного ранга высказываемых пропозиций.

Еще одна характерная особенность эпистемического почерка субъекта рассматриваемого дискурса, также связанная с некоторым (хотя и не столь выраженным, как в предыдущих случаях) повышением высказываемых пропозиций в истинностном ранге, — представление

определенных соображений как сформировавшихся спонтанно, естественно, неконтролируемым образом, без участия воли субъекта сознания: *Невозможно отделаться от впечатления, что телевидение упорно преследует некую сверхзадачу, далеко выходящую за рамки текущих политических интересов и текущей политической борьбы (197); Создается впечатление, что нынешний курс западных держав направлен на то ... (255); Складывается впечатление, что они [правительственные круги] просто не знают, что же следует предпринять, чтобы как-то овладеть ситуацией ... (259); Невольно приходит в голову, что многие нынешние «властители дум» представляют себе Россию в виде такой Медузы Горгоны, один лишь взгляд которой смертелен для их тонкой организации (277); Читая статьи «элитологов», часто ловишь себя на мысли, что Россия в их понимании – всего лишь поле боя соперничающих кланов ... (313); Трудно отделаться от впечатления, что для них (представителей «элиты». – Е.Т.) характерна скудость интересов, эгоистическое пренебрежение ко всему, что выходит за рамки их понимания (314).*

В подобных случаях подчеркивается то обстоятельство, что определенные умозаключения возникают у субъекта сами по себе, независимо от интенций рациональной стороны его сознания. Они приходят как бы извне, игнорируя волю субъекта, который, может быть, и хотел бы отделаться от навязчивых «ментальных объектов», но не может этого сделать, настолько естественно и даже неизбежно появление именно этих мыслей и впечатлений при наблюдении определенных фактов. Аналогичная ментальная ситуация моделируется и тогда, когда специально подчеркивается отсутствие альтернативы или вынужденность (в силу очевидности) выбора той или иной точки зрения, мнения, вывода: *Остается одно ... (55); Напрашивается важнейший вывод ... (243); Отсюда закономерно и неизбежно следует единственный выбор ... (248)* и под.

Это элиминирование волевого акта из ситуации формирования мнения (о роли волевого аспекта см.: *Новый объяснительный словарь*, 424-425), очевидность и естественность единственно возможной интерпретации, избавляющие субъекта от необходимости взвешивать различные возможности, как представляется, заметно повышает мнение в эпистемическом ранге (если двух мнений быть естественным образом не может, оставшееся единственное весьма весомо).

5.2.3. «Я» и «Другой»

В политическом дискурсе возможно (или даже обязательно) моделирование неких базовых, основных ментальных состояний, субъектами которых являются как *Я* (в данном дискурсе главным образом «мы₁»), так и *Другой*, причем в категории *Другого*, как правило, различаются «свой» *Другой* (т.е. адресат; в данном дискурсе это в первую очередь «мы₂») и «чужой» *Другой* (т.е. политический противник, оппонент). Рассмотрим,

каким образом представлены в анализируемом дискурсе базовые ментальные состояния названных «действующих лиц».

В первую очередь в этом плане интересны взаимоотношения говорящего и адресата. Как показала М.Я.Гловинская, существуют три основных типа речевых актов (РА) со значением ментального воздействия: 1) РА, ставящие целью возникновение у адресата понимания; 2) РА, ставящие целью возникновение у адресата знания; 3) РА, ставящие целью возникновение у адресата мнения (Гловинская, 1993, 82). В рассматриваемом дискурсе очевидно преобладает ментальное воздействие первого типа. Самые частотные и типичные пропозициональные установки дискурса, а именно: *нужно понять, надо (необходимо) ясно понимать, попытаемся понять, нам прежде всего надо разобраться, мы должны ясно осознать, надо осознать, сегодня важно уяснить* и т.п. – предполагают следующую ситуацию взаимоотношений говорящего и адресата: говорящий, который понимает нечто, объясняет (помогает понять, осознать, уяснить) это адресату, который этого пока не понимает:

- 1) адресат не понимает *p*;
- 2) говорящий считает, что понимает *p*;
- 3) говорящий говорит адресату о *p* то, что может сделать *p* понятным для адресата;
- 4) говорящий говорит это, потому что хочет, чтобы адресат понимал *p* (Гловинская, 1993, 83).

В точном соответствии с приведенной структурой в книге Зюганова выстраиваются целые фрагменты, даже главы. Типичная последовательность изложения здесь такова: 1) предложение задуматься над рядом вопросов; 2) формулировка вопросов; 3) утверждение, что ответы на вопросы, которые готов дать автор, внесут необходимую ясность, обеспечат для адресата искомое пояснение. Возьмем, например, следующий фрагмент: *Стоит задуматься: а в самом деле, почему кто-то так панически боится нашего единства, добровольного воссоздания обновленного союзного государства? Чем так ненавистна традиционная форма державного устройства страны? Каково духовное, политическое, экономическое, национальное содержание самого этого понятия? Ответив на эти вопросы, мы сумеем уяснить многое из того, что столь усердно прячут от нас нынешние хозяева России за дымовой завесой телевизионного вранья и квазинаучной «придворной» политологии <...> (224).* В этой постоянно воспроизводимой дискурсом эпистемической ситуации важно как ментальное состояние говорящего (состояние п о н и м а н и я), так и ментальное состояние адресата (состояние н е п о н и м а н и я), которое говорящий помогает ему преодолеть. Существенно также, что это делается говорящим как бы в интересах адресата. Последнее особенно подчеркивается специфическим употреблением местоимения *мы* (*н а м надо понять, м ы должны уяснить*), которое здесь не равно ни «мы₁», ни

«мы₂», а используется скорее в прагматических кооперативных целях, – это псевдоинклюзивные употребления, которые являются знаком «приобщения слушающего к личной сфере говорящего» (Апресян, 1995, 646).

Эти состояния моделируются дискурсом не только при помощи вышеприведенных конструкций, но и другими средствами. Так, непонимание как ментальное состояние «своего» *Другого* представлено в дискурсе при помощи прямых констатаций: *одни из сбитых с толку избирателей склонялись к мнению (13); на глазах оторопевших от случившегося за последние 10-15 лет моих соотечественников (28); миллионы людей откровенно растерялись (29); Зашаталась не просто устоявшиеся основы бытия и миропонимания (29)*. Любопытно, что если в вышеприведенных примерах непонимание, растерянность, сбитость с толку объясняется внешними причинами, то в следующем высказывании виновниками своей эпистемической беспомощности являются сами массы: *Неумение, а нередко и нежелание масс мыслить, руководствоваться логикой, а не эмоциями, реальным историческим и современным опытом, а не фантазиями, видеть конкретную перспективу ... (44)*. В такой ситуации кажется совершенно естественным, что автор дискурса видит свою задачу в том, чтобы помочь адресату понять, уяснить, осознать истинное положение вещей. Это тем более уместно, что его собственное ментальное состояние, как было показано выше, представлено в дискурсе как состояние понимания и, добавим, знания. Последние два понятия не нуждаются здесь в строгой дифференциации; достаточно отметить, что понимание, в сущности, представляет собой усложненное и обогащенное знание: «В основе понимания лежит знание или представление, содержанием которых являются достаточно сложные факты или ситуации» (Апресян, 1995, 414).

Характерно, что субъект дискурса зачастую предстает в качестве носителя не просто знания о реальности, а знания о «подлинной» реальности. Противопоставление «видимости», «кажущейся реальности» реальности «подлинной», как один из весьма любопытных приемов «языковой демагогии» (в том числе и в политическом дискурсе), уже становилось в лингвистической литературе предметом специального анализа (см., например: Булыгина, Шмелев, 1997).

Такое противопоставление может осуществляться при помощи специальных эксплицитных средств (в частности, выражений *в действительности* и *на самом деле* и некоторых других) или скрытым образом. В любом случае «говорящий в неявном виде присваивает себе право судить о том, какова эта подлинная реальность» (Апресян, 1995, 467-468). Вот что говорится о деятельности Международного валютного фонда: *«Эта организация никогда не занималась и не занимается созданием в подопечных странах эффективной рыночной экономики западного образца. Ее п о д л и н н а я цель совершенно иная – сформировать тип такой экономики, которая не сможет существовать, не залезая в огромные*

внешние долги, но в то же время способна расплачиваться по процентам (103); *Н а с а м о м д е л е* это означает, что мировая закулиса приступила к решительным действиям по формированию жестокой, централизованной системы принудительного управления развитием человеческой цивилизации (246); при всей *п о к а з н о й* «крутизне» Ельцин прекрасно понимает реальную степень своей зависимости от них («бояр») (301); Вспомним, что так называемым «международным санкциям», а *н а д е л е* – агрессии США против Ирака и Сербии предшествовала тотальная обработка мирового общественного мнения средствами массовой информации... (200-201) (разрядка наша. – Е.Т.). При таком способе выражения не только создается ситуация «эпистемического двоемирия» (мира подлинного знания и мира мнимого знания, причем носителем подлинного знания является говорящий), но и значительно возрастает убедительная сила дискурса, ибо возможность возражения со стороны оппонента практически блокируется: «Говорящий становится неуязвимым, а любой возможный контраргумент – заранее опровергнутым» (Булыгина, Шмелев, 1997, 470). Действительно, что можно возразить, если кто-либо утверждает, что, говоря «а», вы *н а с а м о м д е л е* имели в виду «б»: *Вы ... возразите: ... имелось в виду совсем другое. Неправда! Именно это и имелось в виду* (189).

Любопытно, что даже собственные ошибки и просчеты автора и его единомышленников («мы₁») не связываются с незнанием или непониманием ими каких-либо обстоятельств. Весьма характерен в этом смысле анализ уроков прошедших президентских выборов: *Мы ... мало использовали знание слабых мест оппонента. Недостаточно умело обыгрывали в пропагандистской кампании компрометирующие его факты. <...> Мы также не учли. <...> Не удалось найти «противоядия» против такого явления, как эффект Лебеда». Отмалчивание шло нам во вред. Лобовая же атака не помогла ...* (12-13). Картина представлена таким образом, что «мы» *з н а л и* слабые места противника, *з н а л и* компрометирующие его факты, *п о н и м а л и*, какую опасность представляет А.Лебедь, но просто допустили тактические просчеты – не использовали, не обыграли, не учли, не нашли «противоядия».

В процессе дискурсии моделируется ментальное состояние не только адресанта и адресата («своего» *Другого*), но и политического оппонента («чужого» *Другого*). Здесь субъект анализируемого дискурса предпочитает два возможных варианта:

■ Оппонент не в состоянии разобраться в ситуации: *Горбачевское реформаторство изначально было обречено на пустозвонство, потому что «конструкторы» перестройки объявили ее вторым пришествием Октября, совершенно не разобравшись в том, что не только для Октября, но и для куда меньшей встряски в советском обществе не было реальных условий и что еще существеннее – желания подавляющего большинства*

населения пойти на такие перемены (54). Не осознали в полной мере чего-либо: До конца оказалась неосознанной и заинтересованность внешних сил в том, чтобы события в нашей стране развивались так, а не каким-либо иным образом (72); неверно интерпретировали собственные действия: ... исполнительная власть, полагая, что она выражает волю народа, фактически навязывала ему свои собственные решения (292). В подобных случаях ментальное состояние оппонентов представлено как искреннее незнание/непонимание, а их действия – как результат добросовестного заблуждения.

Гораздо более широко в дискурсе представлен второй вариант.

■ Оппонент, прекрасно зная и понимая, каково реальное положение вещей, совершает (в корыстных целях) недопустимые действия: *Да и чего другого, собственно говоря, можно ждать от политиканов-перевертышей, пошедших на беловежский сговор и расстрел высшего государственного органа ради своих безмерно властолюбивых амбиций, заведомо зная, какую горькую цену придется платить за это всем народам огромной страны (215-216), а также сознательно утаивает истину или искажает ее, намеренно вводя народ в заблуждение: Немалая часть политической элиты, особенно стоящей у власти, не заинтересована в объективности. Отсюда – приемы умолчания, сокрытия, а то и фальсификации фактов и документов (30); Приведенные выше результаты (деятельности МВФ) тщательно скрываются от широкой общественности. Говорят, что иного пути, кроме продиктованного России западными доброхотами, якобы «не дано». Это – ложь (104-105); ... люди, присвоившие себе в последние годы звание «демократы», делают все, чтобы не допустить народ к реальному влиянию на события, обманывая его подтасовками на выборах, дурача «средствами массовой дезинформации», запугивая угрозой гражданской войны и «реставрации тоталитаризма» (339); Гражданам «забили» головы, что они спасутся, если приватизируют все возможное и станут собственниками. Послушались и стали собственниками собственной безработицы и беспомощности (392).*

Два отмеченных варианта могут сочетаться друг с другом: с одной стороны, противник сам не понимает, что говорит и делает, а с другой, прекрасно понимает, что происходит на самом деле, но лжет или совершает несправедливые действия. Именно такой комплекс характеризует, по мнению автора, политический облик А.Н.Яковлева: *Не знаю, способны ли Вы самокритично оценивать свои деяния и их результаты. Думается, нет. <...> Даже на последнем партийном съезде, когда предстояло отчитаться каждому члену Политбюро, Вы возмущались, делая вид, что не понимаете, чего от Вас требуют.<...> Прекрасно понимая, что в конечном счете за весь хаос придется кому-то нести персональную ответственность, Вы пытаетесь отвести от себя стрелы народного гнева и без смущения указываете то в одну сторону, то в другую (186-187).*

Таким образом, представление ментальных состояний субъекта дискурса и *Другого* может быть обобщено следующим образом:

«мы₁» – понимает, знает «подлинное» положение вещей и объясняет «своему» *Другому*;

«свой» *Другой* – не понимает, но является адресатом объяснения и в силу этого находится на пути к пониманию;

«чужой» *Другой* – не понимает или понимает, но лжет и действует так, как будто не понимает.

Разумеется, приведенные здесь наблюдения не претендуют на полноту анализа эпистемического почерка субъекта рассматриваемого дискурса, тем не менее представляется, что предложенный ракурс анализа может оказаться интерпретативным при характеристике той или иной языковой личности.

Раздел 5.3. Дискурс политика

Понятие «дискурс» вошло в лингвистику, когда внимание исследователей привлек такой источник плана содержания, как социальный контекст. Но оказалось, что не сам текст, а именно контекст стал основной единицей дискурс-анализа. Это означало, по сути, выход за пределы собственно лингвистических исследований. По всей вероятности, возвращению в лингвистическую парадигму будет способствовать термин «социальная репрезентация», ибо, если текст репрезентирует «социальную реальность», значит, она не контекстуальна, а «контентуальна».

Возникает вопрос: как репрезентирует себя субъектная ситуация общения в тексте, иначе говоря, что понимать под социальной или «интерсубъектной» репрезентацией? (Мы употребляем термин «интерсубъектная», а не «интерсубъективная» с тем, чтобы расширить «прочтение» данного понятия, сместить акцент с субъективной характеристики этого содержания на объективную). В настоящее время нередко имеет место односторонний взгляд на данное понятие. Интересы современных исследователей в подавляющем большинстве работ все так же ограничены предметно-деятельностным содержательным полем, то есть объектом их внимания становится, главным образом, специфика отражения в тексте субъект-предметных, а не субъект-субъектных отношений. Хотя интерсубъективность и рассматривается как «продукт, получаемый в результате переговоров и заключения контрактов», но акцент делается не на рождении новых, а на устранении ложных и поиске истинных (часто абсолютно истинных, внесубъектных) смыслов.

Так, рассуждения могут строиться по следующему сценарию: 1) каждый из общающихся в любом случае имеет свое собственное видение реальности (свое прочтение «само собою разумеющегося» референтного содержания); 2) в процессе декодирования естественным является факт

существования у текста не одной, а целого набора пресуппозиций, которые нередко находятся «в конфликтных отношениях»; 3) следовательно, вопрос понимания переходит в область поиска не просто ложных, а «множественно ложных величин» и, соответственно, в целях устранения недоразумений надо «устранять конфликтующие пресуппозиции» (Ragnar Rommetveit). В каком-то смысле здесь мы наблюдаем возврат к тому, что делали «общие семантики», с той только разницей, что они требовали устранить всю лексику, которая не имеет эмпирически выверенных референтов; в любом случае речь идет о необходимости удержать прагматическое содержание (понимаемое как социальная репрезентация, усеченная субъектно-предметным характером отношений) в подчиненном положении плану содержания текста в целом, чтобы оно не стало «хвостом, который вертит собакой».

Мы полагаем, что понятие социальной репрезентации в тексте может и должно быть расширено до включения в план содержания текста также отражения субъект-субъектных отношений (в той мере, в какой они получают знаковое воплощение). В рамках каузально-генетической исследовательской программы данный аспект содержания получил название *кортежной и знаково-кортежной информации*.

Кортеж – это группа коммуникантов в их взаимодействии (независимо от того, идет ли речь о письменной или устной форме общения). Он всегда представляет собой некую целостность, которая может быть разрушена с включением в процесс коммуникации другого лица или лиц. *Кортеж получает свое выражение в стиле общения*, который принят и воспроизводится субъектами коммуникации (индивидуальное, личностно обусловленное содержание языкового знака, ориентированное на субъектную ситуацию общения).

Знаковый кортеж (кортежная номинация; знак, который репрезентирует кортеж) – типовое отражение субъектов взаимодействия, зафиксированное структурно (в грамматике текста) и системно (в его жанровом решении). Знаковый кортеж – это исторически сложившийся и социально значимый тип общения (о разграничении кортежа и знакового кортежа как источнике динамического развития плана содержания текста см. в 1.3).

Можно говорить об актуальном (реальном) и потенциальном кортеже общения (когда определенные субъекты, благодаря каким-то своим характеристикам, могут стать членами общения и кортежное содержание при этом не изменится), о степени их открытости (наличие минимально необходимого для включения в общение) и закрытости (эксклюзивность кортежей), а также о том, что делает его таковым (Богушевич, Ухванова, 1992).

Знаково-кортежное содержание может включать не только ролевые, статусные, возрастные, национальные, гендерные, профессиональные маркеры, но и идеологические, такие, как консервативная, либеральная, популистская или какая-либо иная направленность дискурса.

Дальнейшему развитию металингвистического понятия «кортеж» способствует появление относительно недавно (конец 80-х) очень близкого по значению термина «дискурсная общность» (можно даже сказать, что это его синоним, но лишь в том случае, когда речь идет о самой *реалии*, которая уже затем получает отражение в плане содержания). Термин «дискурсная общность» появился как антоним «речевой общности». В отличие от последней, на формирование дискурсной общности, как правило, не влияют речевые нормы, место проживания, даже страна или язык (общение по Интернету). Те, кто входит в такие группы, могут даже не общаться, а лишь осознавать возможность общения. Их объединяют общие цели, принадлежность к определенным социальным и политическим структурам, наконец, единая жанровая палитра, особая, только им понятная лексика. Это, как правило, относительно закрытые общности: мало одного желания стать членом дискурсной группы, и практически никто не становится ее реальным членом без предварительного «ученичества» (Swales, 1990, 24-27).

Появление понятия «дискурсная общность» в англоязычной лингвистике имеет непосредственное отношение к повороту дискуссии о том, **что** является собой план содержания дискурса, на то, **где** следует его искать. Понятно, что перенос акцента с текста на аудиторию и потребовал спецификации самого понятия «аудитория», выявления единицы такого анализа – «дискурсной группы».

Изучение дискурсных групп становится отдельным предметом исследования в ряде дисциплин: психологии межличностного общения, теории коммуникации, социологии средств массовой информации. Однако надо все же отметить, что такие исследования чаще всего изучают не сам текст, а реакцию на него аудитории (а именно, уже новые тексты), то есть как бы отрывают адресанта от адресата, а значит, не имеют уже отношения к такому понятию, как «кортеж» и «кортежное содержание текста».

Для нас основной единицей анализа остается сам текст и то, как представлены в нем коммуниканты: кто они, какие их ценности актуализирует текст.

Таким образом, гораздо ближе к нашей исследовательской парадигме оказался иной термин – «идентичность» (identity). Данный термин стал центральным, в частности, в таком направлении дискурс-исследований, как дискурс-анализ, где и получил свое новое прочтение (50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1996).

Современные исследования речей политических лидеров представлены двумя методиками: дискурс-анализом (это, в настоящий момент, максимально широкая исследовательская парадигма) и семиотическим анализом (более узкий подход, ибо в реальной практике он не учитывает в достаточной мере общественно-исторических условий, в которых функционирует объект анализа, а сконцентрирован лишь на знаковой характеристике дискурса).

Исследования дискурса политика с учетом категории "идентификации" выходит на изучение интерсубъектных полей дискурса, ибо способствует выявлению специфического, отдельного в контексте общего и общего в контексте индивидуального. Каждый политик рождается в определенной социальной среде, с которой себя и идентифицирует, но, становясь лидером своей социальной группы, своей общности, стремится затем расширить свою «аудиторию», свой электорат. При этом ему в любом случае приходится всякий раз определять свое отношение к той или иной социальной группе, идентифицируя себя все с большей и большей общностью, сохраняя при этом свою индивидуальность, свое «прочтение» кортежа. Таким образом, каждый крупный политик каждый раз как бы создает свой народ своим дискурсом.

В качестве возможных парадигм изучения дискурса политика и существует дискурс-анализ с фокусировкой на кортежное содержание коммуникации.

5.3.1. Практические вопросы исследования дискурса политика

Посмотрим с этих позиций на тексты выступлений крупного политика XX века Маргарет Тэтчер. Нашему анализу были подвергнуты три текста: речь М.Тэтчер, опубликованная в книге «Речи выдающихся политиков современности» (The Penguin Book of Twentieth-century Speeches, 1993), и два интервью с М. Тэтчер, взятые журналистом лондонской компании LBC (Soars, 1987,135) и журналистом телевизионного канала ITV для телепередачи «Женщина – женщине» (25 ноября 1985 г.). Вместе с тем мы использовали материалы анализа речей М.Тэтчер, проведенного английским исследователем дискурса средств массовой информации Норманом Фэаклу. В частности, нам показалась плодотворной его попытка выделить в качестве стартовой позиции анализа дискурса М.Тэтчер ее социальный контекст (точнее, его объективацию), который он назвал тэтчеризмом.

Для исследователя любопытен тот факт, что при детальном изучении текстов оказывается, что тэтчеризм проявляет себя и в качестве кортежной, и в качестве референтной содержательной характеристики.

Тэтчеризм описывается с помощью трех ключевых понятий: **традиционный консерватизм, неолиберализм и политический (авторитарный) популизм**. Мы считаем не только возможным, но и необходимым представить эти три позиции дискурса М.Тэтчер в иной терминологии, сохраняя при этом образующие семы ключевых слов – *традиция, инновация, народ*. Естественно, что в дискурсе оппонентов тэтчеризма эти категории получают негативную номинацию, но суть остается, подтверждая лишь наличие самого денотата.

Тэтчеризм явился результатом тройного отрицания: он отвергает популистские лозунги полной занятости и национализации, преодолевает уз-

кий консерватизм предшественников — Г. Макмиллана (1957-1963) и Э.Хита (1970-1974), отбрасывает социально-либеральные концепции лейбористской партии. Этот ряд отрицаний стал лестницей, по которой тэтчеризм поднимался вверх, чтобы дать стране новые жизненные импульсы. Так «мостилась дорога» дискурса власти М.Тэтчер: признание через отрицание.

Тройственную реальность репрезентирует тройственный дискурс. В текстах М.Тэтчер легко обнаружить три дискурсии – в ключе консерватизма, либерализма и популизма. Каждая из них может стать предметом отдельного анализа.

Неолиберальная риторика М.Тэтчер обращена к британцам как свобододолюбивому народу, не терпящему, чтобы на него оказывали давление (*the British people don't like to be pushed around*). Поэтому ее дискурс, в котором (как может показаться на первый взгляд) доминируют личные местоимения *я, мы*, в нужный момент сбалансирован с *он, она* или относительными местоимениями *каждый, любой*, причем адресат сохраняет свою полную автономию (не попадая в размытое «мы»), в некоторых случаях маркируется его возраст, профессия, пол (причем делается это не скороговоркой, а в максимально развернутом виде): «Мы считаем, что каждый имеет право быть самим собой (быть не равным другим). Для нас каждый человек в равной степени важен» (*We believe that everyone has the right to be unequal. But to us, every human being is equally important*); «Мы верим, что вы становитесь ответственным гражданином, принимая решения самостоятельно, а не пользуясь готовыми, принятыми за вас другими» (*We believe that you become a responsible citizen by making decisions for yourself not by having them made for you*); «Каждому должно быть позволено развивать те способности, которые, как он полагает, у него есть, и, как она полагает, у нее есть, и, таким образом, как они сами решат» (*Everyone must be allowed to develop the abilities he knows he has within him and she knows she has within her in the way they chose*); «Инженеры, шахтеры, рабочие, продавцы, домохозяйки – это они основа нашего общества» (*Engineers, miners, workers, shop assistants, housewives – these are the essential foundations for our society*).

Н.Фэаклу видит проявление неолиберальной риторики М.Тэтчер на знаковом уровне в том, что ее дискурс в определенных случаях богат употреблением пассивного залога, который в целом удобен для перераспределения ответственности за давление на аудиторию. Любопытно, что в проанализированных нами текстах эта характеристика дискурса М.Тэтчер присутствовала не в неолиберальной, а в консервативной дискурсии. Так, те достаточно яркие примеры пассивного залога, которые были обнаружены нами, раскрывали суть викторианских ценностей (см. пример ниже). По всей вероятности, это тот самый случай, когда пересекаются две дискурсии: неолиберальная (по кортежному содержанию) и консервативная (по референтному).

Мы полагаем также, что употребление пассивного залога является для дискурса М.Тэтчер тем речевым признаком, который носит локальный и временной характер. Иначе говоря, это характеристика дискурсной тактики, в то время как стратегическими характеристиками речи выступают те признаки, которые призваны, как мы убедились в процессе нашего анализа, репрезентировать М.Тэтчер как сильного лидера, принимающего решения, берущего на себя ответственность, расставляющего все точки над «и». Такие признаки проявились во всех трех текстах, причем по всем направлениям, будь то неолиберальная, консервативная или популистская дискурсия. Это – ритм (множественность акцентированных повторов, особые синтаксические конструкции, как, например, единоначатие, риторические вопросы), доведение мысли до максимальной прозрачности во всех ее значимых оттенках (смысловые и эмоциональные акценты, призванные репрезентировать сильного и знающего лидера).

Консервативный дискурс М.Тэтчер сосредоточен вокруг того, что можно назвать общим местом дискурса любого британца: «мой дом – моя крепость». Возрождение традиционных ценностей сопрягается с такой лексикой, как ответственность перед семьей, уважение закона и порядка, помощь страждущим, патриотизм, защита своих ценностей, патернализм, чувство долга: «Мы должны возродить частное предпринимательство не только для того, чтобы дать людям больше денег, которые они тратили бы по своему усмотрению, но также и для того, чтобы иметь больше возможностей помогать старым, больным и немощным... Как же мы, консерваторы, это сделаем?» (*We must get private enterprise back on the road to recovery, not merely to give people more of their own money to spend as they chose, but to have more money to help the old and the sick and the handicapped... Well, how can we Conservatives make it happen?*); «Мы являемся очевидцами преднамеренных атак на наши ценности, преднамеренных атак на наше наследие и наше великое прошлое» (*We are witnessing a deliberate attack on our values, a deliberate attack on our heritage and our great past*); «Я была воспитана с очень сильным чувством долга, и неотъемлемой частью этого чувства долга было осознание того, что, если ты более обеспечен, ты начинаешь помогать другим, ибо если ты сам в лучшем положении, то у тебя есть долг перед теми, кто в твоём окружении, и ты будешь им помогать... добровольно» (*I was brought up with a very strong sense of duty, and part of the sense of duty was that if you were getting on better, so you turned yourself to help others, that as you did better yourself, so you had a duty to your community to turn to help others... voluntarily*).

Популистская направленность дискурса М.Тэтчер – не поверхностная характеристика. Ее выявление идет на разных уровнях имплицитной информации. В меньшей степени на лексическом, в большей – на синтаксическом. В любом случае здесь требуется анализ не на уровне имплицатур, хотя анализ исходных пропозиционных характеристик текста также уме-

стен. Впрочем, как отмечает Фэаклу, мы имеем дело с дискурсом «авторитарного» популизма. Доля собственно популистской дискурсии не так велика. Чаще это поверхностная характеристика дискурса, но при анализе имплицатур (тема-рематического развития) эта характеристика как бы тает. Популизм требует «растворения» говорящего в своей аудитории, что, однако, далеко не всегда удается М.Тэтчер. Так, в ее речи встречаются характеристики, которые идентифицируют ее лишь с одной (пусть достаточно многочисленной) социальной группой – средним классом. Это употребление местоимения *ты – вы* в значении *каждый, все* (*you* вместо *one*). Впрочем, по нашим наблюдениям, эти знаковые маркеры встречаются в тех случаях, когда актуализируется (на референтном уровне) **консервативная риторика** М.Тэтчер: «Я была воспитана викторианской бабушкой. Нас учили очень много работать: вас учили совершенствовать себя, вас учили верить в себя; вас учили жить ничего не имея, вас учили, что чистоплотность это второе качество после набожности; да... вас учили уважать себя; вас учили всегда протянуть руку помощи своим соседям; вас учили... что надо гордиться своей страной; вас учили быть хорошим членом своего округа (своей общности). Это все и есть викторианские ценности» (*I was brought up by a Victorian greandmother. We were taught to work jolly hard: you were taught to improve yourself; you were taught self-reliance; you were taught to live without your income; you were taught that cleanliness was next to godliness; erm...you were taught self-respect; you were taught always to give a hand to your neighbour; er, you were... taught tremendous pride in your country; you were taught to be a good member of your community. All of these things are Victorian values*). То есть это тот же случай пересечения двух дискурсов – популистской (на кортежном уровне) и консервативной (на референтном).

В качестве примеров собственно популистской риторики (и в кортежном и в референтном плане) можно считать, по нашему мнению, такие высказывания М. Тэтчер, в которых она употребляет местоимение *мы* в значении целостного кортежа, причем вполне естественно, что в таких случаях появляется масса прилагательных в сравнительной и превосходной степени, которые неоднократно повторяются, а также даются примеры различных достижений и пр.: «Мы – народ, который получил больше Нобелевских премий, чем любая другая нация, за исключением Америки, но мы все, как один, сделали все, чтобы быть лучше Америки, вдвое лучше» (*We are the people who have received more Nobel Prizes than any other nation except America, and head for head we have done better than America, twice as well in fact*); «Мы – народ-изобретатель, который среди других вещей изобрел компьютер, холодильник, танк, телевизор» (*We are the people who, among other things, invented the computor, the refrigiraator, the tank, the television*); «Мы экспортируем больше из того, что производим, чем Западная Германия, Франция, Япония или США» (*We export more of what we produce than either West Germany, France, Japan or U.S.*).

Для популистского дискурса характерно также включение в кортежный план в качестве противопоставления единому *мы* некоего противника, врага, с тем чтобы чувство единства вызвать как можно у большего числа аудитории, сделав несущественными ее дифференциальные признаки. Здесь популистский дискурс несколько пересекается с консервативным, ибо вызывает опять-таки к общим ценностям (выше такой пример был дан).

Следует заметить, что для М.Тэтчер как премьер-министра было естественным сочетание разных дискурсий, ибо ее дискурсная группа -- это вся страна. Таким образом, она принималась как «свой» (т.е. как член своей дискурсной группы) самыми разными слоями населения, что увеличивало силу воздействия ее речей. Весьма частое употребление местоимения *мы*, как было показано выше, становится омонимичным, т.е. каждый раз подразумевает разную группу людей, частью которой, однако, всегда является М.Тэтчер. Иногда местоимение *мы* включает в себя общенациональную аудиторию: «Нас действительно устраивает тот жизненный стандарт...» (*we do enjoy a standard of living which was ...*); а иногда идентифицирует консервативную партию: «Мы, консерваторы» (*We conservatives*); а порой *мы* используется неопределенно (*if we played our card right*) – то ли речь идет о консервативной партии, то ли о правительстве, то ли о нации в целом.

Инклюзивное использование *мы* очень частое явление в политическом дискурсе. С одной стороны, это знак солидарности (всех в одной лодке), с другой – атрибут власти, т.к. лидер имеет «право» говорить от имени всех.

Статус членов дискурсной группы уравнивается благодаря частому употреблению М.Тэтчер глагола *смотреть* (*to look*). Он поднимает статус аудитории и делает ее интерпретатором информации, т.е. активным субъектом. Вместе с тем этот глагол употребляется в повелительном наклонении, подчеркивая активную позицию говорящего, акцентирует роль лидера, авторитет которого в популистском дискурсе не менее значим, чем сохранение иллюзий свободы выбора.

Мы остановились на двух возможных позициях анализа политического дискурса субъекта: анализе политической сферы, воплощенной в лидере, и анализе его вербального (знакового) поведения, определяющего дискурсную группу (или группы). Это позволяет перейти к исследованию единого поля дискурсий – дискурса-гибрида в гетерогенном тексте. Здесь первостепенное значение имеет репрезентативная данность текста: какую реальность несет (конструирует, реконструирует) текст. Политический текст не требует верификации посредством дихотомии «истинность – ложность». Он существует в реалиях оценок, отношений, воли и лишь опосредованно, «отраженно» воспроизводит историческое бытие. Мера истинности в политическом тексте – это воля политика, способность предвидения и действия. В этой связи анализ репрезентативности полити-

ческого дискурса есть, в первую очередь, анализ социальной репрезентативности.

Норман Фэаклу называет реконструкцию реальности мерой успеха политического дискурса. Мы же склонны говорить о реконструкции социальной реальности как о качественном показателе политического дискурса. Политический текст является продуктом столкновения различных интересов и стратегий, равнодействующих идей, волевых усилий и дискурсов, ангажированных политических субъектов.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА МАКРОУРОВНЕ

Раздел 6.1. Современные информационные технологии и политический дискурс

Этот раздел посвящен трансформации традиционного политического дискурса в дискурсии, порожденные коммуникационной революцией, информационными взрывами и технологическими изменениями. В нашу задачу входит показать и проанализировать, как политический дискурс не только переходит, мигрирует и, в конечном итоге, осваивает дискурс новых информационных технологий (то есть происходит активный процесс ассимиляции и диссимиляции смыслов (о единстве противоборствующих дискурсов в континууме речевой деятельности — системе смысловых различия и смысловых порождения дискурсов языковой личности см.: Зернецкий, 1992, 144). Исходя из того, что наше понимание окружающего нас мира и социальной действительности происходит в идеологической борьбе между дискурсами, нам видится необходимым вывести за текстуальные рамки анализ взаимоотношений дискурса новых информационных технологий и политического дискурса, ибо эти рамки значительно сужают «веер» смыслов, вкладываемых политиками. Понятно, что для рассмотрения функционирования исследуемых дискурсивных процессов необходимо привлечь гораздо более широкие социально-культурные и политико-экономические контексты.

В 1980–90-е годы кардинально изменился мировой ландшафт в сфере массовой коммуникации благодаря ряду трансформаций, которые в ней произошли. Прежде всего, это технические открытия и технологические изменения, обеспечившие стремительное развитие телекоммуникации (как, например, в случае с телематикой или телетекстом) или связанные более тесно с индустрией новых средств массовой коммуникации, в частности, кабельного и спутникового телевидения. Только за десятилетие – в 80-е годы – индустриально развитые страны перешли от одной телевизионной эпохи к другой, которую можно назвать эпохой небывалого расцвета всех видов телевидения. Ускоренными темпами прокладывала себе путь новая кабельная технология (с применением оптических стекловолокон), делая возможным функционирование многоканальных кабельных телестанций, чем во много раз расширила их аудиторию. Именно в это время благодаря сверхмощным спутникам третьего поколения DBS становится возможным осуществление принципа непосредственного телевизионного вещания (Зернецка, 1993, 19 – 32). Начиная с 70-х годов и на протяжении следующих

десятилетий стремительно развиваются такие новые средства массовой коммуникации, как видео и видеотекст (Зернецька, 1993, 33 – 50).

Диджитальная революция произвела тектонические изменения в глобальных процессах массовой коммуникации. Она положила начало конгломерации СМИ с компьютерными мультимедиа. Термин *мультимедиа* (от англ. Multimedia) употреблялся в разных сферах: в теории массовой коммуникации, кибернетике масс медиа, шоу-бизнесе – и имеет различные значения. В данной работе этот термин имеет два значения: первое – связано с экономическими процессами в сфере масс медиа и относится к компаниям, концернам, конгломератам, группам, во владении которых имеется более чем одно средство массовой коммуникации (скажем, телестанция плюс газета, плюс студия грамзаписи), и за этим значением мы закрепляем термин **«мультимедиа»**; второе – принадлежит компьютерной сфере, представляет собой новую компьютерную технологию подачи информации и истолковывается как «распространение информации более чем в одной форме. Оно включает использование текста, звука, графики, мультипликационной графики и видео в компьютере» (Freedman, 1995, 258). За вторым значением мы закрепляем термин **«компьютерные мультимедиа»**.

Этот альянс, объединяющий возможности услуг компьютерных мультимедиа, телекоммуникаций и СМИ, открывает новую эру – эру информации и коммуникации. «Центральные вопросы в информационной и коммуникационной эре – это вопросы производства, распространения, владения и манипулирования информационными и коммуникационными технологиями и медиа. Кто, с какой целью, с какими намерениями владеет каналами коммуникации, контролирует их – играет решающую роль в трансформации развития общества, обеспечении мира и справедливости в современную эпоху?» – пишет президент Международной ассоциации медиа и коммуникационных исследований профессор Х.Моулана (Mowlana, 1992, 23). Говоря о тех, кто владеет и контролирует каналы коммуникации, американский ученый имеет в виду несколько транснациональных медиа корпораций, возникших в результате постоянно усиливающихся процессов концентрации и конгломерации в этой области. Они получили название «мультимедиа империи». К ним относятся Time Warner, Sony, News Corporation, Capital Cities/ABC, NHK, General Electric/NBC, Microsoft, CNN, Fininvest и др. За названиями всемирно известных медиа конгломератов стоят не менее известные имена их владельцев: Руперт Мердок, Сильвио Берлускони, Билл Гейтс... Журналисты и исследователи массово-коммуникационных процессов называют их «медиа магнатами». Если согласиться с высказыванием выдающегося канадского социолога М.Маклюэна, что мир превратился в глобальную деревню, то верными будут и слова американского профессора коммуникации Б.Багдекиана, касающиеся медиа магнатов: «Они – хозяева глобальной деревни» (Bagdekian, 1990).

Сферы интересов «хозяев глобальной деревни» в 90-е годы значительно расширяются. Главная примета этих изменений – усиленная тенденция к конгломерации мультимедиа империй с великанами компьютерной сферы и индустрией телекоммуникаций.

За последние несколько лет информационные технологии претерпевают такие бурные изменения, которые по своим последствиям могут быть сопоставимы с последствиями промышленной революции. И для такого сопоставления есть основания, потому что сегодня в информационных технологиях революция в компьютерных мультимедиа объединяется с эволюцией активно возникающих и развивающихся так называемых **«информационных супермагистралей»**.

Понятие «информационная супермагистраль» (от англ. – information superhighway) – совершенно новое. Так, в 1991 году его еще не существовало. Возникло оно в дискурсе новых информационных технологий. Среди первых работ, где встречается это выражение, была книга выдающегося американского ученого Н.Негропonte, заведующего лабораторией медиа престижного Массачусетского технологического института, гуру современных ученых в этой области. Книга Н.Негропonte «Пребывая оцифрованными» (Being Digitalized) считается каноническим текстом о *«мультимедиа интерактивной глобальной информационной супермагистрале»*. В значительной мере «информационная супермагистраль» – это метафора, созданная «певцом диджитализации» Н.Негропonte. Она скорее описывает желаемое будущее, нежели реальность. Но как самим ученым, так и его адептами, приводится много аргументов, чтобы считать ее существование реальностью завтрашнего дня.

По мысли одних ученых, информационная супермагистраль – это бесконечная паутина коммуникаций и информационных услуг вместе с другими элементами информационной инфраструктуры, такими, как компьютеры, базы данных и бытовая электроника, которые будут поставлять нескончаемое количество информации ее потребителям, вооруженным персональными компьютерами и мультимедиа-приставками. Круг пользователей персональными компьютерами невероятно расширился. Так, в США 30% семей имеют персональные компьютеры. Персональные компьютеры в сочетании с мультимедиа-приставками являются той универсальной платформой, которая содержит огромный объем вычислительных и коммуникационных ресурсов для разных групп пользователей. К мультимедиа-приставкам относятся модемы, лазерные диски, интерактивное программирование, интерактивное видео, компьютерные игры и много других новинок, которые невиданным образом влияют и будут влиять на рынок интерактивных услуг.

Часто информационную супермагистраль, которая развивается в Европе, США и Японии, изображают как взаимоперабельную сеть всех других сетей, включающих локальные, международные и глобальные сети

(беспроволочные, наземные, кабельные и спутниковые), где «найдут приоритетное использование оптоволоконные кабели для компрессии и доставки 500, 600 и даже 1000 каналов» (Schwab, 1994, 21). К тому же она включает Интернет.

Благодаря Интернету, «каждый, у кого есть компьютер, модем и телефонная линия, может посылать и получать неограниченное количество каналов информации со всего мира почти бесплатно. Цены на получение других видов информации и услуг – от телефонных разговоров до кинофильмов и шоу – будут падать на протяжении нескольких следующих лет... На это может уйти некоторое время, но нет сомнения, что телевизор, компьютер или какая-нибудь другая машина, которую еще не изобрели и не назвали, когда-нибудь станет окном в мир с двусторонним движением, благодаря которому вы сможете пользоваться вашим счетом в банке, заказывать продукты из супермаркета и общаться со всеми, кто захочет выслушать ваши идеи», говорится не в научно-фантастическом романе, а в передовой статье «Пусть расцветает эра диджитализации», напечатанной в солидном британском журнале «Экономист» (Economist. 1995. 25 Febr. P.13).

Не все ученые трактуют смысл метафоры «информационная супермагистраль» как линейной транспортировочной модели, так как в этом случае не учитывается такое ее свойство, как «эластичность». Они предлагают рассматривать ее как «среду», а не как супермагистраль (H.Sawhney).

Все вышеприведенные примеры подтверждают изначально закрытое (closed) (McQuail, 1994, 244) функционирование метафоры «информационная супермагистраль» в дискурсе новых информационных технологий, где это понятие обрастало различными смыслами в процессе интерпретации его учеными и практиками-информационщиками. Новый этап в трансформации смыслов, вкладываемых в эту метафору, начинается с перенесения ее из одного дискурса в другой, а именно в политический.

Вице-президент США А.Гор, который был назначен администрацией Б.Клинтона ответственным за развитие информационной супермагистрали в США, заявил, что «наивысшим приоритетом страны на протяжении последующей декады является обеспечение каждой школы, библиотеки и больницы доступом к обучающим и информационным возможностям супермагистрали» (Gore, 1994). Таким образом, внутренне «закрытая» в информационном дискурсе метафора «информационная супермагистраль» мигрировала в политический дискурс, причем в силу особенностей массового распространения новых понятий в политическом дискурсе они становятся «ключевыми», наиболее цитируемыми, если они вводятся через масс медиа «сверху», то есть публикуются, произносятся с телеэкранов или звучат по радио, и далее широко тиражируются как слова политических лидеров общества.

Когда А.Гор говорил о том, что информационная супермагистраль будет функционировать в каждой школе, библиотеке и больнице, он уже

вкладывал в это выражение социальные коннотации, подчеркивая расширение доступа к информации посредством новых технологий всевозрастающего числа граждан из различных социальных групп, что означает большую открытость доступа к информации (один из постулатов демократических свобод, а также в подтексте – демократичности государственных структур).

Тезис о предоставлении открытого доступа всем слоям и категориям населения страны к информационной супермагистрале, как уже говорилось выше, выглядит чрезвычайно интересно в контексте политического дискурса, так как способствует реализации права граждан на получение, использование и распространение информации и, как результат, – возможности участия граждан в жизни общества и государства. Расширение этих возможностей широких слоев населения путем использования информационной супермагистрале, которое правительство обещало осуществить, установив для этого «общедоступные» компьютеры в библиотеках, больницах и школах, создает необходимый рынок сбыта для мультимедийных корпораций. Очевидно, это ведущая тенденция информационной революции, когда политический дискурс в средствах массовой коммуникации обслуживает свою технологическую базу – систему производства и распространения информации. Таким образом, взаимоотношение дискурса новых информационных технологий и политического дискурса отражает центральное звено новой технологической революции постиндустриального мира, самого динамично развивающегося в настоящее время информационного потока цивилизации, звено взаимодействия технологической базы информационного общества – дискурса новых информационных технологий и политического дискурса.

Но подлинным *beaux mot* стала фраза А.Гора из его речи на международной конференции Телекоммуникационного Союза (ITU), проходившей 21 марта 1994 года в Буэнос-Айресе: «Информационная супермагистраль – это метафора самой демократии» (Gore, 1994). Даже в дискурсе новых информационных технологий, по мнению ряда специалистов, недостаточно одной лишь метафоры – «информационная супермагистраль» – для описания еще только возникающего сложного феномена, и тем более ее недостаточно для попыток выяснения демократического потенциала, заложенного в новых технологиях.

Здесь уже совершенно очевидно перемещение выражения «информационная супермагистраль» в политический дискурс, ибо, на наш взгляд, в данном контексте речь идет не только и не столько о попытке политика описать демократический потенциал новых технологий, но в первую очередь – наполнить выражение квазиполитическими смыслами, делая его оружием в политической борьбе, идет ли речь о предвыборной кампании или же об удержании симпатий сограждан в период между выборами.

Политические лидеры используют смысловой потенциал заимствованного из дискурса новых информационных технологий выражения «ин-

формационная супермагистраль» прежде всего как яркую метафору «с переднего края науки» (демонстрируя таким образом и свою высокую компетентность в этой области) и где-то как футурологическое построение ее адептов, привлекательное по своей глобальности, но туманное по перспективам реального освоения «информационно бедными» (information poor) слоями населения Соединенных Штатов, не говоря уже о целых странах и регионах мира (например, Африка). Следует подчеркнуть, что данная метафора используется стоящими у власти в какой-то степени и для отвлечения граждан от вопросов социальной сферы, затрагивающих интересы наиболее репрезентативных групп американского общества.

Конечно, это не новый прием в арсенале политического дискурса лидеров. Идя вглубь десятилетий века XX, нельзя не вспомнить и хорошо известные нам «... плюс электрификация всей страны» 20-х годов и «...плюс химизация всей страны» годов 60-70-х... В истории существуют примеры, когда первые лица стран обещали своим избирателям благоденствие вследствие технического или технологического прорыва. Так, памятно высказывания лидера лейбористов Великобритании Гарольда Вильсона в 1963 году «о белом жанре технологической революции» и его обещания технологической модернизации страны как безотказного средства для создания новых рабочих места и, как результат, эффективного метода борьбы с безработицей. Лозунги общенационального масштаба, основанные на новейших достижениях научной и технической мысли и освещающие перспективы развития общества, стали одной из важных тенденций в политическом дискурсе нашей эпохи. Они играли важную политическую и мобилизационную роль и давали толчок развитию всего общества данной страны, вдохновляя население открытием новых перспектив, ибо в умах человечества тенденция к технической модернизации зачастую ассоциируется с устойчивым развитием всего общества в целом.

Следует отметить в этой связи и то, что носители новых научных знаний (ученые и профессионалы высокой квалификации), способствующих развитию нации, пользуются в странах западной демократии большим авторитетом и часто выступают в роли экспертов в обсуждении важных государственных вопросов. Поэтому новым приемом у американских ведущих политиков стал такой аргумент, часто разыгрываемый в вербальных баталиях: «Кто более «диджитально» информирован?». В контексте политического дискурса их ссылки на «информационную супермагистраль» означают также преимущество в информированности, указывают на их вклад в приращение общественно полезного знания и личной компетентности. В подтексте же речь идет о вытекающем из вышесказанного большем праве стоять у кормила государства и управлять им, применяя свою эрудицию. В свою очередь ореол этой эрудиции охватывает политическую фигуру, когда в ее словесном арсенале есть не только такие понятия, как «информационная супермагистраль», но и вербаль-

ная демонстрация ее применения в разрешении ряда напряженных социальных проблем.

Старейшина американского (а возможно, и мирового) цеха исследователей медиа и коммуникации (особенно идеологических ее аспектов) Герберт Шиллер рассматривает это своеобразное соревнование политиков в использовании понятий новых информационных технологий в политических дебатах в контексте кризиса американской инфраструктуры: «Именно в свете углубляющегося социального дистресса и намеренного невнимания к его источникам на недавних встречах, посвященных новым технологиям, последним отводилась роль мощнейших регуляторов всего происходящего» (Schiller, 1996, 77).

По мысли Г. Шиллера, у правительства, при всей технологической непрорисованности ближайших параметров информационной супермагистрали, наличествует полный консенсус в смысле ее поддержки. Вероятно, это еще и потому, что оно, равно как и транснациональные мультимедиа корпорации, видит весомые (реальные, а не метафорические, используемые в политическом дискурсе) преимущества развития информационной супермагистрали для национальной экономики и финансов. Консенсус государственных деятелей по вопросу информационной супермагистрали привел к принятию в США в 1996 году «Акта телекоммуникационных реформ», который значительно смягчил антитрастовое законодательство в этой сфере, разрешив слияние компаний, принадлежащих к разным сферам массовой коммуникации и телекоммуникации, а такие средства индивидуальной коммуникации, как телефоны и факсы, были причислены к масс медиа. Этот же документ привел к дерегуляции в сфере телекоммуникаций. Таким образом были созданы экономические и законодательные предпосылки для ускоренного коммерциализованного развития новейших информационных технологий, олицетворением которых стала информационная супермагистраль.

Ускоренное освоение новейших информационных технологий имеет место и в практике политических ведомств, а не только в риторике политического дискурса, эти технологии широко внедряются в такие традиционно закрытые ареалы государственных институтов, как, скажем, Государственный департамент США. Его интерактивная коммуникация с американскими посольствами, консульствами и миссиями, рассредоточенными по всему земному шару, – наглядное тому подтверждение. Это свидетельствует о том, что наряду с лозунгами политического дискурса, насыщенными новыми ключевыми понятиями, инкорпорированными из дискурса новых информационных технологий, политические лидеры осваивают последние как практический канал международной дипломатической коммуникации.

Можно сделать вывод, что дискурс новых информационных технологий открывает более широкие горизонты для политического дискурса, подпитывая и актуализируя его, делая созвучным с эрой информации. Тем самым дискурс

новых информационных технологий дает мощную основу для выдвижения и укрепления политической платформы стоящих у власти государственных лидеров, которые, трансформируя его, используют как в предвыборной борьбе, так и для поддержания статус-кво. Консенсус обеспечивается широкой идеологической насыщенностью новых смыслов, вкладываемых политиками в понятия, заимствованные из дискурса новых информационных технологий и разнообразно применяемые в политической практике.

Тенденцией развития политического дискурса является привнесение в него сциентистских взглядов, что отражает познавательную роль науки и просветительскую роль политики. Государственные деятели используют эту тенденцию для маркировки собственной научной компетентности, что помогает им поддерживать свой позитивный политический имидж.

Актуальным является также использование элементов дискурса новых информационных технологий в политическом дискурсе как метафор, камуфлирующих истинные смыслы происходящих в реальности процессов (в данном случае – процессов концентрации и конгломерации индустрии массовой коммуникации и создания мультимедиа транснациональных корпораций); как лозунгов, мобилизующих население.

Таким образом, лексикон дискурса новых информационных технологий, являющийся технологической базой средств обращения информации в масс медиа, самым активным и действенным образом перетекает в политический дискурс, который, в свою очередь, по своему общественному статусу является доминирующим в системе дискурсивной коммуникации.

Раздел 6.2. Газета как единица анализа

Материалом данного исследования послужили **десять** периодических изданий Республики Беларусь: «Белорусская газета» (БГ), «Белорусская деловая газета» (БДГ), «Звезда» (Зв), «Знамя юности» (ЗЮ), «Имя» (И), «Народная воля» (НВ), «Народная газета» (НГ), «Рэспубліка» (Р), «Свабода» (Св), «Советская Белоруссия» (СБ).

Условно для изучения были взяты все публикации за неделю с 16 по 21 июня 1997 года. Количество номеров зависело от периодичности издания. Выборка номеров одного издания составила пять номеров газеты. В тех случаях, когда издание выходило один раз в неделю, мы посчитали разумным привлечь еще один номер (последующий) с тем, чтобы выборка была более репрезентативной. Так произошло с двумя изданиями: «Белорусская газета» и «Имя».

Впрочем, один из дней, а именно среда 18 июня, стал для нас контрольным (мы сочли целесообразным сравнить результаты недели с результатами дня: насколько именно велики расхождения).

Таким образом, выборку составили:

- по 2 номера: «Белорусская деловая газета» – 19 и 26 июня; «Свобода» – 18 и 20 июня; «Белорусская газета» – 17 и 24 июня, «Имя» – 20 и 27 июня;
- по 3 номера: «Знамя юности» – 18, 19, сводный номер – 21-23 июня; «Рэспубліка»- 17, 18, 20 июня; «Народная газета» – 17, 18, 19 июня; «Советская Белоруссия» – 18, 19, 20 июня;
- по 5 номеров: «Звезда» – 17, 18, 19, 20, 21 июня; «Народная воля» – 17, 18, 19, 20, 21 июня.

Целью нашего исследования стало изучение тенденций в подаче предметно-тематического содержания газетных изданий Беларуси.

Мы посчитали возможным проанализировать эту информацию с помощью содержательного индексирования газет. Отобранные нами индексы отражают функциональную заданность газетных изданий – информировать и объяснять события дня (недели, месяца, года) и делать это разнообразно, понятно (читабельно и, следовательно, структурированно), согласно интересам читателей и в соответствии с их стилевым предпочтением.

Таким образом, нашей задачей явилась разработка категориального аппарата исследования, который бы стал ориентиром для замера содержательных тенденций газетных изданий, и уже далее изучение на основании выделенных категорий анализа содержательных тенденций изданий – их индексация.

Категориями анализа стали следующие содержательные маркеры:

I. Такая дейксическая характеристика содержания, как **локализация предмета коммуникации в пространстве** (в данном случае речь идет о географии события). Среди возможных вариантов географической локализации события были определены и замерены одиннадцать категорий, которые вошли в **четыре группы**:

1) Республика Беларусь как геополитическая и геоэкономическая единица: (1) Республика Беларусь (национальный уровень), (2) столица РБ, (3) регионы РБ;

2) Республика Беларусь как часть СНГ: (4) РБ и СНГ, (5) регионы Беларуси и СНГ;

3) Республика Беларусь как часть мирового сообщества: (6) РБ и зарубежье, (7) регионы РБ и зарубежье, (8) РБ, СНГ и зарубежье;

4) мировое сообщество (страны ближнего и дальнего зарубежья): (9) СНГ, (10) СНГ и зарубежье, (11) международная жизнь.

II. Такая знаковая предметно-организационная характеристика содержания, как **тематика** (тематическое поле события). Эти характеристики издания мы маркировали в исследовании как подкатегории. Всего здесь насчитывается десять позиций, которые были организованы в следующие **шесть групп**: 1) экономика; 2) политика и оборона (политическая организация общества); 3) законодательство, права человека, криминал (правовая ситуация); 4) культура, развлечение, спорт (сфера досуга); 5) светская хроника (жизнь элиты); 6) полезные советы.

III. Такая знаковая субъектно-организационная (речеповеденческая) характеристика содержания, как **жанровая** репрезентация события. В итоге мы рассмотрели 22 речеповеденческих маркера, которые могут быть сведены в **шесть групп**:

1) репродукция актуальных событий (предметная картина современного мира) – воспроизведение реалий внутренней и международной жизни с анализом их причинно-следственных связей. Сюда вошли такие жанры: (1) информация, (2) информационно-аналитический материал, (3) информация-полемика, (4) аналитика, (5) интервью, (6) фотофакт, (7) законодательные акты;

2) зондаж общественного мнения (исследование ценностных ориентаций) – открытая трибуна политиков, общественных деятелей, представителей различных социальных и профессиональных групп. Сюда вошли: (8) письма читателей, (9) письма с редакционным комментарием, (10) полемические статьи, (11) мнения политиков, (12) письма о газете;

3) активные жанры (прагматика как выражение идеологических и политических позиций печатного органа) – использование авторских материалов для распространения взглядов, оценок и поведенческих моделей. Сюда вошли: (13) цитата; могут входить также публицистика, памфлет, очерк, фельетон, карикатура, коллаж;

4) жанры-сателлиты (сопутствующие материалы): (14) фотография, дружеский шарж;

5) культурологические материалы (актуалии и ретроспектива духовной жизни) – активизация национального самосознания, приобщение к мировой культуре, содействие саморазвитию личности. Сюда вошли: (15) страницы истории (исторический очерк), (16) художественная литература, (17) интеллектуальные игры, (18) развлекательная информация;

6) коммерческая реклама: (19) объявления, (20) заказные статьи, (21) самореклама (реклама газеты), (22) реклама.

С помощью данных категорий, подкатегорий и маркеров содержания мы можем определить (найти и измерить) следующие параметры газетного содержания:

1) степень информативности газеты (широта и тематическая направленность информационно-аналитических материалов, соотношение репрезентативных и репродуктивных качеств газетного содержания);

2) жанровое своеобразие газеты;

3) структурированность;

4) типологическую ориентацию.

6.2.1. Основные содержательные индексы газетного издания

1. **Индекс «география интересов».** Определяется: плотностью (насыщенностью) информационного (событийного) поля, экономическими императивами, геополитическими векторами. Отражен в категориях: (1) РБ как гео-

политическая и геоэкономическая единица; (2) РБ как часть СНГ, (3) РБ как часть мирового сообщества; (4) мировое сообщество (страны ближнего и дальнего зарубежья).

2. **Индекс «тематический диапазон».** Зависит от: качества издания (серьезный, популярный, смешанный тип издания); ожиданий читательской аудитории (критерии – письма читателей, анкеты, коммерческий успех); социальных, экономических и политических приоритетов (остроты ставящихся в издании проблем). Отражен в подкатегориях: (1) экономика, (2) политика и оборона, (3) законодательство, права человека, криминал, (4) культура, (5) светская хроника, (6) полезные советы.

3. **Индекс «структурированности».** Является показателем зрелости издания (констатирует факт обретения изданием своего лица). Характеризуется: наличием постоянных рубрик, использованием активных жанров (полемика и дискуссии, памфлеты и фельетоны, публицистика, очерки, цитаты). Отражен в категориях: (1) репродукция актуальных событий, (2) зондаж общественного мнения, (3) активные жанры, (4) жанры-сателлиты, (5) культурологические материалы, (6) коммерческая реклама.

4. **Индекс «информативности».** Определяется: отзывчивостью издания на (реакция на) события локального (регионального), национального и международного уровня значения, рыночную конъюнктуру, изменения законодательства. Отражен в целом ряде категорий и подкатегорий. Слагается из прочтения ряда индексов в их взаимодействии, таких, как: «география интересов», «тематический диапазон», «индекс структурированности».

5. **Индекс «типологической принадлежности».** Определяется как суммарная (интегрированная) характеристика издания с учетом результатов индексирования на основании вышеназванных содержательных индексов.

6.2.2. Результаты исследования по индексу «география интересов»

Итак, посмотрим, что показывают результаты исследования и как именно мы можем охарактеризовать план содержания газет с позиций их дейксихической характеристики.

Если мы рассмотрим все эти газеты как единое целое, то увидим, что **Республика Беларусь как геополитическая и геоэкономическая единица** (группа 1) превалирует над двумя другими категориями (63,8% для всех газет), причем для официальных и центристских газет она еще выше – 67,2%, т.е. 2/3 всех материалов), а для оппозиционных – чуть больше половины (58,7%). На втором месте **мировое сообщество (страны ближнего и дальнего зарубежья, международная жизнь)** (группа 4). Они составили почти 1/5 материалов (18,8%). Для оппозиционных газет эта цифра чуть больше одной пятой (22,0%), для официальных изданий значительно меньше (15,5%). На третьем месте **РБ как часть мирового сообщества** (группа 3) – 11,0%, цифра небольшая, но распределение внутри подгрупп изданий показало, что материалов на эту тематику в оппозиционных изданиях вдвое больше (14,2% к

7,8%). И на последнем месте (всего 6,4%) – **РБ как часть СНГ** (группа 2). И это менее месяца спустя после подписания договора о союзе между Россией и Беларусью.

О внимании изданий к **регионам РБ** говорит цифра 9,2% (вместе со столицей эта цифра поднимается до 16,0%). В официальных изданиях – 11,2% (19,3% со столицей), в оппозиционных почти в два раза меньше – 7,3%, (12,9% со столицей).

Примерно такой же процент материалов был так или иначе посвящен **СНГ** (14,8%). В официальных и оппозиционных изданиях эта цифра почти повторилась (соответственно 15,9% и 14,7%).

Таблица 1

Распределение материалов в разных подгруппах газет по индексу "география интересов"

	Все газеты	Официальные	Оппозиционные
РБ как геоединица, %			
РБ (нац. уровень)	48,3	49,2	47,5
столица	6,8	8,1	5,6
регионы	7,7	9,9	5,6
ИТОГО	62,8	67,2	58,7
РБ как часть СНГ, %			
РБ и СНГ	6,0	6,7	5,2
регионы РБ и СНГ	0,4	0,8	-
ИТОГО	6,4	7,5	5,2
РБ как часть планеты, %			
РБ и зарубежье	8,2	6,0	10,5
регионы РБ и зарубежье	1,1	0,5	1,7
РБ, СНГ и зарубежье	1,7	1,3	2,0
ИТОГО	11,0	7,8	14,2
Мировое сообщество, %			
СНГ	4,8	4,5	5,1
СНГ и зарубежье	1,9	1,3	2,4
международная жизнь	12,1	9,7	14,5
ИТОГО	18,8	15,5	22,0

(Как отдельный материал маркировалась полоса рекламы. В этой связи суммы не всегда дают 100%).

Конкретно по газетам цифры распределились таким образом, что стали просматриваться одинаковые тенденции у ряда газет. Таким образом, мы можем описать типовые характеристики изданий согласно тому, как проявляет себя индекс «география интересов».

В частности, анализ цифр показывает, что **самая столичная газета** из десяти проанализированных – «Советская Белоруссия». Причем это демонстрируют цифры со всех позиций: и в линейном расположении (18,5% от всех ма-

териалов о столице во всех изданиях), и в вертикальном (15,6% от всех материалов издания), и абсолютный процент из всех материалов выборки (1,3%). А наименьшее число материалов, касающихся столичных новостей, было в газете «Имя» (2,5% от всех материалов о столице во всех изданиях, 2,3% от материалов данного издания, 0,2% от всех материалов выборки). Та же тенденция прослеживается в этих изданиях и в выборке за контрольное число – 18 июня.

Следует отметить, что если сравнить внимание газеты к событиям на общенациональном уровне и на уровне столицы в процентах, которые показывают распределение материалов внутри каждого издания, то оказывается, что в большинстве газет это расстояние будет напоминать гигантский прыжок. Так, в «Имени» это прыжок от 69,3% до 2,3% (в «Советской Белоруссии» он менее заметен – от 35,4% до 15,6%). Вторая такая газета, проявляющая интерес к столице – «Свабода» (здесь разница не так велика: от 38,6% до 12,9%). Цифры в других газетах о событиях в столице показывают отметку вокруг 6%.

Издание, которое в большей степени уделяет внимание регионам, это – «НГ» (21,0%), а далее идут «СБ» (18,7%), «Зв» (17,5%), «Р» (15,7%), «ЗЮ» (13,1%), «Св» (4,3%), «БДГ» (3,2%), «НВ» (1,1%), «БГ» и «И» (0%).

Таблица 2

**Распределение материалов в каждой из газет
по индексу "география интересов"**

	ЗЮ	Р	Зв	НГ	СБ	БДГ	Св	НВ	БГ	И
РБ как геоединица, %										
РБ (нац. уровень)	50,5	52,0	51,5	53,3	34,4	40,1	38,6	42,6	56,3	69,3
столица	9,1	4,9	6,2	6,7	15,6	6,4	12,9	6,3	-	2,3
регионы	7,1	8,8	10,8	12,4	9,4	-	-	-	-	-
ИТОГО	66,7	65,7	68,5	72,4	59,4	46,5	51,5	48,9	56,3	67,0
РБ как часть СНГ, %										
РБ и СНГ	1,0	8,8	5,7	8,6	10,4	10,2	4,3	1,6	4,6	5,7
регионы РБ и СНГ	-	1,0	0,5	1,9	1,0	-	-	-	-	-
ИТОГО	1,0	9,8	6,2	10,5	11,4	10,2	4,3	1,6	4,6	5,7
РБ как часть планеты, %										
РБ и зарубежье	-	1,0	-	1,9	-	17,8	7,1	6,3	17,2	2,3
регионы РБ и зарубежье	3,0	5,9	6,2	6,7	8,3	3,2	4,3	1,1	-	-
РБ, СНГ и зарубежье	1,0	1,0	3,1	-	-	-	-	-	-	-
ИТОГО	4,0	7,9	9,3	8,6	8,3	21,0	11,4	7,4	17,2	2,3
Мировое сообщество, %										
СНГ	10,1	2,0	4,1	2,9	4,2	5,1	-	6,3	4,6	6,8
СНГ и зарубежье	1,0	1,0	-	1,0	5,2	1,3	1,4	3,2	4,6	1,1
межд. Жизнь	16,2	7,8	11,3	4,8	7,3	7,6	17,1	23,7	9,2	10,2
ИТОГО	27,3	10,8	15,4	8,7	16,7	14,0	18,5	33,2	18,4	18,1

Таким образом, оценивая материалы газет по содержательному индексу «география интересов», можно сказать следующее:

Все газеты следуют модели «1,4,3,2». То есть мы видим, что все газеты в основном РБ-центричны и что «железный занавес» еще далеко не в прошлом. Мир глазами белорусской прессы – это биполярный мир: «Беларусь – зарубежье», правда, со значительным перевесом интереса к событиям внутри страны, причем только на национальном уровне (события столицы и регионов составляют поразительно малый процент информации). И эта тенденция характерна как для государственных, так и для частных изданий. Наши газеты еще не видят Беларусь ни частью мирового сообщества, ни частью СНГ, ни частью союза «Россия – Беларусь». Причем государственные газеты если и видят Беларусь как часть мирового сообщества, то это не затрагивает регионы нашей республики, в то время как частные издания если и интересуются регионами, то только с позиций интегральных процессов.

6.2.3. Результаты исследования по индексу «тематический диапазон»

Согласно шести отобраным тематическим позициям, белорусские издания отдают тематические предпочтения экономической тематике: (1) экономика, оборона -34,2%; на втором месте почти на равных идут (2) политика, права

человека (24,8%) и (4) культура, развлечения, спорт (24,3%). Еще одной относительно значимой темой для белорусских газет является тема (3) закон, криминал (12,4%), хотя ее количество и вдвое меньше, чем материалы политической тематики. А остальная проблематика (6) полезные советы (2,6%) и (5) светская хроника – занимает ничтожно малое место.

Если мы рассмотрим ситуацию в каждой конкретной газете, то увидим, что разброс в тематических приоритетах здесь достаточно велик.

Выделяется ряд газет, для которых приоритетна экономическая проблематика, причем ее отрыв от всех других тем достаточно велик. Из государственных газет – «Рэспубліка» (36,3%) и «Советская Белоруссия» (36,5%), из частных – «БДГ» (59,9%) и «Белорусская газета» (49,4%). Преобладающий интерес к сфере политики сближает «Советскую Белоруссию» (25,0%) и «Белорусскую газету» (37,9%), а выделение на второе и третье места такой проблематики, как правовая ситуация и политическая сфера, сближает газеты «Рэспубліка» и «БДГ» (в сумме по 39,2% и 41,6%). Отличие (и значительное) здесь только в том, что государственные газеты достаточно большое внимание уделяют сфере досуга (в «Рэспубліке» – 19,9%, в «Советской Белоруссии» – 16,6%). Частные издания к этой тематике достаточно безразличны («БДГ» – 3,8%, «БГ» – 4,5%). Их отличие и в том, что ни материалов светской хроники, ни рубрики «полезные советы» в частных изданиях нет совсем. Впрочем, число таких материалов в вышеуказанных государственных изданиях минимально (в 2–6 раз меньше, чем в других проанализированных здесь государственных изданиях).

Другой тип изданий, которые демонстрируют согласно индексу «тематический диапазон» данные газеты, представлен газетами «Знамя юности» и «Имя». Их тематическая модель – максимальное количество таких материалов, как культура, развлечения, спорт (по 39,1% и 45,5%), вдвое меньше политики (18,2% и 22,7%) и еще чуть меньше правовой проблематики (14,2% и 13,7%). Разница только в том, что те страницы, которые «Имя» отводит светской хронике, «Знамя юности» отводит полезным советам.

Третий тип изданий согласно индексу «тематический диапазон» представлен газетами «Народная газета» и «Народная Воля». Здесь значимость материалов группы «культура, развлечения, спорт» а также материалов экономической и политической проблематики для каждого издания приблизительно равна, с некоторым перевесом, однако, сферы досуга в «Народной воле» (соответственно 23,8%, 30,5% и 27,7% – в «Народной газете» и 33,2%, 25,8% и 23,1% – в «Народной воле»). Еще одна относительно значимая тема для этих газет – правовое поле (15,3% и 12,2%).

Газеты «Свабода» и «Звезда» показывают одинаковые тенденции в том, что уделяют большое внимание такой проблеме, как культура: у «Звезды» эта тема на первом месте (30,4%), у «Свабоды» – на втором (24,3%). Однако если в «Звезде» культура идет в паре с экономикой, то в «Свабодзе» – в паре с политикой. Правовое поле для этих газет приблизительно одинаковое, правда, цифра

несколько большая в «Свабодзе» (18,0% и 21,4%). Еще одно отличие: «Звезда» уделяет максимально большое (по сравнению со всеми другими газетами) место полезным советам (6,2%), тогда как в «Свабодзе» этой проблематики нет.

Таблица 3

Распределение газетных материалов по индексу "тематический диапазон"

Тематика, %	ЗЮ	Р	Зв	НГ	СБ	БДГ	Св	НВ	БГ	И
Экономика	19,2	36,3	25,8	30,5	36,5	59,9	15,7	25,8	49,4	13,6
Оборона	-	2,0	-	2,9	3,1	2,5	2,9	2,6	4,6	1,1
Политика	18,2	14,7	9,6	24,8	21,9	22,9	35,7	20,5	33,3	21,6
ИТОГО	18,2	16,7	19,6	27,7	25,0	25,4	38,6	23,1	37,9	22,7
Права человека	4,0	1,0	1,0	2,9	3,1	1,9	7,1	1,1	1,1	5,7
Закон	5,1	12,7	8,8	3,8	4,2	6,0	-	5,3	-	-
Криминал	5,1	8,8	8,2	8,6	8,3	8,3	14,3	5,8	6,9	8,0
ИТОГО	14,2	22,5	18,0	15,3	15,6	16,2	21,4	12,2	8,0	13,7
Культура	29,3	11,8	19,1	17,1	13,5	3,8	21,4	21,1	3,4	18,2
Развлеч.и спорт	9,8	8,1	11,3	6,7	3,1	-	2,9	12,1	1,1	27,3
ИТОГО	39,1	19,9	30,4	23,8	16,6	3,8	24,3	33,2	4,5	45,6
Светская хрон.	-	-	-	1,9	1,0	-	-	3,7	-	-
Советы	6,1	2,9	6,2	1,0	5,2	-	-	2,1	-	-

Раздел 6.3. Газета–аудитория: типология речевого взаимодействия (на материале белорусской печати)

Газетная продукция выполняет прежде всего информативную функцию. Именно из газет мы узнаем о том, что произошло в стране и в мире, именно благодаря газетам мы считаем, что это – наиболее значимые события дня, недели, месяца, года. Само понятие «информировать» по существу складывается из многих компонентов. Это и отбор событий, и их название (знаковое оформление), и интерпретация, и включение в поле обсуждения с читателем. Делается это так, чтобы читатель не сомневался – перед ним сама реальность. На деле же, **кодируя события в знаках**, средства массовой информации не просто воссоздают происшедшее, а как бы творят его заново и, перенося событие из мира вещей в мир знаковой реальности, порождают «свое событие».

Вслед за этим наступает **процесс декодирования**. Читатель подвергает знаковый материал, в который превратилось событие, собственной интерпретации. В итоге появляется не «само событие» и не «событие автора», а «событие читателя». То есть можно говорить не только о том, что одно событие порождает множество самых разных текстов (каждый автор его видит по-своему), но и о том, что один и тот же текст отражает множество событий (каждый читатель видит в нем свое событие).

Многозначность текста изначально порождается тем, что текст есть и событие (точнее, отраженное событие, элемент **картины мира**), и знак (элемент **языковой картины мира**). Но, помимо этого, многозначность текста как бы удваивается благодаря тому, что он содержит в себе социальные характеристики (является элементом **интерсубъектной картины мира**, т.е. картины социального взаимодействия) и характеристики виртуальные (элемент **интертекстуальной картины мира** – значение и значимость текста определяются в контексте других текстов, функционирующих в обществе).

Все это необходимо иметь в виду при изучении текстов средств массовой коммуникации как социологического документа. Современный контент-анализ, широко используемый для изучения социальной реальности, недостаточно учитывает это поле многозначности текста. Мы же полагаем, что у данной методики есть определенные возможности в плане расширения исследовательского диапазона. В частности, полагаем, что методом контент-анализа мы можем исследовать не только предметное (реферативное, пропозиционное) содержание текстов, но и их кортежное (иллокутивное, интерпретативное, субъектно-фокусированное) содержание. С этой целью нами были переосмыслены некоторые уже задействованные категории анализа, разработаны новые, продуманы варианты их декодирования с учетом полей их взаимодействия – содержательных индексов изданий.

Данная методика позволяет изучить план содержания дискурса с позиций его сугубо коммуникативных характеристик.

Так, целью нашего исследования стало изучение характера речевого взаимодействия средств массовой коммуникации, а точнее газетных изданий Беларуси, со своими читателями, определение основных типологических черт наших изданий в аспекте их коммуникативного прочтения. Мы посчитали важным изучение также и этого слоя содержания, ибо газеты, тиражируя модели речевого поведения, оказывают значительное воздействие на аудиторию тем, что закрепляют эти модели как эталонные, нормативные, что естественно предполагает их воспроизведение членами дискурсной группы, то есть аудиторией в самых разных ситуациях.

Материалом нашего исследования стали субъекты макроуровневой коммуникации – шесть белорусских периодических изданий («Белорусская деловая газета», «Звезда», «Народная воля», «Народная газета», «Свабода», «Советская Белоруссия»), изучение характера речевого поведения которых потребовало от нас решения следующих задач: идентифицировать субъектно-ориентированные содержательные параметры текста в качестве основных категорий исследования, определить их количественные (удельный вес) и качественные характеристики. В круг основных категорий вошли: (1) модальность – отражение событий как реальных (нейтральная модальность) либо нереальных (желательных, возможных, необходимых) и, тем самым, актуализация знаковой картины мира; (2) жанр – предпочтения в выборе способа подачи материала; (3) форма аргументации (фактологическая, эмоциональная,

смешанная); (4) позиция – маркированность интересов в диапазоне общегражданских (интернациональных), национальных (культура, традиции, самость), профессиональных; (5) оценка (положительная, отрицательная, нулевая, взвешенная) – рассмотрение ситуации в диапазоне аргументов «за» и «против»; (6) адресант (редакционные, в том числе авторские материалы, сообщения и комментарии агентств); (7) кортеж – тип общения (демократический или авторитарный, широкий (массовый) или узкий (профессионально-ориентированный, *качественный*).

Чтобы «укоренить» заданные категории в нашей исследовательской модели, следует более детально и целенаправленно раскрыть их содержание.

1. **Модальность.** Это далеко не новая категория контент-анализа, но для нас важно подчеркнуть, что она имеет дело с полярными противоположностями: реальность-нереальность материала. Причем когда речь идет о «нереальности», тем самым не исключается возможность существования данного явления, но оно как бы выводится за пределы реальности благодаря актуализации отношения к нему. Его значение либо нарочито принижается (факт его существования делается сомнительным, иллюзорным), либо завышается его реальный вес (случайное и малозначимое возводится в ранг существенного, абсолютно необходимого). Иначе говоря, это ситуация, когда отношение «перекрывает» объект и уже трудно сказать, существует ли он в действительности или является исключительно плодом нашего воображения. В любом случае модальная характеристика текста отражает позицию субъекта, его желание или нежелание считаться с жизненными реалиями, способность или неспособность противостоять им и подчинить своей воле.

Модальность может пониматься и в более широком смысле – как факт соотносимости субъектно-предметной и субъектно-субъектной деятельности, а значит, как факт наличия, наряду со значением, и значимости текста. Такое понимание модальности требует иной маркированности. В данном случае степень значимости газетных текстов замерялась с помощью таких маркеров (категорий анализа), как размер материала, расположение в номере и на странице.

2. **Жанр.** Это мимикрическая характеристика текста, подчеркнуто нейтральное или, наоборот, активное выражение в социально значимой знаковой форме отношения автора к событию и к читателю. В настоящее время деления жанров на информационные и аналитические недостаточно, ибо все чаще мы встречаемся с материалами, в которых присутствуют оба компонента, и их можно было бы назвать информационно-аналитическими. Однако здесь мы сохранили дихотомию «или-или», чтобы уловить тенденцию газеты – она идет **за** фактом или **вперед** факта. Для этих целей оказалось вполне «работоспособным» традиционное определение информационных жанров как «небольших по объему хроникальных, часто детализированных сообщений, не содержащих выводов и комментариев» и отвечающих на пять вопросов – кто, что, где, когда, почему? Аналитические материалы мы рассматривали как

«значительный по объему материал, в котором ставится и исследуется какая-либо злободневная проблема, содержатся конкретные рекомендации и выводы». Мы не идентифицировали в данном случае такие жанры, как художественно-публицистические, – их практически не было в нашей выборке. Но посчитали нужным выделить мнения читателей и политиков, ибо таких материалов было множество и они «задавали тон» всей выборке.

3. **Форма (тип) аргументации.** Для ее определения решающее значение имеет соотношение фактов и эмоциональных посылов как средств доказательства и убеждения. **Фактологический тип аргументации** означает, что материал опирается на объективированную информацию, то есть «событийные аргументы». Мы намеренно употребили слово «объективированная» вместо «объективная», чтобы подчеркнуть тот факт, что воспроизводимое в тексте событие является следствием отбора фактов, лексики (лексических ярлыков, знаков) и способов подачи. Здесь на поверхности (эксплицитно) – признание самозначимости предмета коммуникации.

Эмоциональный тип аргументации означает, что осью материала является отношение субъекта коммуникации (главным образом адресанта) к происходящему. В этом случае информацию легко считывать, поскольку авторское отношение заявлено открыто. Оно концентрируется на одном из полюсов оценочной шкалы «хорошо-плохо» и имеет свою номинацию (лексическую, грамматическую, синтаксическую). В такого рода текстах почти всегда используются приемы ценностной пропаганды, назначение которых воздействовать на аудиторию «через чувства, минуя мозг». Здесь на поверхности – факт самозначимости субъектов общения, перенос отношения автора на аудиторию (приемы «общий вагон», «свои ребята»).

Смешанный тип аргументации соединяет оба подхода. Это, словно, двойной прессинг, фактологическая картина дополняется эмоциональной.

4. **Позиция** газеты/автора. Она маркируется нами в диапазоне: национальные, профессиональные, гражданские (групповые, классовые) интересы. Впрочем, последняя позиция в анализируемом дискурсе СМИ была во многих случаях достаточно размыта и имела как бы надклассовые, интернациональные, общегражданские характеристики. Категория «позиция» – это своеобразный двойник категории «форма аргументации», но если в последней мы имеем дело с формальным содержанием, то здесь (в категории «позиция») непременно присутствует номинал (аргумент так или иначе, теми или иными языковыми средствами назван).

5 и 6. Категории **оценки** и **адресанта** – не нуждаются в характеристике, поскольку они трактуются нами в общеупотребительном смысле.

7. **Тип общения** раскрывается через кортеж. Термин «**кортеж**» (**кортежное или интересубъектное содержание**) используется для определения содержательных параметров текста, в которых фиксируется характер взаимодействия коммуникантов (адресанта и адресата). Если один из общающихся не вошел в кортеж, т.е. не знает по тем или иным причинам правил общения

(отсутствие коммуникативных навыков), то знаковая информация не достигает цели. Это ситуация «диалога с выключенным микрофоном». Включиться в общение может только тот, кто слышит говорящего. Нельзя говорить о том, что текст рассчитан на широкий тип общения, если он, например, не имеет типовой структуры.

Рассмотрим конкретные инварианты речевого поведения.

Широкий тип общения характеризуется следующими параметрами: направленностью на максимально большую аудиторию, что выражается в высокой степени доступности (низкая цена издания, устоявшаяся периодичность, распространение через государственные службы или хорошо налаженную частную сеть, возможность подписки), а с лингвистической точки зрения в доступности понимания (отсутствие узкопрофессиональной терминологии, разговорные обороты, ссылки на популярные тексты – интертекстуальные аллюзии, широкое использование общих мест, расхожих стереотипов, низкая степень имплицитности, коннотативности, опора на фоновые знания).

Широкий демократический тип общения имеет свою собственную нарративную специфику: диалогичность, приглашение к размышлению, открытость текста (возможность своих интерпретаций у аудитории, домысливание того, что передает адресант, фактический отказ от «единственно правильного» прочтения текста).

Широкий авторитарный тип общения. Это – назидательность, «авторитетность», в некоторых случаях дидактичность, закрытость текста (отсутствие вариантов: «текст значит то, что он значит, и ничего более»).

Для **узкого типа общения** характерна: меньшая степень доступности (высокая цена, «пляшущая» периодичность, ограниченное распространение) и ориентация на подготовленного читателя (специальная терминология, ограниченное употребление разговорных оборотов, ссылки на «герметичные» тексты, большая степень имплицитности, актуализация дополнительной информации через возможные логические выводы, инференциальная семантика). Характерно, что нарушение коммуникативного ожидания не является помехой для понимания таких текстов.

Узкий демократический тип общения имеет свою нарративную специфику: авторская маркированность текстов, композиционное и жанровое своеобразие, особые речевые стереотипы. Такие тексты в целом характеризуются открытостью, т.е. возможностью различных толкований, но в то же время требуют внимательного прочтения мыслей адресанта.

Узкий авторитарный тип общения сохраняет такие нарративные черты авторитарного текста, как назидательность и закрытость, однако имеет иное интертекстуальное содержательное поле. Он рассчитан на элитные группы функционеров массовых движений и организаций.

Аналитические категории образуют сложное «силовое поле», порождающее межкатегориальные единицы. Эти многоплановые определения име-

ют, как правило, дихотомическую структуру и могут служить **содержательными индексами газетного издания**:

- *монологичность-диалогичность,*
- *открытость-закрытость,*
- *популярность-качественность,*
- *информативность-аналитичность,*
- *информативность-дидактичность,*
- *коммуникативная дистанцированность субъектов.*

■ **Индекс монологичности-диалогичности издания.** Газета как средство коммуникации «по определению» диалогична. Однако нередко диалог с читателем носит ограниченный и во многом формальный характер. Газета словно говорит сама с собой: сама «делает» новости, решает «созданные» ею же проблемы, замыкаясь на узком круге тем, сокращает поле дискурсов. При этом искусственно сужается *возможность реплик*. Это происходит по причине как объективного порядка (нечего больше сказать), так и субъективного (внутренняя цензура редакции). В этом случае даже фактура социологических исследований перестает быть полем дискуссий: иная газета просто «вытаскивает» «свои» проценты и прогнозы. Монолог становится приговором газете, если она теряет обратную связь с читателем, перестает искать его участия в рассмотрении жизненно важных проблем. Однако «на старте» новая идеологическая позиция может и, пожалуй, должна тяготеть к монологической форме. Прежде чем услышать отклик аудитории, необходимо изложить свои взгляды, всесторонне обосновать их и раскрыть. Иначе говоря, монолог вполне оправдан, если служит вступлением к диалогу, провоцирует его и направляет. Для молодой газеты это естественный начальный этап ее становления, а для сформировавшейся газеты означает резкие изменения в политике газеты, сужение читательской аудитории и может быть ее финалом. Термин «монолог» получил широкое распространение применительно к описанию советского политического дискурса. Это говорит, в частности, о том, что авторитарность – характерная черта монологического общения. Но далеко не единственная. В этом содержательном индексе потенциально присутствует авторская или адресантная маркированность газетных изданий. Институциональность лишает информацию диалогической открытости, тогда как авторская маркированность, идентификация собеседника вызывают ответную реакцию, желание возразить, отвергнуть, подтвердить. Другими категориями анализа, имеющими непосредственное отношение к этому индексу, является жанр, язык (переход на двуязычие), объем (который также подлежал замеру в нашем исследовании).

■ **Индекс открытости-закрытости.** Термины «открытый» либо «закрытый» пришли к нам из культурологии и обозначают степень широты интерпретационного диапазона текста, возможность или невозможность иной трактовки, переход плана содержания из поля адресанта в поле адресата. Для определения этого содержательного индекса возможно использование таких категорий, как авторская маркированность, тип аргументации, тип общения, жанр.

- **Индекс популярности-качества издания.** Эти характеристики заимствованы из англосаксонской традиции и связаны со следующими признаками: для популярных изданий это – сенсационность, поверхностность изложения, невзыскательность, пренебрежение к фактам, излишняя эмоциональность, прямолинейность стиля, сниженность стилового регистра; для качественных изданий – это специализация, глубина и логика изложения, авторская ответственность и неизбежно меньшая, но стабильная аудитория. Здесь важны замеры следующих категорий: тип аргументации, жанровая палитра, позиция.
- **Индекс информативности-аналитичности.** В нем взаимодействуют и соединяются жанры и типы аргументации. Это происходит в широком диапазоне – от эмпирических доводов до теоретических соображений и логических конструкций.
- **Индекс информативности-дидактичности** характеризует степень дистанцированности участников общения (адресанта и адресата). Здесь активную роль играет избранный жанр, но решающее значение имеет модальность, вернее, учет вариантов развития событий как реальных или вероятностных, всесторонность и взвешенность выводов.
- **Индекс статичности-динамичности** позволяет проследить изменение во времени позиций, оценок, типов общения, замерить модальные сдвиги, сопоставить и соединить столь разные параметры издания, как способность отзываться на новые веяния и умение сохранять свое лицо.

Качественные оценки содержания газет приобретают объективный смысл в результате измерения. С этой целью использовались следующие количественные характеристики:

- а) удельный вес авторских и читательских материалов по отобранной проблематике, а также материалов со ссылкой на агентства новостей;
- б) интенсивность (частота появления), занимаемая площадь, анонсирование, размещение на первой странице либо на внутренних полосах, сопровождение материала фотографиями, рисунками, карикатурами, шаржами;
- в) распределение материалов с учетом языка издания (русский или белорусский) в двуязычных изданиях; наличие языковых предпочтений с учетом модальности, оценки, аргументации, типа сообщения, позиции, жанра материала (удельный вес материалов на каждом из языков с учетом всех этих позиций).

Приступая к исследованию, мы исходили из следующей **гипотезы**: характер взаимодействия «газета-читатель» может быть представлен разными типовыми моделями. Их выбор определяется типологией издания: государственная или частная пресса, популярные (таблоидные) или качественные газеты. В ходе исследования предварительные типологические характеристики могут уточняться или видоизменяться.

В частности, мы полагали, что анализируемые газеты будут относиться в большинстве своем к популярному (таблоидному) типу издания, но какие-то из

них – к смешанному типу, а значит, большинству материалов будут присущи эмоциональный и смешанный типы аргументации, широкий тип общения; в целом, ирреальная модальность будет превалировать над нейтральной модальностью, перевешивая дихотомию информативность-дидактичность в пользу второй ее половины; подача материала с позиций национального интереса будет доминантной.

Общая характеристика анализируемых материалов. Исходным материалом исследовательской программы послужили газетные публикации, посвященные интеграции Беларуси с Россией.

Выбор темы не случаен. Во-первых, важно было проанализировать, как газеты реагируют на значимые события. Во-вторых, острые дискуссии вокруг договора о союзе двух государств, неоднозначность в оценках и способах подачи материала позволяли сопоставить и описать различные модели общения.

В выборку вошли следующие издания за период апрель – май 1997 года: «Белорусская деловая газета» (БДГ), «Звезда» (Зв), «Имя» (И), «Народная газета» (НГ), «Свабода» (Св), «Советская Белоруссия» (СБ). Всего был проанализирован **251 материал**. Из них:

«Советская Белоруссия» – 69 материалов (27%);

«Народная газета» – 51 (20%);

«Звезда» – 44 (17,5%);

«Свабода» – 34 (13,5%);

«БДГ» – 29 (11,6%);

«Народная воля» - 24 (10%).

Причем в двуязычных газетах материалы распределились следующим образом: «Народная воля» – 14 материалов на русском и 10 на белорусском языках; «Народная газета» – 39 материалов на русском и 12 на белорусском языках; «Свабода» – 12 материалов на русском и 22 на белорусском языках.

6.3.1. Сопоставительный анализ вербального поведения газет с учетом содержательных параметров

Материалы о союзе России и Беларуси практически во всех газетах освещались с позиции их национальной значимости (**культура, традиции, самость нации**). Причем в количественном измерении наиболее ярко проявилась **национальная позиция**. В «Народной воле» — 91,7% всех материалов этой газеты, далее по убывающей следовали «Свабода» (85,3%), «БДГ» (82,8%), «Звезда» (72,7%), «Советская Белоруссия» (65,2%), «Народная газета» (60,8%).

Следующей по значимости оказалась (во всех изданиях, кроме «БДГ») **общегражданская позиция газеты**. Здесь шкала лидерства имеет противоположную тенденцию:

«Народная газета» – 35,3% всех материалов;

«Советская Белоруссия» – 23,2%;

«Звезда» – 118,2%;
 «Свабода» – 8,8%;
 «Народная воля» – 8,3%;
 «БДГ» – 6,9%.

Хотя тенденцию к предпочтению **профессиональной позиции** перед общегражданской показала одна-единственная газета – «Белорусская деловая газета», но в количественном плане таких материалов у нее чуть меньше, чем в «Советской Белоруссии» (10,3% против 11,6%), и почти столько же в «Звезде» (9,1% материалов). Материалы, отражающие профессиональный интерес к событию, встретились также в «Свабодзе» (5,9%) и «Народной газете» (3,9%). В «Народной воле» таких материалов не было.

Представляя газету как выразителя национального и/или общегражданского интереса, важно проследить сопутствующие характеристики – модальность и оценку текстов. Модальность материалов, в которых выражался национальный интерес, отражена в табл. 1.

Таблица 1

Распределение модальных характеристик в материалах с актуализированным национальным компонентом семантики

Модальность, %	НВ	Св	БДГ	Зв	СБ	НГ
Необходимо	50	44,8	33,3	68,8	73,3	83,9
Возможно	–	3,4	8,3	3,1	2,2	3,2
Желательно	4,5	3,4	8,3	–	17,8	–
Нейтрально	45,5	48,4	50,1	28,1	6,7	12,9

Модальность материалов, в которых выражался общегражданский интерес, представлена в табл. 2.

Таблица 2

Распределение модальных характеристик в материалах с актуализированным гражданским компонентом семантики

Модальность, %	НВ	Св	БДГ	Зв	СБ	НГ
Необходимо	50	33,3	50	87,5	56,3	94,4
Возможно	–	–	–	–	6,1	–
Желательно	–	33,4	50	–	18,8	–
Нейтрально	50	33,3	–	12,5	18,8	5,6

Если сравнить эти показатели с итоговыми цифрами, по всей выборке обнаружатся сходные тенденции (см. табл. 3). Газеты, учредителями которых являются государственные органы, публикуют больше материалов в дидактическом ключе – что «должно быть», что «необходимо», и в меньшей степени – что «есть на самом деле или может быть». Частные издания, в свою очередь, демонстрируют тенденцию к нейтральной модальности, то есть описывают события такими, какие они есть, какими выглядят, какими, по всей вероятности, будут.

Таблица 3

Распределение модальных характеристик в материалах всей выборки

Модальность, %	СБ	НГ	Зв	НВ	Св	БДГ
Необходимо	72,5	88,2	70,5	50,0	41,2	34,5
Возможно	2,9	2,0	2,2	-	5,9	6,9
Желательно	13,0	-	-	4,2	2,9	10,3
Нейтрально	11,6	9,8	27,3	45,8	50,0	48,3

В зависимости от позиции газеты варьируется **характер оценки** события.

Так, в «**Народной воле**» национальная позиция предстает в текстах, 63,6% которых дают отрицательную оценку событию, а 22,7% – взвешенную, в то время как общегражданская позиция представлена исключительно материалами с отрицательной оценкой, из чего мы можем сделать вывод о высокой степени эмоциональности в выражении своей позиции, а также о высокой степени партийной ангажированности.

В «**Свободзе**» национальная позиция выражена текстами в большей степени с отрицательной оценкой (62,1%), но есть материалы и с положительной (13,8%), и с взвешенной оценкой (те же 13,8%). Общегражданская позиция представлена более ровно (по 33,3% материалов с положительной, взвешенной и отрицательной оценкой). То есть материалы в этой газете носят практический характер по отношению к идее интеграции. Можно предположить, что газета в большей степени, чем «Народная воля», предоставляет читателям право выбора в интерпретации события.

В «**Белорусской деловой газете**» преобладает взвешенная оценка при обсуждении национальной позиции – 54,2% (отрицательная – 20,8%, положительная оценка – 16,7%). Но в текстах, отражающих общегражданскую позицию, — 50% отрицательных и 50% взвешенных оценок. Некоторая «отстраненность» газеты, ее демонстративная неангажированность выражены в стремлении побудить читателя к самостоятельным раздумьям и выводам. Это предполагает зрелую аудиторию, способную обсуждать разные стороны проблемы без эмоционального перехлеста. Газета строится как открытый текст и рассчитана на активное участие аудитории в интерпретации информации, т.е. переводит план содержания от адресанта к адресату.

В «**Звезде**» тексты с акцентом на национальный интерес распределились так: положительная оценка – 62,5%, отрицательная – 18,8%, взвешенная – 18,8%. В то же время общегражданская позиция получает либо положительную оценку (87,5%), либо отрицательную (12,5%). Это напоминает распределение оценок в «БДГ», однако с той разницей, что газета, при видимой демократичности, стремится управлять отношением читателя к событиям.

В «**Советской Белоруссии**» национальная позиция изложена текстами с положительной оценкой (53,3%), взвешенной (22,2%) и отрицательной (20,0%). Для общегражданской позиции эти цифры составили 56,3% с положительной, 18,8% взвешенной и 18,8% нейтральной оценкой. Газета стремится показать себя демократичной, однако в выражении общегражданской позиции ей это удастся в меньшей степени: дискуссионное поле сужено, преобладает безальтернативная интерпретация события.

В «**Народной газете**» национальная позиция представлена 77,4% текстов с положительной, 9,7% – взвешенной и по 6,5% – с отрицательной и нейтральной оценкой, а общегражданская – 88,9% текстов с положительной оценкой против 11,1% с взвешенной. Малый процент альтернативных видов оценки говорит о незначительности дискуссии для газеты, и, таким образом, газета тяготеет к монологичности.

Такие характеристики, как монологичность-диалогичность издания, открытость-закрытость его текстов, не дают основания для однозначной типологизации (отнесение к «популярному» или «серьезному» изданию). Более существенным индикатором является тип аргументации: опора на голые эмоции или достаточно уважительное отношение к фактам (табл. 4).

Таблица 4

Тип аргументации в материалах всей выборки

Тип аргументации, %	СБ	НГ	Зв	НВ	Св	БДГ
Фактами	39,1	25,5	27,3	41,7	38,2	31,0
Эмоциями	1,5	2,0	-	8,3	-	-
Смешанный	59,4	72,5	72,7	50,0	61,8	69,0

Из всех материалов выборки 82,6% были авторские, остальные – редакционные либо сообщения информационных агентств (БЕЛТА – 12,5%, ИНТЕРФАКС – 2,9%, БЕЛАПАН – 1,7%). Больше всего редакционных материалов было в «Советской Белоруссии» (58,9%) и в «Белорусской деловой газете» (71,4%); в «Народной газете» и «Свабодзе» было соответственно 8,9% и 5,4%. Они не встречались в «Звезде» и «Народной воле».

Случалось, правда, достаточно редко, что публицисты и обозреватели публиковали свои материалы в разных газетах. Результаты анализа показали, что одни и те же авторы встретились в таких газетах, как: «Зв»–«СБ»–«НГ», «Зв»–«БДГ», «Зв»–«СБ»–«НГ»–«НВ». То есть мы наблюдаем здесь достаточное разнообразие, однако есть одна закономерность: во всех случаях это – газета «Звезда», что говорит о ее особом статусе среди всех анализируемых газет.

Распределение жанров дает важную информацию о различиях в материалах государственных и частных изданий (табл. 5).

Так, газеты отдали предпочтение следующим жанрам. Удельный вес информационных материалов (репортаж, заметка) был наибольшим в «Звезде», «Народной газете» (более трети всех публикаций) и наименьшим в «БДГ» – 6,9%. Аналитике отдавали предпочтение «Свабода», «Народная воля» и «БДГ» (от половины до 1/3 всех материалов). Мнение политиков интересовало главным образом «БДГ», тогда как в остальных изданиях это мнение было представлено значительно реже (наибольшая все же у «Свабоды», а наименьшая у «Народной газеты»). Мнения читателей составили чуть больше трети всех материалов в «Советской Белоруссии» и «Народной газете», и меньше всего им интересовались «БДГ», «Свабода» и «Звезда», впрочем, последние две газеты не публиковали обращений общественных организаций (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение жанров в материалах всей выборки

Жанры, %	СБ	НГ	Зв	НВ	Св	БДГ
Информация	24,5	29,4	47,7	20,8	23,6	6,9
Аналитика	15,9	17,6	18,2	45,8	50,0	31,0
Мнение читателей	37,7	37,3	4,5	16,8	2,9	-
Мнение политиков	13,2	7,8	27,3	8,3	20,6	51,8
Обращения общ. организаций	5,8	7,8	-	8,3	-	6,9
Социологическая информация	2,9	-	2,3	-	2,9	3,4

В двуязычных изданиях – «Народной газете», «Свабодзе» и «Народной воле» – суммарное распределение языков по жанрам было следующим (табл. 6 и 7).

Таблица 6

Распределение белорусского и русского языков в материалах двуязычных газет Беларуси по каждому из основных жанров выборки

Жанр, %	Русский язык	Белорусский язык	Всего
Информация	25,7	74,3	100
Аналитика	64,9	35,1	100
Мнение читателей	91,7	8,3	100
Мнение политиков	38,5	61,5	100

Таблица 7

Распределение основных жанров в материалах двуязычных газет Беларуси согласно их языковой принадлежности

Язык, %	Информация	Аналитика	Мнение читателей.	Мнение полит.	Всего
Русский	15,4	36,9	33,8	7,7	93,8
Белорусский	40,9	29,5	4,5	18,2	93,1

Как видно из таблиц, белорусский язык был, главным образом, языком информации и языком политиков, а русский – это язык аналитических материалов и язык читателей.

Если же мы посмотрим на ситуацию в каждой из этих трех газет, то увидим следующее:

- В «Свабодзе» общая тенденция повторилась. Так, мнения читателей представлены исключительно на русском языке, мнения политиков – только на белорусском языке, соотношение информации на русском и белорусском – 12,5% против 87,5%, аналитики – 58,8% против 41,2%.
- В «Народной воле» языковая ситуация выглядит несколько иначе. Мнения читателей и политиков представлены одинаково в русских и белорусских материалах (50% и 50%), аналитика дана в основном на русском языке (72,7% против 27,3%), а информация – на белорусском (60% против 40%).
- В «Народной газете» мнения и читателей, и политиков встречались только на русском языке, аналитика – на две трети на русском (66,7% против 33,3%), а в информации русский язык перевесил совсем ненамного (53,3% против 46,7%).

Преобладающий **тип общения** позволяет оценить особенности читательской аудитории. Исследование показало (табл. 8), что лишь «Белорусская деловая газета», «Звезда», «Свабода» и «Советская Белоруссия» в какой-то степени тяготеют к «серьезному» или хотя бы «смешанному» типу издания.

Таблица 8

Распределение материалов в каждом из изданий выборки согласно типу общения издания с аудиторией

Тип общения, %	СБ	НГ	Зв	НВ	Св	БДГ
Широкий демократический*	97,2	98,0	93,2	100	97,1	86,2
Узкий демократический*	1,4	-	4,5	-	2,9	6,9
Широкий авторитарный*	1,4	2,0	2,3	-	-	6,9

*Слова «демократический» и «авторитарный» выступают в нашем исследовании как типологические, но не идеологические маркеры.

Косвенно эта тенденция подтверждается достаточно скромным удельным весом материалов, в которых события рассматривались с позиции профессиональных интересов: «Советская Белоруссия» – 11,6%, «БДГ» – 10,3%, «Звезда» – 9,1%, «Свабода» – 5,9%, «Народная газета» – 3,9%, «Народная воля» – 0%.

Проведенное пилотажное исследование позволяет оценить направленность содержания каждой из газет с учетом степени их «диалогичности-монологичности», «открытости-закрытости», популярности-качественности», «информативности-аналитичности», «информативности-дидактичности». В частности, можно выделить следующие типы изданий:

- **популярные издания** («Народная воля», «Народная газета») с достаточно сильной монологической и дидактической доминантой, однако сохраняющие равновесие (повернутость к диалогу), благодаря тому, что в них публикуется значительное количество открытых текстов, проводится зондаж читательского мнения;
- **издания смешанного типа** («Советская Белоруссия»), где доминируют диалогические формы общения, однако склонность газеты к конструированию «своей реальности» (преобладание ирреальной модальности), некоторая закрытость текстов, использование сугубо эмоциональных форм аргументации оставляют ее в «межтиповом» пространстве;
- группа газет, тяготеющая к серьезному, **качественному типу** («Белорусская деловая газета», «Звезда», «Свабода»).

Раздел 6.4. Тематические поля газетного текста (исследование с применением компьютерной программы KWALITAN)

Методика контент-анализа достаточно строга. Исследователь строит свою программу, собирает базу данных, обрабатывает материал статистически. При этом, как правило, задействованы огромнейшие массивы текстов. Понятно, что подобные исследования весьма трудоемкий процесс, и не удивительно, что многие операции этой методики переданы компьютеру. Поэто-

му и характеризуется данная методика как качественно-количественная, а порой даже как количественная.

Контент-анализ исследует текст как социальный документ: что текст репрезентирует, какая реальность в нем отражена. Это – анализ плана содержания дискурса СМИ в данный момент, срез общества в конкретный промежуток времени, содержание в статике, зафиксированное через определенную сетку слов и словосочетаний. Динамика изменений фиксируется с помощью мониторинга, который позволяет определять тенденции в изменении плана содержания текста. Впрочем, слово «текст» здесь не совсем к месту. Методом контент-анализа изучается массив текстов, а точнее, дискурс. Границы массива определены выборкой, которая не имеет никакого отношения к границам текста как такового.

Современные технологии, воспроизводящие тексты без малейших изменений и тиражирующие их в любом масштабе, превращают их в цельные знаки коммуникации. Эти тексты, функционирующие в обществе, теряющие всякую связь с адресантом, становятся, по существу, «блуждающими субъектами» коммуникации.

Существует мнение, что тексты, направленные на определенную аудиторию, не могут быть полисемичными. Направленность сворачивает многозначность до минимума (Есо, 1979), а значит, изучение таких текстов методом контент-анализа, который фиксирует одно значение, лежащее на поверхности, и не принимает в расчет возможность актуализации других, вполне оправданно. Однако такое понимание предполагает использование текстов в определенное время, в текстовом окружении текстов, в определенной аудитории и т.д. Изменение контекста серьезно влияет на его восприятие аудиторией.

Изучение того потенциала, который несет в себе текст как языковой знак, принципиально важно. Причем общепризнан тот факт, что актуализация тех или иных аспектов содержания зависит от многих причин. При многочисленности аудитории и варьированности условий коммуникации для изучения репрезентативного содержания текстов СМИ необходим учет не только эксплицитного, но и имплицитного, не только денотативного, но и интерпретативного, не только манифестируемого, но и латентного содержания. В таком случае речь должна идти о принципиально отличной (от контент-анализа) исследовательской программе. Такие исследования проводятся в рамках качественных методик анализа текста.

Для количественных методик (контент-анализ) и методик качественных (структурный анализ текста) характерно принципиально отличное видение плана создания текста. В работе Дэниса МакКуэйла «Введение в теорию массовой коммуникации» (McQuail, 1994, 278-280) суммируются различные подходы к текстовому анализу по следующим «осям»-дихотомиям:

контент-анализ – структурный анализ;
квантитативный – квалитативный;

фрагментарный – холистичный (holistic=цельный);
системный – селективный;
обобщающий – иллюстративный;
интенсивный – спецификативный;
объективный – субъективный;
манифестируемое – латентное (потенциальное) значение.

Прокомментируем некоторые из данных характеристик.

Структурный анализ (равно как и другие виды анализа данной парадигмы, например семиологический, являющийся, пожалуй, основным интерпретативным подходом) не требует квантификации, ибо для него существенны такие содержательные отношения текста, как оппозиция и контекст, а не число и баланс с действительностью.

Внимание в структурном анализе привлечено к латентному содержанию. Именно оно считается достаточно глубоким и существенным (манифестируемое содержание рассматривается как содержание поверхностное и мимолетное).

Структурализм системен, но, в отличие от контент-анализа, он не придает особого значения процедуре выборки, и в результате единицы анализа далеко неравнозначны. В структурализме социальная действительность и мир культуры автономны и, следовательно, порождение текста (кодирование) и восприятие информации (декодирование) различны. Адресаты классифицируются согласно их «попаданию» в интерпретативные группы. В рамках этого подхода действительность и контент далеко неравнозначны для отправителя текста, получателя информации и исследователя.

Бесспорно, всякая методология имеет свои плюсы и минусы. Поэтому исследователи тяготеют к «ситуации дополненности» и допускают некоторое смешение подходов. Так, в смешанной парадигме методик работает широко известная в мире группа исследователей СМИ университета Глазго (Glasgow Media Group, 1976; 1980; 1985). Попытки синтеза количественных и качественных методик встречаются, в частности, при исследовании телевизионных текстов (Fiske, 1987).

Осознание значимости «параллельных» подходов, сближение парадигм количественных и качественных методик привели к рождению специальных компьютерных программ. Их особенность в том, что исходным материалом для обработки являются не числовые данные, а текстовые документы.

Одна из таких программ – KWALITAN. Она представляет собой прикладной программный пакет, работающий в операционной системе MS-DOS, занимающий 640 КБт памяти и предназначенный для количественного и качественного исследования текстовых документов. Данная программа дает много возможностей для исследователя. Некоторые из них мы рассмотрим подробно.

При работе с программой KWALITAN большое внимание уделяется подготовке исходных текстов. Исходный текст может состоять как из одно-

го цельного текстового документа, так и из нескольких отдельных документов, связанных темой исследования. Для того чтобы исходный текст мог обрабатываться на компьютере, он должен быть преобразован в рабочий файл программы KWALITAN. От того, как будет создан рабочий файл, во многом зависит конечный результат исследования. Здесь возникает двойная проблема. Во-первых, необходимо выполнить все требования, налагаемые на исходный текст компьютерной программой. Во-вторых, провести все подготовительные работы так, чтобы не потерять целостности первоначального текста. То есть чисто техническая задача ввода текстовых файлов становится частью исследования.

Приведем критерии формирования рабочего файла программы KWALITAN:

1. Исходный текст разбивается на документы, которым присваивается имя и порядковый номер.
2. Документы, в свою очередь, разбиваются на сегменты. Сегментом является логически цельный раздел документа, который может быть выделен в самостоятельный объект. Сегменту автоматически присваивается порядковый номер внутри документа.
3. Каждому документу присваивается идентификационный код. В отличие от имени документа, код содержит более развернутую информацию о документе, а также может «обслуживать» разные документы.
4. Исходный текст сохраняется на диске в виде ASCII-файла и с этого момента именуется как рабочий файл программы KWALITAN.

Далее программа предоставляет возможность для определения и описания ключевых слов каждого сегмента текста. Ключевое слово – это единичное слово или словосочетание, несущее основную смысловую нагрузку в данном текстовом отрезке. Для каждого сегмента текста программа позволяет ввести до 25 ключевых слов, состоящих не более чем из 20 символов.

Программа создает своеобразную библиотеку из ключевых слов и сохраняет ее в отдельном файле. Если при описании нового сегмента встречается уже упомянутое ключевое слово, оно может быть введено автоматически из библиотеки.

При проведении анализа возникает необходимость сортировок исходных данных с помощью специальных фильтров. Программа KWALITAN предоставляет пять фильтров для группировок внутри рабочего файла:

- по ключевым словам;
- по словам непосредственно из текста сегментов;
- по номеру документа;
- по номеру сегмента;
- по идентификационному коду сегмента.

В случае определения фильтра по словам возможно применение логических операций «и», «или», «не». Только проведя все предварительные

операции с исходным текстом, можно приступать к процедурам получения статистических результатов.

Предварительные операции с исходным текстом являются одновременно и лингвистическими операциями по преобразованию, а значит, и анализу текста. Здесь первоначальной задачей является выбор ключевых слов. Существует множество подходов к этой операции. Некоторые из них были рассмотрены выше (см. разделы 3.3, 3.4).

Один из возможных подходов к выбору ключевых слов предлагает каузально-генетическая теория плана содержания текста (см. раздел 1.3, а также введение). Эта теория позволяет учесть максимально полно все аспекты картины мира, представленной в тексте. Она исследует событийную картину мира, свернутую в текст, причем с учетом ее знаковой характеристики (план речевых ассоциаций и языковых коннотаций), картину социальных отношений, свернутую в текст, и ее знаковую репрезентацию. Помимо этого, можно вести речь о репрезентации других текстов в исходном, анализируемом тексте (план интертекстуальных ассоциаций) и одновременно определить, какими знаковыми средствами это осуществляется. Естественно, что каждый план репрезентации представлен своими ключевыми словами. При этом возможны и естественны пересечения содержательных планов, а значит, и ключевых слов.

Программа KWALITAN дает возможность учитывать все эти планы. 25 предлагаемых программой позиций для ключевых слов каждого речевого сегмента позволяют не только промаркировать каждый блок информации (например, по пять ключевых слов на каждую из четырех позиций – для небольшого сегмента текста этого, в принципе, достаточно), но и сделать другие пометки, например, охарактеризовать тип общения, жанр, тип аргументации, характер модальности, то есть некоторые из категорий, которые в настоящее время использует контент-анализ (см. разделы 6.2, 6.3).

Далее программа позволяет связать ключевые слова по каждому содержательному аспекту по всем абзацам и описать их с учетом протяженности, функциональной целостности и взаимодействия.

Бесспорно, возможны и другие группировки ключевых слов, например, с учетом категориальных элементов содержания текста, а именно: прагматического (оценочного), гносеологического (понятийного, информационного слоя), синтагматического (коллокативного) и парадигматического (знаково-ассоциативного, полевого). В любом случае мы поднимаем в процессе такого анализа текста одновременно несколько содержательных пластов и видим текст как структурно (отдельные элементы содержания), так и функционально (в единстве и взаимодействии различных его элементов).

Таким образом, компьютерная программа не только во многом облегчает труд исследователя, способствуя более четкой фиксации элементов с последующей их автоматической обработкой, но и отвечает задачам новых (синтезированных) исследовательских парадигм.

Проиллюстрируем работу программы KWALITAN на примере анализа статьи Натальи Айрапетовой в «Независимой газете» от 3 апреля 1997 года под названием «Объединение». Прежде чем приступить к анализу, отметим что эта публикация была одной из первых реакций российской прессы на подписание договора о союзе между Беларусью и Россией.

Анализ текста статьи основывается на методике, которую предлагает каузально-генетическая теория, и возможностях компьютерной программы KWALITAN.

Цикл исследования можно разделить на четыре этапа:

1. Субъективный анализ текста, в результате которого исследователь производит определение тематического объекта и тематического субъекта с дальнейшим выделением тема-рематических индикаторов и других слов-характеристик, знаково развивающих объект и субъект.
2. Количественный анализ тема-рематических индикаторов с помощью программы KWALITAN.
3. Качественный (синтагматический) анализ индикаторов с помощью программы KWALITAN.
4. Выводы на основе субъективных и объективных показателей и характеристик.

Весь дальнейший анализ базируется на определении новых категориальных понятий ключевого объекта, ключевого субъекта и структурных полей их принадлежности.

Ключевой объект – тематический объект или объекты; предметно-ориентированная тема (событие); центральный элемент темы (наряду с ключевым субъектом).

Ключевой субъект – тематический субъект или субъекты, названные в тексте как участники события и формирующие тематическое поле текста; центральный элемент темы (наряду с ключевым объектом).

Ключевым объектом внутри событийно-тематического блока анализируемой статьи является факт подписания **Договора о союзе**. А в плоскости ключевого субъекта оказались **Россия** и **Беларусь** как две юридические стороны, подписавшие договор.

Следующей ступенью анализа является рассмотрение того, как предметно-тематическое и субъектно-тематическое текстовые поля развиваются с учетом тех лексических единиц, которые непосредственно участвуют в номинативном процессе (в номинации события). Выделяя ключевые слова, можно заметить, что все они и в объектном, и в субъектном проявлениях имеют одинаковую структурную организацию. Ее можно классифицировать как структурные поля принадлежности.

Поля принадлежности – это логические структуры, в рамках которых осуществляется группировка слов-характеристик (лексических единиц поля), знаково развивающих ключевой объект и ключевой субъект текста. Структурные поля принадлежности делятся на:

1) поле принадлежности ключевого объекта;
 2) поле принадлежности ключевого субъекта;
 3) поле внешней принадлежности (здесь могут быть комментарии со стороны: автора, субъектов, не вошедших в поле ключевого субъекта, аудитории).

Для выбранных нами ключевого объекта и ключевых субъектов анализируемой статьи поля принадлежности определяются как:

- 1) российская принадлежность;
- 2) белорусская принадлежность;
- 3) общая (союзная) принадлежность;
- 4) внешняя принадлежность.

Приведем ключевые слова всего текста, относящиеся к описанию объекта (табл.1) и субъекта (табл.2), в соответствии со структурными группировками и с указанием в скобках номеров сегментов (в данном случае абзацев), в которых они зафиксированы.

Таблица 1

Тематический объект в его развитии

Российская принадлежность	Белорусская принадлежность	Общая принадлежность	Внешняя принадлежность
<i>собственный суверенитет* (7) суверенитет России(8) попытка государственного переворота(8)</i>	<i>собственный суверенитет (7)</i>	<i>договор (1,3,5) союз (1,2,3,4,5,6) меморандум (1) сообщество (1) общий корабль (1) Устав (1,4) важные документы(2) дискуссии(1) на грани срыва (1) праздник (1) новая ситуация (2) проблемы (2,4,) идти вперед (2,3) общая история (3) общие судьбы (3)</i>	<i>договор открыт для других государств(5) милости просим (5) возможные последствия (7)</i>
		<i>программа (3) широкое обсуждение(4) интеграция (5,6) общий бюджет (7) единое гражданство (7) поэтапное государственное воссоединение (8) объединение (8) единое суверенное государство (8)</i>	

* Далее курсив — текст статьи

Таблица 2

Тематический субъект в его развитии

Российская принадлежность	Белорусская принадлежность	Общая принадлежность	Внешняя принадлежность
<i>Россия (1,2,3,4,7,8) Б. Ельцин (1,2,3,4,7) президент России(2,3,4) В. Жириновский(1) А. Чубайс (1) Председатель Центробанка РФ С.Дубинин (4) российское правительство (4) Госдума РФ (8) вице-спикер Госдумы С.Бабурин (8) депутаты РФ (8) член партии «Демвыбор России» Ю.Рыбаков(8)</i>	<i>Белоруссия (1,2,4,5,6) А.Лукашенко(1,2,5,6) президент Белоруссии (6)</i>	<i>два президента (1) официант (1) зал, собравший всю политическую элиту обеих республик (2) стороны не питают иллюзий (2) правительства (5) экспертные группы (5)</i>	<i>некоторые лидеры СНГ (4) все народы бывшего СССР (6) пресс-секретарь президента Казахстана К.Кушербаев (7) Алма-Ата (7)</i>

На втором этапе исследования, применив процедуры получения частотных линейных распределений, выходим на количественные характеристики объектного и субъектного полей.

Для объектно-тематического поля получены следующие частотные характеристики.

Таблица 3

Частотные характеристики тематического объекта

№ п/п	Принадлежность	Слова-характеристики	Частотность
1	общая	<i>договор -4*, союз – 5, интеграция – 3, Устав – 2, сообщество, программа, меморандум , общий корабль, важные документы, объединение, праздник, дискуссии, на грани срыва, проблемы, широкое обсуждение, новая ситуация, идти вперед, общая история, общие судьбы, общий бюджет, единое гражданство, поэтапное государственное воссоединение, единое суверенное государство</i>	32
2	российская	<i>собственный суверенитет, суверенитет России, попытка государственного переворота</i>	3
3	белорусская	<i>собственный суверенитет</i>	1
4	внешняя	<i>возможные последствия договор открыт, «милости просим»</i>	3

* Число указывает на количество фиксации данного слова в тексте

Для субъектного поля получены следующие частотные характеристики

Таблица 4

Частотные характеристики тематического субъекта

№ п/п	Принадлежность	Слова-характеристики	Частотность
1	общая	<i>президенты, официант, зал, стороны, правительства и экспертные группы</i>	6
2	российская	<i>Россия – 20, Б. Ельцин – 6, президент России – 3, В. Жириновский, А. Чубайс, С. Дубинин, российское правительство, Госдума, С. Бабурин, депутаты РФ, Ю. Рыбаков</i>	34
3	белорусская	<i>Белоруссия – 14, Лукашенко – 4, президент Белоруссии</i>	19
4	внешняя	<i>некоторые лидеры СНГ, все народы бывшего СССР, Кушербаев, Алма-Ата</i>	4

Имея результаты количественного анализа, можно сделать некоторые предварительные выводы.

Поле ключевого объекта (договор), если рассматривать его в целом, выглядит достаточно значимо. Объект, на первый взгляд, подается как основа дальнейшей деятельности двух субъектов, вступающих в него. Но если проследить динамику слов, развивающих данную тему, то перед нами возникает противоречивая картина.

Для начала статьи характерны такие слова, как – *договор* (1,3,5), *союз* (1,2,3,4), *сообщество* (1), *меморандум* (1), *Устав* (1,4), *общий корабль* (1), *праздник* (1). Все эти слова имеют ярко выраженный **декларативный** характер, ибо они не имеют своего знакового развития. Они либо появляются единожды, либо повторяются в последующих сегментах как данность. Впрочем, имеется упоминание о том, что *дискуссии* (1) и *проблемы* (2,4) ставили *на грань срыва* (1) *подписание* (1) называемых документов, но по тексту они располагаются в таком мощном окружении «*праздников, общих кораблей и союзов*», что невольно тонут в их «волнах».

Анализируя развитие объекта по сегментам, мы видим, что он обрабатывается такими словами, как *идти вперед* (2,3), *программа* (3), *интеграция* (5,6), *широкое обсуждение* (4). Эти слова выступают как **слова-действия**. Но для анализа данной характеристики важно исследовать также их контексты: если эти действия **предшествовали** подписанию договора – это одно, а если эти действия **вызваны** подписанием – это совсем другое.

Объектное поле последних сегментов полностью замкнуто на возможных последствиях заключенного договора. Здесь обнаруживается следующая тенденция: вначале объект полностью находится в структурном поле общей принадлежности, а в конце текста объект входит в поля российской, белорусской и внешней принадлежности (это четко видно из табл.1). Сгруппируем объектное поле последних сегментов текста:

договор открыт для других государств (5), «милости просим» (5), собственные суверенитеты (7), общий бюджет (7), единое гражданство (7), возможные последствия (7), поэтапное государственное воссоединение (8), объединение (8), единое суверенное государство (8), попытка государственного переворота (8), суверенитет России (8).

Лексика последних сегментов показывает, что они носят **проблемный** характер. Важно отметить, что ключевые слова распределились по структурной горизонтали полей принадлежности, при этом слова, обозначающие общую принадлежность, противостоят словам, входящим в поле российской, белорусской и внешней принадлежности. За этим угадывается конфликтная ситуация, о которой в статье прямо не говорится. Это неявное противоречие замыкает поле статьи, т.е. читателя подталкивают к тому, что ему необходимо самому сделать выводы и определиться, как следует отнестись к этому событию.

Из всех слов ни в одну группировку не попали два ключевых слова *общая история (3)* и *общие судьбы (3)*. Имея характеристику «общая», эти слова были отнесены в структуру общей принадлежности и могут быть определены как **аргументы** в пользу союза, но такого рода аргументация выглядит неосновательной. Выходит, что нас объединяет лишь прошлое и процесс интеграции не имеет актуального обоснования.

Отсюда можно сделать предварительные выводы: поле декларации события количественно преобладает, поле развития неоднозначно, поле проблемы конфликтно, а поле аргументации неубедительно.

Рассмотрим состояние субъектного поля текста с учетом полученных количественных характеристик. Юридические субъекты договора *Россия* и *Белоруссия* в количественном плане выглядят вполне внушительно (20 и 14 соответственно). Но лексические частоты выдвигают на первый план лидеров двух государств (*Ельцин* – 6, *Лукашенко* – 4). Из анализа табл.2 и частотных распределений можно сделать следующие предварительные выводы:

1) в ключевую область субъектного поля журналист вводит *Ельцина* и *Лукашенко*;

2) наблюдается частотный перевес структурного поля российской принадлежности над белорусской;

3) российское субъектное поле представлено большим количеством разнообразных персоналий, а белорусское одним *Лукашенко*;

4) поле общей принадлежности представлено слабо с количественной точки зрения, но весомо в качественном плане;

5) в роли «третьего судьбы» выступает *Казахстан*, а все остальное внешнее поле очень неопределенно.

На третьем этапе исследования с помощью программы KWALITAN получаем списки контекстов ключевых слов и анализируем их синтагма-

тическое содержание. При этом качественные характеристики объекта рассматриваются в его динамике. Группа ключевых слов, характерных для первых сегментов текста, имеет следующие характеристики (мы приводим также цифры, указывающие на число повторений слов–качественных характеристик объекта):

новый – 3, наш – 2, динамично – 2, подписание – 2, сегодня, предыдущего, многочисленные проблемы, последние бурные, развивает, готов, решит, оказывался на грани.

Из списка видно, что проблемная группа качественных характеристик присутствует в рассматриваемом блоке, но позитивно-декларативные оценки количественно преобладают.

Далее посмотрим на слова-действия, влияющие на развитие темы. Приведем полностью коллокативные (контекстные) поля этих слов:

...утвержденная программа синхронизации...

...новый уровень интеграции...

...содействовать укреплению интеграции внутри СНГ...

...предстоящем широком обсуждении Устава...

В предварительном анализе был сформулирован тезис о том, что эти действия либо предшествовали подписанию, либо были вызваны подписанием договора. Из контекстных окружений видно, что интеграция пронизывает и прошлые и будущие временные пояса. Но она не может идти спонтанно и должна подчиняться определенным законам и правилам. Здесь мы сталкиваемся с явным противоречием: *программа синхронизации* уже утверждена, а подписанный *Устав* ждет широкое обсуждение.

Последняя группа ключевых слов, расположившихся в сегментах 5-8, представлена следующими полями контекстных окружений (коллокациями):

...договор открыт для всех других государств, «милости просим»...

...вопрос о необходимости поэтапного государственного воссоединения...

...декларируют собственные суверенитет...

...формируя при этом общий бюджет...

...договариваясь о едином гражданстве...

...обеспокоена возможными последствиями подписания...

...рассмотреть вопрос о попытке государственного переворота...

...который наносит ущерб суверенитету России...

Из контекстного окружения ключевых слов еще более отчетливо видно, что открытость и «безобидность» договора иллюзорны, поскольку, с одной стороны, союзные государства сталкиваются с множеством сложных проблем, а с другой, у третьих стран договор вызывает настороженность и беспокойство.

Обратимся к контекстным окружениям субъектно-тематического поля статьи. Сначала рассмотрим состояние ключевых субъектов – *России* и *Белоруссии*. Здесь отчетливо проступает тенденция количественно преобла-

дающих показателей. Это выражается в том, что *Россия* и *Белоруссия* множественно фиксируются в роли атрибутивных характеристик других слов.

Контексты, в которых *Россия* и *Белоруссия* выступают в качестве атрибутивов:

...по словам президента России...
...о союзе Белоруссии и России...
...президент России подчеркнул...
...союз России и Белоруссии...
...в Уставе союза Белоруссии и России...
...президент Белоруссии...

В роли полновесного ключевого субъекта *Россия* и *Белоруссия* выступают в следующих комбинациях:

Россия

...так что России предстоит дальнейшее...
...ущерб суверенитету России...

Белоруссия

...Белоруссия нигде не была и не будет нахлебницей...
...в финансово-экономической сфере Белоруссия не будет «обузой»...

Россия и Белоруссия

...Вокруг России и Белоруссии...
...проблемам в финансовой сфере России и Белоруссии...
...договора между Россией и Белоруссией...
...Россия и Белоруссия декларируют

Из полученных качественных характеристик следует, что ключевые субъекты теряют практически половину своего количественного веса и наиболее показательными являются поля «своей» принадлежности, из которых можно сделать вывод о том, что *Россия* как бы «снизошла» (пренебрегая своими «кровными» интересами) до заключения этого союза, а *Белоруссия* как активный субъект выступает только тогда, когда находится в общем поле с *Россией*.

Далее рассмотрим, как подаются первые лица двух государств, которые в итоге вытесняют с позиции тематического субъекта представляемые ими государства.

Борис Ельцин

...Борис Ельцин произнес в своем выступлении...
...речь президента Ельцина была действительно...
...по мнению Бориса Ельцина, придаст ему...
...заверения Бориса Ельцина о том, что союз...

Александр Лукашенко

...А. Лукашенко, который выглядел сдержанным, собранным и немного усталым...
...Александр Лукашенко в своем выступлении...

...ответил Александр Лукашенко, как всегда...
...Президент Белоруссии считает...

Характеристики президентов раскрываются в контекстном окружении достаточно рельефно и ярко: *Ельцин*, как и *Россия*, в целом «перевешивает» своего коллегу. Он подается как активный субъект (*произнес, речь была действительно, по мнению, по заверению*). Автор прибегает к усиленным словам (*действительно*), чтобы придать вес и значимость данному субъекту. Что касается *Лукашенко*, то он скорее пассивен (*который выглядел, в своем выступлении, как всегда*). При анализе качественной характеристики здесь подспудно улавливаются стереотипы, формируемые по отношению к президенту Беларуси российской прессой, и этим самым еще больше нивелируется роль белорусской стороны.

Яркой фигурой выступает *Казахстан*, представленный двумя субъектами – пресс секретарем *Кушербаевым* и *Алма-Атой*. Их контекстные поля имеют следующий вид:

...*Кушербаев заявил агентству...*
...*Алма-Ата обеспокоена возможными...*

Отсюда видна их, а за ними и всего внешнего окружения, сдержанная позиция по отношению к заключенному союзу.

Подводя итог, можно сказать, что через тематический объект достаточно точно и активно передается внутренняя и внешняя сторона события. Объект наиболее полно развивается в структурном русле общей принадлежности. Однако анализ динамики показывает, что объект противоречив и непроявлен. Неоднозначность и «шаткость» тематического объекта видится во множественном употреблении субститутов слова «договор».

Субъектное же поле при внешне равновесном наполнении структур принадлежности в ходе исследования предстает как нестабильное и «однополюсное». Сначала констатируется, что имеются две равноправные стороны, но затем в тексте роль республик понижается, роль персоналий повышается и при этом они подаются в разной «весовой категории». Субъектное поле белорусской принадлежности представлено одним *Лукашенко*, да и то в полупассивном ключе, в то время как российская сторона «перегружена» действующими лицами.

Отсюда можно заключить, что автор статьи подталкивает читателя к негативной оценке договора. Сеет недоверие к Беларуси и ее лидеру, подчеркивает самодостаточность и доминирующую позицию России.

В заключение следует отметить, что анализ политического текста или группы текстов, освещающих политическую сферу, в ключе развития тематического объекта и тематического субъекта представляется весьма перспективным с учетом того факта, что дискурс политики есть дискурс воли и власти. Анализ знакового перераспределения содержательных актантов по-

могает вскрыть идеологические и мифологические структуры текста, лучше понять его воздействующий потенциал.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ ОБЗОРЫ

Раздел 7.1. Метафора в политическом дискурсе

Задача данного краткого обзора – рассказать о некоторых интересных публикациях, посвященных функционированию метафоры в политическом дискурсе.

Деятельность человека обусловлена его понятийной системой. Дж.Лакофф и М.Джонсон убедительно показали, что «метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление и действие» (Лакофф, Джонсон, 1990). Их работа «Метафоры, которыми мы живем» побудила лингвистов обратить внимание на метафоричность понятийной системы человека. Существенная часть социальной реальности осмысливается в базовых метафорах, принятых членами определенного социума.

Чтобы дать наглядное представление о том, как метафорическое понятие организует деятельность человека, Дж.Лакофф и М.Джонсон рассматривают метафору *спор – война*. Эта концептуальная метафора конструируется с опорой на многочисленные выражения обыденного языка. Важно не только то, что мы говорим о спорах в терминах войны, но и можем побеждать или проигрывать в споре, относиться к оппоненту как к противнику, атаковать его позиции и защищать свои. «Многое из того, что мы реально делаем, в спорах частично осмысливается в понятийных терминах войны». В то же время носители культуры с базовой метафорой *спор – танец* способны воспринимать спор как гармоничные и красивые движения партнеров. Метафоры объясняют одно понятие в терминах другого, но «метафорическое упорядочивание реальности носит в этих случаях не всеобъемлющий, а лишь частичный характер». Метафора, помогая осмыслить понятие, затемняет некоторые его аспекты: воспринимая оппонента как противника, можно забыть о сотрудничестве в споре.

В ориентационной метафоре происходит организация целой системы понятий в терминах другой системы, например «обладание властью или силой ориентирует вверх; подчинение силе – вниз».

Данные опыта человека, связанные с физическими объектами, составляют основу для онтологических метафор, то есть способов трактовки событий, действий, эмоций, идей и т.п. как предметов и веществ. Так, взгляд на инфляцию как на самодовлеющую сущность позволяет нам рассуждать о ней, характеризовать ее количественно, выделять тот или иной ее аспект, учитывать ее в наших действиях или воображать, что мы понимаем ее природу.

Таким образом, метафоры создают представления об абстрактных понятиях, естественно и глубоко пронизывая наше мышление, понимаются

«как самоочевидные, как прямые описания явлений внутреннего мира», но при этом метафоры определяют способ мышления, познания явлений, управляют поведением носителей языка.

Метафоры участвуют в развитии текста. Порождение идеологизированного текста с помощью концептуальных метафор описано в монографии Э.Лассан. Принимая идею оппозитивного строения дискурса, поскольку она связана с антитетичностью человеческого мышления (Лассан, 1995), Э.Лассан рассматривает развертывание текста от более простых к более сложным структурам.

В качестве основ первого уровня выступают бинарные оппозиции. Процедура выделения в тексте оппозиций базируется на принципе социологического контент-анализа: степень важности некоторой сущности коррелирует с количеством ее упоминаний в дискурсе. Наличие оппозиций в тексте устанавливается «в том случае, когда в нем достаточно часто встречаются номинации противопоставленных понятий». В работе выделены следующие оппозиции, характеризующие русский политический дискурс 60-х годов: *коммунизм – антикоммунизм, патриотизм – антипатриотизм, коллективизм – индивидуализм, законность – беззаконие, гуманизм – антигуманность*.

Вторым этапом порождения текста является представление понятийных оппозиций через концептуальные метафоры, так как бинарные оппозиции состоят из абстрактных понятий, «которые должны обрести некоторую плоть, быть переведены на язык более доступных и известных понятий, что и осуществляет в данном случае метафора».

Базовые метафоры предопределяют поступки: воспринимая время как ресурс, нам следует его беречь или разумно тратить. Такие когнитивные единицы, как сценарии (схемы, с помощью которых организуется опыт), приобретают метафорическую форму. И «процесс порождения идеологизированного текста идет следующим образом: в области оперирования знаниями как структурой – от фрейма к его детализации через сценарий, в области конкретного содержательного наполнения этих структур – от оппозиции к опосредующей ее метафоре, в области языковых коррелятов – от номинативной к пропозитивной единице».

Если оппозиция *индивидуализм – коллективизм* выражается метафорой-сценарием *индивидуализм – болезнь человечества*, то в дальнейшем тексте будет перефразирована эта метафора: индивидуалистическое поведение – проявление болезни, индивидуализм опасен для здоровья и т.п. Предметом рассуждений может стать и «лекарство» от индивидуализма. Сценарий-метафора задает «основных действующих лиц» и «перипетии сюжета» текста.

То, что концептуальная метафора прогнозирует участников действия, уподобляет ее предикату в глубинной семантической структуре предложения, который также «определяет» роли именных групп. Участники действия

получают соответствующие наименования. В разворачиваемом базовой метафорой *мир – фронт борьбы между коммунизмом и антикоммунизмом* тексте появляются «враги», «предатели», «поджигатели войны», то есть говорящий выбирает языковые средства под влиянием метафоры. На третьем этапе «включаются риторические механизмы порождения текста» (Лассан, 1995).

Процесс появления номинаций Э.Лассан рассматривает как процесс перехода от исходных структур сознания к структурам собственно текстовым. Обусловленные метафорой номинации стимулируют подходящие им фреймы, например, фрейм «враг». Далее вербализуются связанные с ним знания. Деятельность лица в политическом тексте может быть описана «каузальным фреймом» (Акимов, Баранов, Сергеев, 1990). Такой фрейм включает 5 слотов (составляющих единиц фрейма):

1) субъект, характеристика субъекта:	<i>враг, подлый</i>
2) цели, ценности субъекта, характеристика:	<i>нанести удар в спину</i>
3) обстоятельства, характеристика:	<i>в идеологических битвах</i>
4) действия, характеристика:	<i>поставил пушку и стреляет по своим</i>
5) результат действия, характеристика:	<i>вызвать законный гнев советского народа</i>

Через характеристику основного элемента каждого слота интерпретируется деятельность субъекта как «врага». Выбираются не языковые средства с денотативным значением, а лексические единицы, «трактующие субъект и все, что с ним связано, в соответствии с оценкой, заключенной в данном случае в слове «враг».

Замысел текста Э.Лассан сопоставляет с бинарной оппозицией идей, так как говорящий намеревается оценить некоторое явление с точки зрения имеющейся в его сознании ценностно-смысловой сетки, а мысль – со сценарием-метафорой, концентрирующим все, что затем синтагматически разворачивается в тексте.

Описанные Э.Лассан бинарные оппозиции дополняют факторы, выделенные В.Ф.Петренко и О.В.Митиной (Петренко, Митина, 1997). Эти психологи в 1994 – 1995 годах провели исследования в разных городах России. В статье подробно описывается методика исследований. Методом психосемантики и одновременно формой репрезентации картины мира субъекта выступает построение субъективных семантических пространств. Испытуемый оценивает, шкалирует, дает ассоциации на предложенный материал. Создаваемая матрица данных отражает индивидуальный опыт испытуемого, например, в политике. Применяемый к матрице данных факторный анализ позволяет выделить пучки взаимосвязанных признаков и свести признаки к обобщенным категориям (факторам). Факторы выступают как координатные оси при геометрическом представлении семантического про-

странства. Содержание факторов отражает способы осмысления мира субъектом (Петренко, Митина, 1997). По мнению респондентов, наиболее важными факторами в российском обществе являются *демократизация общества – тоталитаризм, нравственность – безнравственность* и *экономическая целесообразность – нецелесообразность*. Повторная факторизация выявила лидерство смыслового конструкта *нравственный идеал, или справедливость*.

Обратим внимание, что А.Н.Баранов выделяет в нашем общественном сознании отчетливо противопоставленные «два ценностных полюса, на одном из которых находятся категории *справедливости* и *равенства*, а на другом концепт *свободы*» (Баранов, 1990). Доминирующее положение *справедливости* объясняется живучестью мифологем *образа врага, порядка, веры в субъекта распределения*. Мифологемы выражаются в текстах с помощью метафор.

В отличие от Э.Лассан, проанализировавшей функционирование метафор и их роль в порождении политических дискурсов 60-х годов, А.Н.Баранов и Ю.Н.Караулов (Баранов, Караулов, 1991) изучают когнитивные метафоры, которыми «живет» современное российское общество. Книга впервые дает огромный срез (6000 контекстов) использования метафоры в конкретных временных (1989 – 1991) рамках. Подчеркивая, что процессы метафоризации – это операции над знаниями, А.Н.Баранов отмечает два основных варианта подобных операций. Метафора изменяет стандартные представления о фрагменте действительности. Таким образом функционируют в политическом дискурсе называющие СССР метафоры: *ко дну пойдет весь Союз, союзный поезд, страна вошла в пике, общий дом, старый сарай...* Во втором типе словоупотреблений метафора категоризирует еще не структурированный концепт. Таковы метафоры перестройки: *путь преобразований, перевал в истории страны, растущее молодое дерево, великая говорильня, любимое дитя...*

Так же, как и Э.Лассан, А.Н.Баранов для описания метафоризации обращается к теории фреймов (стереотипных моделей), потому что «это типичный язык для представления знаний, который не делает различий между лингвистической и экстралингвистической информацией» (Баранов, Караулов, 1991). Следовательно, метафоризация – совокупность формальных процедур над двумя или более фреймами. Фрейм источника соответствует сигнификативному дескриптору (наименованию, показывающему, какое слово или понятие было использовано для метафорического обозначения) словаря метафор, а фрейм цели – денотативному дескриптору (наименованию, показывающему, какая реальность получила данное метафорическое обозначение). Источниковый фрейм дает название метафорической модели.

В политической метафоре *корабль перестройки* состав слотов фрейма источника (*корабль*) достаточно очевиден: *корпус, двигатель, команда, капитан* и т.д. в зависимости от необходимой степени подробности. Однако спи-

сок целевого фрейма (перестройки) далек даже от первичной структуризации. Можно лишь указать на то, что перестройка – это изменяющая общество новая политика. Поэтому метафоризация кроме операций над слотами двух фреймов включает взаимодействие между самими слотами. Плохо структурированный фрейм *перестройки* попадает в область когнитивного притяжения фрейма *корабля*, что приводит к деструктуризации целевого фрейма.

А.Н.Баранов рассматривает направления, представляющие интерес для изучения функционирования метафор в политическом дискурсе. Прежде всего – роль метафоры в политической аргументации.

Метафора ориентирована на позицию предиката, и основной для нее является функция характеристики, а не идентификации (уподобления, отождествления) объектов (Арутюнова, 1979). Метафора – «приговор суда без разбирательства» (Арутюнова, 1990). Приговор без мотивировки, без объяснений. Хотя это не судебный (в буквальном значении) приговор, именно так метафора воспринимается. Н.Д.Арутюнова отмечает, что никакие ссылки на «классификационные ошибки» не ослабляют силы метафоры. Иван Иванович Перерепенко, когда его называли «гусаком», тщетно ссылался на свое дворянство, зафиксированное в метрической книге, между тем как гусак «не может быть записан в метрической книге, ибо гусак не есть человек, а птица».

Следовательно, функционирование метафор в дискурсах предполагает наличие неких соглашений между участниками общения, и одно из них – неравенство, нетождественность источникового фрейма и целевого фрейма: из метафоры *корабль перестройки* не следует, что перестройка – это корабль (Баранов, Караулов, 1991). Нарушение этого условия – основной прием аргументативного воздействия: *Земля – это мать, а разве можно мать продавать?!*; устанавливается «отношение квазитождества между метафорической моделью и объектом осмысления, что позволяет далее оперировать объектом как полномочным «представителем» метафорической модели» (Баранов, Караулов, 1991). Такое нарушение возможно, если центр тяжести переносится на эмоциональное воздействие, при обращении автора текста к эмоциям, чувствам, а не к разуму. По наблюдениям Э. Лассан (Лассан, 1995), именно эмоциональное направление воздействия – характерный и определяющий признак советской политической риторики.

Влияя на способ познания действительности, метафоры становятся «орудием агитации» (Корженевска-Берчинска, 1996), создают общественно-политический ландшафт с применением красок, соответствующих подлинным или конъюнктурным взглядам их автора. Опираясь на публикации российской прессы 1986 – 1994 годов, И.Корженевска-Берчинска приводит список слов-символов, группирующих метафоры: *ломка, конфронтация, силовые методы, утопия, кризис, болезнь, демократия, бизнес, рынок, реформа, борьба-победа*. Отмечая, что состояние общества чаще всего определяется в виде психических недугов и что сюжет борьбы-победы составля-

ет конструкт российского менталитета, польская исследовательница описывает лексико-семантические метафорические поля болезни-недуга и борьбы-насилия, например: *отравление души, рецидивы умолчания (старых времен), защитные иммунитеты демократии, наследственные социальные болезни; баррикадная психология, милитаристский монстр, борьба за возрождение России.*

В аргументативном процессе конвенциональные и новые, авторские, метафоры выполняют различные функции. Конвенциональные метафоры актуализируют имеющиеся в сознании адресата модели принятия решений, а авторские — создают новые модели для новых ситуаций (Баранов, Караулов, 1991).

Второе, называемое А.Н.Барановым, направление исследований — дискурсная судьба метафоры. «В политическом дискурсе метафоры оказываются наиболее часто цитируемой составляющей, которая задает не только тему обсуждения, но и ее предварительную оценку». Необходимо принять во внимание то, что «проблема идеологического речевого штампа тесно связана с мифологизацией общественного сознания. Идеологические мифы, воплощенные в речевые стереотипы, служили и служат пропагандистским средством манипулирования общественным сознанием» (Сковородников, 1992).

Е.А.Земская оценивает употребление клише, различного рода цитат как характерную черту русского дискурса 90-х годов, в особенности в сфере политики (Земская, 1996). Одним из важнейших источников цитации она называет бюрократический язык тоталитарной эпохи, используемый в языке постсоветского общества в трех функциях:

- 1) как важнейший элемент пародирования, ёрничества, стёба;
- 2) как серьезный элемент бюрократического языка, идущего из прошлого;
- 3) как реликты новояза, живущие в бытовой речи носителей языка и свидетельствующие о сохранении у говорящих особенностей советского менталитета.

Можно наблюдать употребление цитат-метафор в этих трех функциях даже в пределах одного идеологизированного текста.

Третье направление исследований А.Н.Баранов назвал «политическая метафора и политическое мышление» (Баранов, Караулов, 1991,). Авторы работы о парламентских дебатах полагают метафоричность современного российского политического дискурса совершенно естественной, так как когнитивная сила метафоры делает ее инструментом при поиске решений (Баранов, Казакевич, 1991). Метафора — элемент кризисного мышления, мышления в проблемных ситуациях и поэтому «задает то множество возможных выходов из кризиса, которое далее рассматривается политиком в процессе принятия решений» (Баранов, Караулов, 1991). А.Н.Баранов и Ю.Н.Караулов описывают влияние концептуального милитаризма на пове-

дение российских политиков: давление развернутого метафорического поля войны на общественное сознание подготавливает социум к действиям, ведущим к материализации метафоры. А.Н.Баранов и Е.Г.Казакевич рассматривают концептуальные метафоры, связанные с представлением о супер-эго (народе): модель механизма, которая помогает «сокрыть неразработанность или неясность предмета обсуждения» (там же), модели организма и растения.

Словарь русской политической метафоры в первом издании разделен на две части. В первой части «Метафорические модели политической реальности» приводятся семантические объединения метафор и указывается для каждого слова, с какой реальностью оно соотносится. Например, метафоры войны и игры соотносятся с политической, финансовой и законодательной деятельностью (Баранов, Караулов, 1991), метафоры механизма – с экономикой, государством, финансами, демократией, гласностью, законодательством, армией, обществом, перестройкой, репрессиями, метафоры организма – с экономикой, рынком, государством, армией, политической деятельностью, властью, историей, обществом, совестью. Вторая часть словаря «Мир политики в зеркале метафор» – ономасиологическая; она показывает, какие концепты и субъекты (например, демократия, законодательство, КГБ, СССР, политические лидеры) могут метафоризироваться.

Четвертое направление исследований «политическая метафорика как фактор политической культуры» связано с общей культурой речи, культурой аргументации (Баранов, Караулов, 1991).

Политический дискурс актуализирует ценностные ориентации, которые в современном русском общественном сознании чаще всего представлены оппозициями. Понимание новых и переоценка старых ценностей, как правило, происходит с помощью когнитивных метафор, что обуславливает сверхметафоричность политического дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- Althen G.* American Ways. Yarmouth: Intercultural Press, 1988.
- Bernstein B.* Class, Codes and Control. London: Routledge, 1971.
- Brown P. and Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Univ. Press, 1987.
- Carbaugh D.* Toward a Perspective on Cultural Communication and Intercultural Contact// *Semiotica*. 1990. Vol.80, 1/2. P.15-35.
- Currie H.* Sociolinguistics and the Two American Orthodoxies. Texas: Austin, 1975.
- Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1986.
- Grice H.P.* Logic and Conversation// P.Cole and J.Morgan (eds). *Syntax and Semantics*. Vol.3. New York.:Academic Press, 1975. 43-59.
- Directions in Socio- linguistics / Gumperz J.and Hymes D.* (eds). New York: Holt, Rinehart and Winston, 1987.
- Hymes D.* The Ethnography of Speaking// *Anthropology and Human Behavior*. Washington,D.C.: Anthropological Society of Washington, 1962.
- Hofstede R.* Dimensions of National Culture in Fifty Countries and Three Regions // *Explications in Cross-Cultural Psychology*. Lisse, The Netherlands, 1983.
- Leech G.* Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983.
- Matsumoto D.* Cultural Influences on the Perception of Emotion// *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1989. Vol.20. P. 92-105.
- Saville-Troike M.* The Ethnography of Communication. Oxford: Blackwell, 1988.
- Smith P.and Dugan Sh.* National Culture and The Values of Organizational Employees// *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1996. Vol.27, N2. P. 231-264.
- Stroinska, M.* Some Aspects of Categorization in Sociolinguistics // *Developing Discourse Awareness in Cross-Cultural Contexts*. Warsaw: Univ.of Warsaw, 1996.
- Tokareva, I.* Language and Gender Roles// *Человек в контексте культуры и литературы США*. Вып.1. Мн., 1996.
- Ventola E.* The Structure of Social Interaction. London: Frances Printer, 1990.
- Whorf B.* Science and Linguistics // *Language, Thought and Reality*. New York: Wiley, 1956.
- Токарева И.* Сопоставительное изучение речевого поведения. Проблемы, принципы, теория. Мн.: МГЛУ, 1996.

Раздел 7.2. Дискурс средств массовой информации как объект исследования

(по материалам книги N. Fairclough, *Media Discourse*. London: Edward Arnolds, 1995)

Устойчивый интерес к изучению дискурса средств массовой информации на Западе бесспорен и измеряется не только количественно (огромное число публикаций), но и качественно (создание десятка исследовательских школ и направлений). Наиболее яркой, на наш взгляд, работой последних лет, посвященных дискурсу СМИ, является книга Нормана Фэаклу, доцента лингвистики Ланкастерского университета (Великобритания).

Она предлагает новый взгляд на язык средств массовой коммуникации и имеет прямое отношение как к современной социальной теории, включившей в свой словарь понятие «дискурса как формы социальной

практики», так и к новейшему направлению в лингвистике – постструктурализму с его идеями интертекстуальности и жанрового смешения.

Автор так определяет задачи, которые он ставил перед собой в процессе написания книги: очертить программу анализа языка средств массовой информации, которая отвечала бы новым знаниям и учитывала понятия «интертекстуальность», «жанровое смешение», «идентичность», широко используемые в настоящее время теорией коммуникации; доказать, что анализ языка СМИ – неотъемлемая часть исследований современных процессов социальной и культурной динамики; раскрыть языковую и дискурсивную природу воздействия средств массовой информации на умы и поведение людей. Тексты СМИ характеризуются разнообразием, сложностью и противоречивостью, но игнорировать их власть над нами бессмысленно и непродуктивно.

Автор подробно останавливается на тех работах и методологических новациях, которые позволили ему выработать теоретическую модель дискурс-анализа.

Школа лингвистического и социолингвистического анализа привлекла внимание исследователя к формальным параметрам, к «текстуре текста» (*texture of text*). Здесь отмечается вклад таких лингвистов, как Г. Строманн (Straumann, 1935), И.Мадх (Mardh, 1980) П.Белл (Bell, 1984; 1991; 1994). Фэаклу полагает, однако, что для анализа дискурса СМИ этот подход недостаточен. В его рамках трудно проследить связь между языковой формой и социокультурным контекстом.

Второе направление исследований, которое выделяет автор как бесспорно значимое для изучения дискурса СМИ, связано с именами социологов-этнометодологов Дж.Аткинсона, Дж.Херитаджа (Heritage, 1979; 1985), Д.Грейтбэча (Greatbatch, 1986) и И.Хачби (Hutchby, 1991), а также Дж.Баттона и Дж.Ли (Button and Lee, 1987). Это «конверсационный анализ», то есть **анализ речевых практик респондентов**. Особый интерес представляют здесь, по мнению Фэаклу, работы по исследованию «институциональных типов дискурса», в том числе дискурса средств массовой информации. Этот подход сопоставим с лингвистическим и социолингвистическим анализом, но его исследовательское поле значительно шире в виду учета организационных характеристик текста, направленных на поддержание речевого взаимодействия – «интеракции» (очередность, контроль за темами и др.). Правда, при этом происходят определенные потери: когда акцент делается на качество коммуникации, уходит из поля зрения специфика репрезентации (картина мира), теряется интерес к ассоциативно-лингвистическому плану языковой формы, остается за рамками исследования социально-культурный контекст.

Семиотический анализ текстов СМИ представлен работами Дж. Фиске (Fiske, 1978), Дж. Хатли (Hartley, 1978; 1982), Дж. Тухмана (Tuchmann, 1978), исследователей, которые увязывают характеристики текста

СМИ с идеологией, отношением к власти и культурным ценностям. Однако авторы не исследуют структуру текста.

«**Критическая**» лингвистика и социальная семиотика, разработаны группой английских ученых в 70-х годах (Р. Фаулер, Р. Ходж, Дж. Кресс (Kress, 1988), Дж. Холлидэй, Т. Тру). Направление основывается на «системной» лингвистической теории Холлидэя и рассматривает текст полифункционально: он отражает мир и осуществляет межличностное и социальное взаимодействие между участниками общения. Текст рассматривается как совокупность элементов лексики и грамматики в различных вариантах. Дискурс соотносится как с идеологическими, так и с лингвистическими процессами. К недостаткам этого подхода Норман Фэаклу относит: отсутствие внимания к потребителю текста; изначально жесткую заданность элементов, из которых делается выбор; преувеличенно большое внимание к картине мира в текстах; ограничение лингвистического анализа рамками предложения; недостаточную проработанность интертекстуального анализа.

Социально-когнитивная модель Т. ван Дэйка (*Handbook of discourse analysis*, 1985) осуществила переход от анализа текста к анализу дискурса. В работах этого ученого анализируются «структуры новостей», процессы их производства и восприятия, предлагается тематическая сетка (схема, каркас) текста, рассматриваются его макро- и микроструктуры (система отношений между высказываниями), принимаются во внимание стиль и риторические свойства текста. Казалось бы, модель достаточно цельная и полная, однако Фэаклу и в ней видит некоторую односторонность. В работах Т. ван Дэйка дискурс СМИ лишь консервирует существующие социальные структуры, и совершенно не учитывается его творческая способность.

Последнее направление в списке Фэаклу – **культурно-порождающий анализ** (cultural-generic analysis), разработанный группой ученых Бирмингемского центра культурологии (М.Монтгомери, А.Толсон). В этом русле работали также Ван Лейвен (van Leeuwen, 1987), Е.Гоффман (Goffman, 1981), П.Манчини (Mancini, 1988), Дж.Хабермас (Habermas, 1984), П.Скэннэлл (Scannell, 1992), А.Гидденс (Giddens, 1991). Представители данного направления рассматривали жанровые решения текстов средств массовой информации, уделяя первостепенное значение культурному и социальному аспектам их становления. Изменения в жанрах связывались с более широкими социокультурными процессами. Одновременно исследовались интерактивные и репрезентативные качества текста.

Учитывая взаимодополняющий характер существующих методик, Фэаклу строит синтетическую программу изучения текстов СМИ. Эта идеальная модель основывается на восьми **требованиях к анализу дискурса средств массовой информации.**

1. Необходимость фокусировки анализа на рассмотрении того, как изменения в обществе и культуре сказываются на дискурсивной практике СМИ. Результаты должны отражать вариативность и подвижность, равно как и факт относительной стабильности дискурса (как это делается в процессе проведения культурно-порождающего анализа, а также в какой-то степени разговорного, критического и социально-когнитивного видов анализа).

2. Исследование текстов СМИ должно распространяться на их язык и «текстуру» – формальную сторону языка (область внимания лингвистического и социолингвистического анализа), а также зрительные образы и звуковой ряд (область семиотики и социальной семиотики).

3. Программа охватывает анализ процесса производства и потребления текста (социально-когнитивный подход) включая трансформации, которым подвергаются тексты в процессе дискурсивной практики (здесь продуктивны критический, лингвистический и социально-когнитивный подходы).

4. Анализ текстов и практик необходимо сочетать с рассмотрением институционального и более широкого социально-культурного контекста, включая отношения власти и идеологии.

5. Анализ текста с позиций его жанровых и дискурсивных характеристик должен носить как лингвистический, так и интертекстуальный характер. Необходимо признать, что тексты являются в основном интертекстуальными гибридами, в которых идет смешение жанров и дискурсов. Причем это «скрещивание» проявляется в целом ряде разнообразных лингвистических характеристик (здесь будут полезны культурно-порождающий анализ и социальная семиотика).

6. Лингвистический анализ текстов должен учитывать их многофункциональность, а значит, и социальную репрезентацию (выявление картины мира) взаимоотношений между коммуникантами, отраженными в тексте (здесь полезен культурно-порождающий анализ и, в какой-то степени, критическая лингвистика).

7. Лингвистический анализ предполагает анализ текста на разных уровнях, включая фонологический, лексический, грамматический и макро-структурный/схематический (здесь уместно сочетание социально-когнитивного анализа с анализом речевых практик или критической лингвистикой).

8. Отношения между текстами и обществом/культурой следует рассматривать диалектически. На формирование текстов оказывает прямое влияние социально-культурный контекст, но тексты и сами, в определенном смысле, конституируют общество и культуру (воздействуют на процесс их формирования) как репродуктивно, так и преобразующе (здесь применимы подходы критического анализа в его традиционном и современном виде).

Как видим, предлагая свою программу дискурс-исследований текстов СМИ, автор вписывает ее в контекст существующих методик, стремясь к достижению некоего **единого методического пространства**.

Теоретическую и методологическую базу исследования автор излагает в главах «Коммуникация в СМИ» и «Критический анализ дискурса СМИ».

В основе коммуникации лежит **коммуникативное событие**. Автор выявляет отличительные признаки коммуникативного события.

1. Место и время производства текста СМИ не совпадает со временем и местом его потребления, это фактически означает, **что коммуникативное событие в СМИ** следует рассматривать как цепь событий, которые придают личной жизни общественную значимость. СМИ стирают разрыв между общественными условиями производства текстов и частными условиями их потребления, выделяя в коммуникативном событии «коммуникативный этос» и «коммуникативные практики» – дихотомию, способствующую развитию публично-разговорного языка (Leech, 1966).

2. Массовая коммуникация отличается от других форм общения технологиями, которые позволяют воспроизводить текст (коммуникативное событие) в любое время и любом месте. Различия в технологии оказывают глубокое влияние на содержательный потенциал текстов.

3. Коммуникантами в СМИ являются автор и аудитория (потребитель). Важно исследовать, как они «встраиваются» в различные типы программ.

4. Коммуникативные события в средствах массовой информации являются своего рода монологом.

5. Поскольку СМИ находятся под профессиональным и институциональным контролем, встает проблема доступа к ним новых адресантов.

6. Коммуникативное событие является формой социальной практики, где сфера производства сообщений связана со сферой потребления посредством целой цепи «промежуточных» событий.

7. Коммуникативные события обычно не дают четкого понимания природы и цели происходящего.

По мнению Фэаклу, для анализа плана содержания дискурса СМИ имеют принципиальное значение экономическая и политическая характеристики.

Экономический аспект содержания определяется тем, что тексты СМИ функционируют в качестве культурного товара.

Политический аспект содержания включает в себя как **идеологический, так и воздействующий момент**. Различие между ними автор видит в том, что идеология принимается как данность и не подвергается сомнению,

верификации. Она не требует риторических приемов, в то время как воздействующий аспект содержания строится именно на «фигурах» убеждения.

Автор признает, что СМИ формируются обществом и играют ключевую роль в распространении социальных и культурных новаций. Тексты СМИ являются чутким барометром социокультурных перемен и должны рассматриваться как ценный материал для их изучения. Изменения в обществе и культуре проявляются в гетерогенной и подвижной дискурсивной практике СМИ во всей ее незавершенности, неполноте и противоречивости. У Фэаклу нет сомнений в том, что «кто платит, тот и заказывает музыку»: между СМИ и доминирующими социальными группами существует «сговор» (прямая манипуляция со стороны магнатов СМИ или вмешательство правительства в освещение событий).

В современных СМИ ощутимо противоречие между информативной и развлекательной функциями, общественным характером порождения текстов и индивидуальным характером их потребления. Это указывает на наличие двух тенденций: придание языку СМИ разговорного характера (конверсационализация текстов СМИ) и тяга к развлекательности (маркетингизация текстов СМИ).

Столь масштабное исследование потребовало от автора введения целого ряда терминов. Центральным стало понятие **интертекстуального анализа**. По определению Фэаклу, оно находится «на пограничье» текста и дискурсивной практики. Интертекстуальный анализ показывает, как в процессе производства и потребления текстов отбираются и комбинируются из определенного репертуара дискурсы. С его помощью в тексте обнаруживаются следы речевой деятельности (дискурсивной практики) и раскрывается роль социально-культурных факторов.

Однако интертекстуальный анализ вряд ли дает адекватную методику исследования текстов СМИ. Это скорее концептуальное русло, которое следует наполнить многообразными приемами. Сам автор называет интертекстуальный анализ искусством толкования, зависящим от опыта и таланта исследователя.

Интертекстуальный анализ вовлекает в свою объяснительную парадигму такие понятия, как «дискурс», «тип дискурса», «жанр».

Согласно Фэаклу, существует три трактовки жанра. У.Лабов и Дж. Валецкий (Labov and Waletzky, 1967) и ряд австралийских лингвистов понимают под жанром тип деятельности или схематическую структуру, характерную для того или иного вида СМИ (например, заголовки, «лиды», сопутствующая информация (satellite), концовки (wrap-up)). Такой подход позволяет структурировать практически любое событие, отражаемое средствами массовой информации, но ничего не говорит о значимости элементов текста.

Т. ван Лейвен (Van Leeuwen, 1987) признавал в качестве основной характеристики текста его разноплановость, гетерогенность (generic heterogeneity).

Согласно этому подходу, текст как бы разбит на определенные планы или фрагменты, которые и сами по себе можно рассматривать как отдельные жанры (рассказ, экспозиция, описание). Это дает возможность проследить жанровые «перепады» внутри текста, но остается вне поля зрения интертекстуальность. Наконец, М. Бахтин демонстрировал полифонический подход к тексту, он рассматривался как форма диалога, внутреннего спора, сопоставления различных идей и мнений (Bakhtin, 1981; 1986).

Иной взгляд на жанр у Фэаклу: «Многие аналитики использовали бы термин «жанр» в тех случаях, когда я использую понятие «тип дискурса»». Для Фэаклу жанр – это «способ использования языка, соответствующий типу социальной деятельности, агентами которой являются участники общения», а дискурс – это «особый способ построения конкретной области социальной практики, относительно независимый от жанров», «сравнительно стабильная и стандартизованная ...конфигурация реально используемых жанров и дискурсов» (с.76).

Фэаклу различает два аспекта дискурса:

- дискурс как социальное действие/взаимодействие, связанное с жанровыми характеристиками (традиционная трактовка);
- дискурс как форма знания и социальной конструкции в трактовке постструктуралистов, в частности М. Фуко (Foucault, 1972). В этом случае термин употребляется во множественном числе (дискурсы или дискурсии) и связывается с номинативной функцией языка.

Дискурсы, по Фэаклу, объединяются **в ряды, или системы дискурсов/дискурсий** (order of discourses), куда входят все виды дискурсивной практики общества. Внутри «рядов» выделяются **типы дискурса** – относительно устойчивые сочетания жанров и дискурсий.

Дискурс неотделим от деятельности, которую автор разделяет на дискурсивную практику (способ производства, распространения и получения текста) и социокультурную практику. Это понятие рассматривается в работе как бы в трех измерениях: в статике (дискурсы как способ употребления языка), в системе (ряды дискурсов) и процессуально (дискурсивный процесс, дискурсивная практика).

По Фэаклу, тексты СМИ не могут рассматриваться вне анализа дискурсивных и социокультурных практик, однако, как признает автор, в книге делается акцент «скорее на текстах, нежели на практиках».

Подводя итог своему исследованию, Фэаклу останавливается на основных, по его мнению, элементах анализа **текстов средств массовой информации**. Эти элементы, или «шаги», представлены в форме детализирующих вопросов, на которые необходимо ответить исследователю. Суть этих вопросов сводится к следующему:

1. Как организован текст, почему именно так, а не иначе, есть ли иные варианты его структурного оформления? В этой связи необходимо учесть интертекстуальную и репрезентативную характеристики текста, предмет-

ную ориентированность его содержания (текст и образ) и субъектную ориентированность (текст и отношения):

а) интертекстуальность требует рассмотрения жанров, «голосов», дискурсов, воплощенных в тексте и зафиксированных в виде прямой и косвенной речи, схеме построения, нарративном (narrative) анализе, связках, фразеологизмах и т.д.;

б) репрезентации (representations) выражаются в присутствии либо отсутствии языковых элементов, их акцентации или «глушении». Здесь важно исследовать отношения между высказываниями (номинализация, залог, категоризация и выбор слова, метафоры, главные и побочные предложения, местная и глобальная когерентность и т.д.).

1.1. Какие отношения складываются между работниками СМИ и аудиторией? Как они структурированы (словарь, стиль речи, жесты, модальность, тональность и т.д.)?

1.2. Как в телевизионных текстах спрягается зрительный и языковой ряд?

2. Как производятся тексты и как они могут быть использованы и интерпретированы?

3. Что текст говорит о системе дискурса СМИ? Отражает ли он стабильные или неустойчивые отношения, прочные или меняющиеся границы между дискурсными практиками? Существует ли выбор в процессе порождения текста? В каких отношениях находятся дискурсные системы СМИ и смежные источники информации? Каковы тенденции развития текстов СМИ?

4. Частью каких социальных процессов является текст, каковы его коннотации и последствия?

5. Что можно сделать с данным текстом? (Этот вопрос еще раз подчеркивает тот факт, что текст СМИ понимается автором как форма социального действия).

Норман Фэклу – доцент лингвистики Ланкастерского университета (Великобритания). По существу, названная работа является учебным пособием. Это просматривается и в структуре книги, и в структуре каждой отдельной главы (дистантный повтор, сочетание теоретических выкладок с практическими примерами, доступный язык, скрупулезная проработка каждого вопроса). Монография Фэклу адресована студентам, специализирующимся в теории коммуникации, социолингвистике, дискурс-анализе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Atkinson J.M. Our masters' voices: the language and body language of politics. Methuen, 1984.

- Bakhtin M.* Speech genres and other late essays// C.Emerson and M.Holquist (eds.). Univ. of Texas Press, 1986.
- Bell A.* Language style and audience design// *Language in Society*. 1984. Vol.13(2). P.145-204.
- Bell A.* The language of news media. Basil Blackwell, 1991.
- Bell A. and Leeuwen van T.* The media interview: confession, conrest, conversation. Univ. of New South Wales Press, 1994.
- Button G. and Lee J.* Talk and social organisation// *Multilingual Matters*. 1987.
- Cope B. and Kalantzis M.* The power of literacy: a genre approach to teaching writing. The Falmer Press, 1993.
- Fairclough N.* Media discourse. London: Adward Arnolds, 1995.
- Fiske J. and Hartley J.* Reading television. Methuen, 1978.
- Foucault M.* The archaeology of knowledge. Tavistock Publications, 1972.
- Giddens A.* Modernity and self-identity. Polity Press, 1991.
- Goffman E.* Forms of talk. Basil Blackwell, 1981.
- Greatbatch D.* Aspects of topical organisation in news interviews: the use of agenda-shifting procedures by news interviewees// *Media Culture and Society*. 1986. Vol. 8(4). P. 441-455.
- Habermas J.* Theory of communicative action. Vol. 1. Heinemann, 1984.
- Handbook of discourse analysis/ T.van Dijk (ed): 4 vols.* Academic Press, 1985.
- Hartley J.* Understanding news. Routledge, 1982.
- Heritage J.* Analyzing news interviews: aspects of the production of talk for overhearing audiences//*Handbook of discourse analysis/ T.van Dijk (ed.)*. Vol.3. Academic Press, 1985.
- Heritage J. and Watson D.* Formulations as conversational objects// *Everyday language: studies in ethnomethodology/ G. Psathas (ed)*. Irvington, 1979.
- Hutchby I.* The organization of talk on talk radio// *Broadcast talk / P. Scannell (ed)*. Sage Publications, 1991.
- Kress G. and Threadgold T.* Towards a social theory of genre// *Southern Review*. 1988. N 21. P.215-243.
- Labov W. and Waletzky J.* Narrative analysis: oral versions of personal experience// *Essays on the verbal and visual arts / J. Helms. (ed)*. Univ. of Washington Press, 1967.
- Leech G.N.* English in advertising. Longman, 1966.
- Leeuwen van T.* Generic strategies in press journalism// *Australian Review of Applied Linguistics*.1987. Vol. 10 (2). P. 199-220.
- Mancini P.* Simulated interaction: how the television journalist speak// *European Journal of Communication*. 1988. Vol. 3 (2). P. 151-166.
- Mardh I.* Headlines: on the grammar of English frontpage headlines. Glerup: CWK, 1980.
- Straumann H.* Newspaper headlines. Heinemann, 1935.
- Scannell P.* Public service broadcasting and modern public life// *Culture and power / P. Scannell et al. (eds)*. Sage Publications, 1992.
- Tolson A.* Speaking from experience: interview discourse and forms of subjectivity: PhD thesis. Univ. of Birmingham, 1990.
- Tuchman G.* Making news: a study in the construction of reality. New York: Free Press, 1978.

PRO FUTURO

Идея создания данной книги, а точнее серии книг, посвященных актуальной для современной гуманистики проблемы, зародилась на стыке интересов лингвистов, социологов, математиков и журналистов. Группа междисциплинарных исследователей получила грант Министерства образования (1997) и Белорусского государственного университета (1998) для работы над темой «Дискурс власти и контрдискурсии: методики и мониторинг» под руководством профессора кафедры английского языка гуманитарных факультетов Белорусского государственного университета И.Ф.Ухвановой. Эта проблематика охватывает три направления политического дискурса – дискурс субъектов политики, дискурс внутренней политики, дискурс Беларуси на международной арене.

Судя по публикациям, вопросы дискурса власти и контрдискурсии весьма значимы для многих регионов, но особенно для Европы, демонстрирующей миру достаточно противоречивые (как интеграционные, так и дезинтеграционные) модели политического поведения. Беларусь, являясь местом встречи различных традиций, стратегий и подходов, нуждается, возможно, как никакая другая страна, в осмыслении происходящего.

Современная научная мысль обновляется вместе с обществом. Мы не хотели бы искать «единственно правильные», безальтернативные решения и ограничиваться несколькими работающими технологиями. Не отвергая всего, что есть и что не исчерпало своего продуктивного заряда, мы стремимся ввести в поле научных дискуссий новые исследовательские парадигмы и методики. И действительно, данная монография являет собой поле встречи модернистских и постмодернистских подходов, в ней наблюдается, одновременно, и стремление следовать канонам «гранд нарративов» (теорий, с помощью которых анализируемая лингвистическая реальность определена и доступна) и отказ от таковых с выходом на значимость конкретного исследовательского фрагмента, идеи, посыла. В этой связи мы полагаем, что дали почву для новых размышлений по самым разным направлениям дискурсных и текстовых исследований социально актуализированных текстов.

Мы не склонны замыкаться на себе, а хотели бы продолжать исследования как в парадигме *emic* (свой взгляд на себя), так и *etic* (взгляд на нас со стороны). Сегодня среди наших авторов – ученые Беларуси и соседних государств (Литвы, России, Украины). Мы хотели бы и далее видеть в нашем авторском коллективе как тех, кто представляет белорусскую науку, так и коллег из ближнего и дальнего зарубежья.

Пройденный нами путь еще весьма мал. Далеко не все возможные исследовательские парадигмы были представлены здесь. Тем не менее, мы постарались охватить все единицы анализа, которые сегодня заявлены лингвистической наукой. Так, здесь были предложены результаты непосредст-

венных исследований открытого множества языковых знаков: слова, предложения, текста, газетного издания, а также ряда дискурсных пространств и их элементов (концептов) в сфере политической коммуникации. Для нас этот горизонт открыт. Впереди – анализ дискурсий, сценариев, жанров, видов речевой деятельности в сфере политической коммуникации.

Появление в монографии материалов к словарю продиктовано фактом терминологической открытости нашей исследовательской программы. Многие из хорошо известных терминов прочитываются здесь с позиций более сложных языковых знаков. Иные находятся на стадии номинативного и дефиниционного поиска. Но всем им нашлось место, ибо эти материалы также мыслились как проблемное и дискуссионное поле. Дальнейшая работа над терминологией, старой и новой, признанной и поисковой, непосредственно значима для расширения и спецификации методик и, бесспорно, необходима, как необходимы и сами исследования с использованием всего, что здесь было предложено и осмыслено.

Мы открыты и рады контактам с Вами, наш вдумчивый читатель.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев С.С.* Риторика как обобщение подхода к действительности // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981.
- Акимов В.П., Баранов А.Н., Сергеев В.М.* Компьютерная модель текущего сознания в системе Авгур // Исследования по когнитивным аспектам языка. Тарту, 1990.
- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Аптуняк А.* Власть и общество. Спор литератора и министра: Опыт анализа политического текста // Вопр. литературы. 1993. № 1.
- Арбиб М.* Метафорический мозг. М., 1976.
- Арно А. и Николь П.* Логика, или искусство мыслить. М., 1991.
- Арутюнова Н.Д.* Языковая метафора // Лингвистика поэта. М., 1979.
- Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
- Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М., 1988.
- Атватер И.* Я вас слушаю. М., 1984.
- Баранов А.Н.* Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М., 1990.
- Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.
- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Бедрина И.С.* Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах. Екатеринбург, 1995.
- Безменова Н. А.* Очерки по теории и истории риторики. М., 1991.
- Белнап Н., Стил Т.* Логика вопросов и ответов. М., 1981.
- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М., 1992.
- Библер В.С.* Мышление как творчество. Введение в логику мыслительного процесса. М., 1975.
- Блакар Р.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Блумер Г.* Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М., 1984.
- Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Бове, Арнс.* Современная реклама. М., 1995.
- Богушевич Д.Г.* Опыт классификации эпизодов вербального общения // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин, 1988.
- Богушевич Д.Г.* Характеристика коммуникативной роли и выбор формы иллокутивного компонента высказывания // Методика обучения иностранным языкам. Романское и германское языкознание. Вып. 4. Мн., 1989.
- Богушевич Д.Г., Ухванова И.Ф.* Актуализация потенциальной прагматической информации и типы общения // Вестн. Белорусского ун-та. Сер. IV. 1992. №2.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963.
- Болинджер Д.* Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Чем обусловлена транзитивность знания? // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988.
- Булыгина Т., Шмелев А.* Семантические исследования. М., 1996.

- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Вежбицка А.* Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопр. языкознания. 1993. № 4.
- Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Вендлер З.* Факты в языке // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
- Веселитский В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX вв. М., 1972.
- Ветошкина М.К.* О непосредственно составляющих диалога // Методика обучения иностранным языкам. Романское и германское языкознание. Вып. 5. Мн., 1990.
- Ветошкина М.К.* Опыт исчисления семантики речевой роли // Диалог о диалоге. Ижевск, 1991.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 1984.
- Вуйович И.* Вопросы лингво-страноведческого преподавания русского языка. М., 1986.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. Избранные психологические исследования. М., 1956.
- Гадамер Х.* Истина и метод. М., 1988.
- Гаджиев К.С.* Тоталитаризм как феномен двадцатого века // Вопр. философии. 1992. № 2.
- Гак В.Г.* Истина и люди // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гаспаров М.Л.* Рассказ Чехова «Хористка» с точки зрения риторической теории статусов // Вопр. языкознания. 1991. №1.
- Герасимов В.И., Петров В.В.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.
- Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
- Гловинская М.Я.* Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
- Горлатов А.М.* Речевые тактики как риторическое средство немецких рекламных средств // Герменевтика, стилистика, риторика: Тез. докл. 1-й науч. конф., 8-9 дек. 1993 г. Мн., 1995.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Графова Т.А.* Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.
- Гройс Б.* Поиск русской национальной идентичности // Вопр. философии. 1992. №1.
- Гусейнов Г.У.* Ложь как состояние сознания // Вопр. философии. 1989. №7.
- Дейк.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дж. Л. Остин.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
- Динсмор Дж.* Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык и интеллект. М., 1995.
- Дмитровская М.А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1987.

- Дмитровская М.А.* Употребление глаголов мнения и знания с различными типами пропозиций // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М., 1988.
- Добренко Е.* Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993.
- Жинкин Н.И.* Механизмы речи. М., 1958.
- Земская Е.А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопр. языкознания. 1996. № 3.
- Зернецкий П.В.* Речевое общение на английском языке (Коммуникативно-функциональный анализ дискурса). Киев, 1992.
- Зернецька О.В.* Нові засоби масової комунікації. Київ, 1993.
- Зюганов Г.А.* Россия - родина моя: Идеология государственного патриотизма. М., 1996.
- Зюскинд Р.* Парфюмер // Иностранная литература. 1991. № 8.
- Ивин А.А.* Основания логики оценок. М., 1970.
- Исупов К.Г.* Мифология истории // Санкт-Петербургские чтения по философии культуры. Кн.2. СПб., 1992.
- Каверин В.* Вместо предисловия // Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1989.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Караулов Ю.Н.* Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах // Язык: Система и функционирование. М., 1988.
- Карпов В.А.* Язык как система. Мн., 1992.
- Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
- Кассирер Э.* Техника политических мифов // Октябрь. 1993. №7.
- Кобозева И. М.* Реконструкция внутреннего мира коммуникантов по данным диалога // Исследования по когнитивным аспектам языка. Тарту, 1990.
- Кожевникова К.* Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М., 1979.
- Колшанский Г.В.* Текст как единица коммуникации // Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978.
- Корженевска-Берчинска И.* Новации в языковой картине мира российского человека на основе современных публицистических текстов. Польша, Ольштын, 1996.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1.
- Котюрова М.П.* Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск, 1988.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кузичева Е.М.* Смысловые связи текста и их лексическое выражение. Саратов, 1988.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. Гл. 1-6 // Теория метафоры. М., 1990. С. 387-415.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. Гл. 1, 13, 21, 23-24 // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- Лакофф Дж.* Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М., 1995.
- Лассан Э.* Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.
- Лассан Э.Р.* О власти языка и языке власти // Kalbotyra. Вып. 42(2). Вильнюс, 1991.
- Латынов В.В.* Речевое воздействие в условиях публичной дискуссии на материале парламентских выступлений // Психологический журнал. 1993. Т.15. №1.
- Лексика русского литературного языка XIX - начала XX вв.* М., 1981.

- Леонтьев А.А., Рябова Т.В.* Фазовая структура речевого аспекта и природа планов // Планы и модели будущего в речи. Тбилиси, 1970.
- Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М., 1967.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1991.
- Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. Т. 1. М., 1985.
- Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. М., 1994.
- Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
- Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. Л., 1972.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1979.
- Мак Кормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
- Мамардашвили М.К.* Мысль под запретом // Вопр. философии. 1992. №4-5.
- Матурана У.* Биология познания // Язык и интеллект. М., 1995.
- Морковкин С.* Словарь сочетаемости русского языка. М., 1976.
- Москальская О.И.* Семантика текста // Вопр. языкознания. 1980. № 6.
- Найссер У.* Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1981.
- Налимов В.В.* В поисках иных слов. М., 1993.
- Некрасов С.Н.* К критике теории «дискурсии власти» и «власти дискурсии» // Вопр. философии. 1987. №9.
- Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.* Вып. 1. М., 1997.
- Норман Б.Ю.* Синтаксис речевой деятельности. Мн., 1987.
- Ноуэлл-Смит П.Х.* Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Парахановский Б.А.* Семиотический субъект и субъект познания // Логика, психология, семиотика: аспекты взаимодействия. Киев, 1990.
- Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентативности в общественном сознании. М., 1983.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.* Образ политической и экономической теории в сознании россиян // Обществ. науки и современность. 1997. № 4.
- Поварнин С.И.* Спор. Теория и практика спора // Вопр. философии. 1990. №3.
- Попов М.Н.* Политическое красноречие. Спб., 1906.
- Попов Ю.В., Трегубович Т.П.* Текст: структура и семантика. Мн., 1984.
- Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М., 1990.
- Пузырев А.В.* Анаграммы как фоносемантическое средство: перспективы изучения // Проблемы фоносемантики. М., 1989.
- Разлогова Е.Э.* Когнитивные установки в прямых и непрямых ответах на вопрос // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
- Реферовская Е.А.* Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983.
- Розенталь Д.Э., Кохтев Н.И.* Язык рекламных текстов. М., 1981.
- Розениток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 1995.
- Русский язык конца XX столетия (1985-1995) /* Под ред. Е.А. Земской. М., 1996.
- Рябцева Н.К.* «Вопрос»: прототипическое значение концепта // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
- Рябцева Н.К.* Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.

- Сахно С.Л.* Свое-чужое в концептуальных структурах // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
- Семененко Л.П.* Аспекты лингвистической теории монолога. М., 1996.
- Серль Дж. Р.* Перевернутое слово // Вопр. философии. 1992. №4.
- Сковородников А.П.* Об экологии русского языка // Филол. науки. 1992. № 5-6.
- Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный:* В 4 ч. Спб., 1806-1822.
- Словарь русского языка:* В 4 т. Т. 4. М., 1984.
- Словарь синонимов русского языка:* В 2 т. М., 1994.
- Словарь церковно-славянского и русского языка / Сост. II отд. Императорской АН:* В 4 т. Спб., 1847-1867.
- Смирнов А.А.* Проблемы психологии памяти. М., 1966.
- Современное зарубежное языкознание /* Под ред. А.С. Мельничук. Киев, 1993.
- Солсо Р.Л.* Когнитивная психология. М., 1996.
- Сорокин Ю.А.* Развитие словарного состава русского литературного языка (30–90-е гг. XIX в.). М., 1982.
- Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
- Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20-го века. М., 1995.
- Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как часть языка // VIII Междунар. конгресс МАПРЯЛ: Докл. Мн., 1994.
- Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопр. языкознания. 1995. № 6.
- Супрун А.Е.* Лекции по теории речевой деятельности. Мн., 1996.
- Суровягин С.П.* Является ли чувство альтернативой понимания // Логико-семантический анализ структур знания. Основания и применение. Новосибирск, 1989.
- Сухих С.А.* Семантическая организация текста и принципы ее анализа // Логико-семантические и прагматические проблемы текста. Красноярск, 1990.
- Тарасов Е.Ф.* Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
- Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Токарева И.И.* Сопоставительное изучение речевого поведения. Проблемы, принципы, теория. Мн., 1996.
- Топоров В.* Об одном архаическом индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре— *svet- // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1990.
- Тугаринов В.П.* Теория ценностей в марксизме. Л., 1968.
- Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Семантический анализ текстового материала современных лозунгов-плакатов // Вестн. Белорусского ун-та. Сер. IV. 1988. №3.
- Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Семантика слова, предложения, текста: точки соприкосновения // Семантико-стилистические исследования слова и предложения. Барнаул, 1990.
- Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Формирование и кодирование предметно-ориентированного компонента прагматического содержания текста // Семантика и прагматика текста. Барнаул, 1991.
- Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Прагматический анализ текстов средств массовой информации авторитарной и демократической тенденций // Взаимодействие средств массовой коммуникации, публики и институтов власти в демократическом процессе: Материалы междунар. коллоквиума (На русском и английском языках). Мн., 1991.
- Ухванова-Шмыгова И.Ф.* В поисках реалий семантического ядра текста // Вестн. Белорусского ун-та. Сер. IV. 1992. №3.

- Ухванова-Шмыгова И.Ф.* План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе // *Философская и социологическая мысль.* 1993. №3.
- Ухванова-Шмыгова И.Ф.* План содержания газеты: стратегия выбора: Материалы спецкурса «Газета как единое целое: новые подходы к выработке концептуального решения газеты» для студентов факультета журналистики». Мн., 1994.
- Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Кортёжная информация в текстах СМИ как типологический критерий // *Междунар. конф. МАПРЯЛ «Литературы и языки восточных славян сегодня. Состояние и тенденции развития».* Польша, Ополе, 1996.
- Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Обзор литературы по проблематике: исследования плана содержания средств массовой информации // *Новые исследования в зарубежной лингвистике.* Мн., 1996.
- Ученова В.В.* Гносеологические проблемы публицистики. М., 1971.
- Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 23. М., 1988.
- Чейф У.Л.* Память и вербализация прошлого опыта // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 12. М., 1983.
- Человеческий фактор в языке.* Язык и порождение речи. М., 1991.
- Шабес В.Я.* Событие и текст. М., 1989.
- Шатуновский И.Б.* Думать и считать: еще раз о видах мнения // *Логический анализ языка: Ментальные действия.* М., 1993.
- Шатуновский И.Б.* Коммуникативные типы высказываний, описывающих действительность // *Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке.* М., 1995.
- Швейцер А.Д.* К разработке понятийного аппарата социолингвистики // *Социально-лингвистические исследования.* М., 1976.
- Шулепова О.Б.* Философское исследование бытия человека и феномен несогласия // *Вечные философские проблемы.* Новосибирск, 1991.
- Эпштейн М.Н.* Идеология и язык // *Вопр. языкознания.* 1991. №6.
- Этимологический словарь русского языка.* Т.1 / Под ред. Н.М.Шанского. М., 1963.
- Язык и идеология.* Критика идеологических концепций функционирования и развития языка. Киев, 1981.
- 50/50: Опыт словаря нового мышления/* Под общ. ред. Ю.Афанасьева и М.Ферро. М., 1996.
- Althen G.* *American Ways.* Yarmouth: Intercultural Press, 1988.
- Bagdekian B.* *Media Monopolies.* Boston, 1990.
- Bernstein B.* *Class, Codes and Control.* London: Routledge, 1971.
- Bolten H.* *Interkulturelles Verhandlungstraining// Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache.* 1992. N18.
- Brown S.* 57 Channels and Nothing On // *Newsday.* 1995. May 21.
- Brown P. and Levinson S.* *Politeness: Some Universals in Language Usage.* Cambridge: Univ. Press, 1987.
- Bußmann H.* *Lexikon der Sprachwissenschaft.* Stuttgart: Kröner, 1990.
- Carbaugh D.* *Toward a Perspective on Cultural Communication and Intercultural Contact// Semiotica.* 1990. Vol.80, 1/2.
- Channels of Discourse reassembled.* Television and contemporary criticism. Routledge, 1992.
- Cole G.D.* *History of Socialist Thought.* London, 1953. Vol.1.; 1954. Vol.2.
- Currie H.* *Sociolinguistics and the Two American Orthodoxies.* Texas: Austin, 1975.
- Daneš F.* *On linguistic strata (levels)// Travaux Linguistics de Prague.* Vol. IX. Prague, 1971.
- Dechmann M.* *Sprache – Denken – Wissenschaft. Grundfragen einer Theorie soziologischen Handelns.* Bern, 1977.

- Directions in Socio-linguistics* / J.Gumperz and D. Hymes (eds). New York: Holt, Rinehart and Winston, 1987.
- Dressler W.* Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1972.
- Deutsches Universalwörterbuch.* Mannheim: Dudenverlag, 1996.
- Duszak A.* «Newspeak»: The past and the Present of Polish Political Discourse // Developing Discourse-awareness in cross-cultural contexts. Radziejowice, 1996.
- Eco U.* The role of the reader. Bloomington, IN: Univ. of Indiana Press, 1979.
- Fabro T., Peplaw L.A.* Power Strategies in Intimate Relationships // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. N.38.
- Fiske J.* Television Culture. London: Methuen, 1987.
- Freedman A.* The Computer Glossary. The Complete Illustrated Dictionary. New York: American Management Association, 1995.
- French J.R.P., Raven B.H.* The Bases of Social Power // Studies in Social Power / D. Cartwright (ed). Ann Arbor, 1959.
- Gaffney I.* The Language of Political Leadership in Contemporary Britain. London: McMillan, 1991.
- Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1986.
- Glasgow Media Group.* Bad News. London: Routledge and Kegan Paul, 1976.
- Glasgow Media Group.* More Bad News. London: Routledge and Kegan Paul, 1980.
- Glasgow Media Group.* War and Peace News. London: Routledge and Kegan Paul, 1985.
- Gore A.* Speech to the International Telecommunications Union Conference. Buenos-Aires, 1994.
- Grice H.P.* Logic and Conversation// Syntax and Semantics./ P.Cole and J.Morgan (eds). Vol.3. New York: Academic Press, 1975.
- Grässel U.* Sprachverhalten und Gespräch. Pfaffenweiler: Centaurus, 1991.
- Haddad N.* Kultur und Sprache. Eine kontrastive Analyse als didaktisches Konzept am Beispiel des Deutschen und des Arabischen. Frankfurt a. M.: Iudicum, 1987.
- Hartmann P.* Textlinguistik als Linguistische Aufgabe // Konkrete Dichtung – Konkrete Kunst. Tübingen, 1972.
- Hinderlang G.* Dialoganalyse und Psychotherapie// Handbuch der Dialoganalyse. Tübingen: Niemeyer, 1994.
- Hofstede R.* Dimensions of National Culture in Fifty Countries and Three Regions// Explications in Cross-Cultural Psychology. The Netherlands, Lisse, 1983.
- Hymes D.* The Ethnography of Speaking// Anthropology and Human Behavior. Washington D.C.: Anthropological Society of Washington, 1962.
- Krusche D.* Zur Hermeneutik der Landeskunde// Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. 1989. Vol. 15.
- Leech G.* Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983.
- Let the Digital Age Bloom // The Economist. 1995. Febr. 25.
- Möhn D., Pelka R.* Fachsprachen. Eine Einführung. Tübingen: Linguistische Arbeitsberichte, 1984.
- Matsumoto D.* Cultural Influences on the Perception of Emotion// Journal of Cross-Cultural Psychology. 1989. Vol.20.
- McQuail D.* Mass Communication Theory. An Introduction. London: Sage Publications, 1994.
- Mowlana H.* The Emerging World Order: For Whom and For What// Media Development. 1992. N. 2.
- Oukhvanova I.F.* Cause-Genetic theory of text content // XVIth International Congress of Linguists. Paris, Juli 20-25, 1997. Abstracts. Paris: LLACAN, 1997.
- Oukhvanova I.F.* Study of the Hierarchy of Values of the written Mass Media Audience in Belarus: Project Report // Social Sciences in Transition. Social Science Information Needs

- and Provision in a Changing Europe/ H.Best, U.Becker, A.Marks (eds). Vol.4. Bonn, 1996.
- Penguin Book of Twentieth-century Speeches/* B. MacArthur (ed.). Penguin, 1992–1993.
- Petöfi J.S.* Einige allgemeine Aspekte der Analyse und Beschreibung wissenschaftssprachlicher Texte// Wissenschaftssprache. Beiträge zur Methodologie theoretische Forschung und Deskription. München: Bungarten, 1981.
- Reader into cultural studies/* A. Barker, B. Beerer (eds). Routledge, 1992.
- Ruggerio G.* The History of European Liberalism & Conservatism// Encyclopaedia Britannica. Vol. 6. Chicago--London, 1969.
- Sappok C.* Dialoganalyse und Prosodie// Handbuch der Dialoganalyse. Tübingen: Niemeyer, 1994.
- Saville-Troike M.* The Ethnography of Communication. Oxford: Blackwell, 1988.
- Sawhney H.* Information Superhighway: Metaphors as Midwives // Media, Culture and Society. Vol.18.
- Schank R., Abelson R.* Skripts, Plans and Understanding. New York, 1977.
- Schank G.* Linguistische Konfliktanalyse // Konflikte in Gesprächen. Tübingen: Narr, 1987.
- Schiller H.* Information Inequality. London: Routledge, 1996.
- Schlüter H.* Grundkurs der Rhetorik. München: DTV Wissenschaft, 1994.
- Schröder H.* Aspekte einer Didaktik// Methodik des fachbezogenen Fremdsprachenunterrichts. Bd.20. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1988.
- Schwab S.* Television in the Nineties. Revolution or Confusion? // Vital Speeches of the Day. 1994. Vol. LXI, N1. Oct. 15.
- Schwarz M., Chur J.* Semantik. Tübingen: Narr, 1993.
- Sgall P.* Remarks on text, language and communication // Text vs Sentence. Basic Questions of Text Linguistics. Hamburg, 1979.
- Smith P., Dugan Sh.* National culture and the values of organizational employees// Journal of Cross-Cultural Psychology. 1996. Vol. 27, N. 2.
- Soars J., Soars L.* Headway: Students Book. Upper Intermediate. Oxford Univ. Press, 1987.
- Stolt B.* Kulturbarrieren als Übersetzungsproblem. Einige ethno-methodologische Gesichtspunkte// Teaching Translating. Papers read at the Symposium in Stockholm University on 6-7 march 1987. Stockholm, 1987.
- Strohner H.* Kognitive Systeme. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995.
- Stroinska M.* Some aspects of categorization in sociolinguistics// Developing discourse awareness in cross-cultural contexts. Warsaw: Univ. of Warsaw, 1996.
- Swales J.* Genre Analysis. Camb. Univ. Press, 1990.
- Süskind P.* Das Parfum. Zürich: Diogenes, 1994.
- Tokareva I.* Language and Gender Roles// Человек в контексте культуры и литературы США. Вып.1. Мн., 1996.
- Ventola E.* The Structure of Social Interaction. London: Frances Printer, 1990.
- Wahrig G.* Deutsches Wörterbuch. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1994.
- Weidemann B.* Das Bild im Sprachunterricht: Lehrhilfe oder Lerngegenstand?// Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. 1989. N15.
- Whorf B.* Science and Linguistics// Language, Thought and Reality. New York: Wiley, 1956.
- Wierlacher A.* Kulturwissenschaftliche Xenologie// Kulturthema Fremdheit. Leitbegriffe und Problemfelder kulturwissenschaftlicher Fremdeitsforschung. München: Iudicum, 1993.

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ*

Аллюзия – отсылка в тексте на другие события или их интерпретации, поведенческие реалии, опыт, *тексты*.

Адресант – автор устного или письменного сообщения (высказывания, текста); коммуникант.

Адресат – получатель устного или письменного сообщения (высказывания, текста); коммуникант.

Валентность – способность языкового знака вступать в синтаксические связи с другими языковыми знаками.

Вариант – данное видоизменение или разновидность (реализация, манифестация) языковой единицы;

инвариант – элемент системы в отвлечении от его конкретных реализаций.

Дейксис – один из способов *референции*, противопоставляется *номинации*, это противопоставление нейтрализуется в ролевом дейксисе; указание на значение или функцию языкового знака; служит для актуализации компонентов ситуации речи и компонентов денотативного (см. *денотат*) содержания текста. Сфера дейксиса включает:

- 1) указание на участников *речевой трансакции* – ролевой дейксис (*я, мы, мой, твой*);
- 2) указание на степень отдаленности объекта высказывания (*этот, тот, вон, вот*);
- 3) указание на временную и пространственную локализацию сообщаемого факта – хронотопический дейксис (*здесь, сейчас*).

Денотат – предмет, явление, событие, ситуация или их определенное множество, обозначаемые языковым знаком; элемент экстенционального содержания.

Десигнат – означаемое.

Дискурс – текст в социальном контексте, дающем представление об участниках и условиях коммуникации. В литературе бытуют также такие определения дискурса, как «*связная речь*» (*connected speech*) (Харрис); «*текст высказывания*» (*geäußerter Text*) (ван Дейк); «*связный*

---

* Словарь специальных терминов, которые используются авторами данной книги, имеет алфавитно-тезаурусную структуру. Нами выбраны основные термины, а остальные сгруппированы по полемому признаку.

текст» (*kohärenter Text*) (Беллерт), что позволяет в отдельных случаях употреблять слова «*текст*» и «*дискурс*» как синонимы.

Дискурсия – социально-дифференцированная речевая практика.

Политический дискурс – совокупность политических дискурсов социума: дискурса власти, контрдискурсии, публичной риторики, закрепляющих сложившуюся систему общественных отношений либо дестабилизирующих ее.

Иллокуция – часть семантики высказывания, содержащая *интенцию адресанта*.

Иллокутивная сила дискурса – эффект воздействия на аудиторию.

Импликатура – сознательное и значимое нарушение принципа кооперации, вызванное социальными условиями или же действием *принципа вежливости*.

Интенция – цель высказывания; коммуникативное задание.

Картина мира (концептуальная модель мира) – отражение (процесс и результат) взаимосвязи и взаимозависимости структур, объективной реальности в их иерархии и значимости для субъекта.

Знаковая картина мира – отражение (процесс и результат) концептуальной модели мира в структуре и семантике языка; отражение (закрепление) взаимосвязи и взаимозависимости языковых знаков в знаковой системе, определяющее их валентность (способность сочетаться с другими знаками).

Интертекстуальность (интертекстуальная картина мира) – отражение взаимосвязи и взаимозависимости текстов, обуславливающее их содержательный потенциал (*см. текстовые реми-нисценции*).

Интерсубъектность (интерсубъектная/межличностная картина мира) – отражение специфики (характера) субъектного взаимодействия в плане содержания языковых знаков (*см. субъекты коммуникации*).

Каузально-генетический подход – исследование плана содержания языка с позиций выявления факторных величин (*см. фактор*) и их результатов как элементов генетического кода явления.

Каузально-генетическая теория – система знаний о плане *содержания* языка (в том числе сложных *языковых знаков – текста*, супертекста) с учетом динамики его развития, аналитической и синтетической направленности, кодирования и декодирования.

Кортеж – группа коммуникантов, вовлеченных во *фрейм* определенного речевого акта непосредственно (устное общение) или опосредованно (письменное общение) в их взаимодействии (межличностное взаимодействие); оригинальная, открытая изменениям, субъектно-ориентированная деятельность; отражение такой деятельности в стиле общения; компонент содержательного ядра текста (также *кортежное содержание*).

Знаковый кортеж (также исторический кортеж, знак кортежа, **знаково-кортежное содержание**) – зафиксированная знаком (текстом), его структурно-системной организацией, исторически значимая кортежная деятельность; отраженное в знаке типовое поведение коммуникантов (жанрово-композиционный содержательный тип); компонент содержательного ядра текста.

Семантический октаэдр – системная таблица элементов (типов, видов, аспектов) плана содержания языка (языкового знака), определяющая структурное место и системную организацию каждого из элементов; базовая каузально-генетическая модель плана содержания, включающая функциональные группы и подгруппы содержательных компонентов (дихотомий, триплетов, квадриумов) и их модели.

Ключевое слово – понятийный центр сложного языкового знака (предложения, текста, супертекста), доминанта в иерархии смыслов.

Ключевой объект – тематический объект или объекты; предметно-ориентированная тема (событие); элемент темы (наряду с ключевым субъектом).

Ключевой субъект – тематический субъект или субъекты, названные в тексте как участники события и формирующие тематическое поле текста; элемент темы (наряду с ключевым объектом).

Тема-рематический индикатор – лексическая единица как фактор развития темы.

Теморематизация – операция по распределению смысловых элементов текста между категориями темы (исходного момента сообщения) и ремы (компонента, создающего предикативность).

Тема (текста) – то, «о чем» говорится в тексте; данная (*given*) информация.

Рема (текста) – то, как развивается тема, что именно говорится о теме; новая информация в рамках обозначенной темы.

Тематическая прогрессия – процесс развертывания темы высказывания в рамках текста: соединение отдельных элементов содержания (нарративных – повествовательных, дескриптивных – описательных, экспликативных – пояснительных, аргументивных – обосновывающих) в единый текст.

Когерентность – текстообразующая связь между предложениями, охватывающая все виды грамматических и семантических отношений в рамках текста, смысловое единство когнитивных структур.

Когнитивная система – ментальный континуум, состоящий из множества **ментальных** схем, «вложенных» друг в друга по закону сетей; совокупность знаний, хранящихся в долговременной памяти индивидуума. Содержит три основных типа информации:

- 1) об окружающем мире и самом индивидууме (*концептуальная информация*);
- 2) о языке (*ментальный лексикон*);
- 3) о процессах накопления и обработки информации (*процедурная информация*).

Коммуниканты – участники общения.

Коммуникативная сила – интеграция аргументирующей (семантической), мотивирующей (сигматической), прагматической и аккумулирующей (синтактической) организующих сил дискурса.

Коммуникативное намерение – намерение **адресанта** использовать в качестве коммуникативной одну/несколько/все из речевоздействующих сил дискурса для решения речевой/неречевой задачи общения.

Коммуникативный замысел – планирование **адресантом** использования определенной последовательности способов речевой деятельности (семантических, сигматических, синтактических, прагматических) в конкретной ситуации речевого общения.

Компетенция – знание системы правил, порождаемых коммуникантом.

Концепт – понятие, сформулированная идея текста/дискурса.

Координаты речепроизводства дискурса – отношения языковых знаков в речевой деятельности: 1) прагматическая координата – связь единицы речевой деятельности с прогнозируемым действием на **адресата** и его ответной речевой/неречевой активностью; 2) семантическая координата – связь между знаком и его мыслительным эквивалентом (значением, понятием); 3) сигматическая координата – развертывание **адресантом** социальных и личностных смыслов с учетом опыта познавательной деятельности; 4) синтактическая координата – речевое воздействие последовательности языковых знаков на **адресата** в рамках дискурса.

Лингвистика лжи – направление в лингвистике, исследующее способы

манипуляции сознанием при помощи языковых средств.

Ментальные схемы – элементы опыта, отображающие познанную сущность объектов, действий, процессов, событий в определенном социокультурном пространстве.

Ментальные узлы – компоненты ментальных схем.

Стандартные ментальные узлы – ментальные образования, свойственные *всем* носителям данной национальной культуры.

Модальность – понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания/текста и отношения содержания высказывания к действительности. Категория развивается в понятиях *диктум* и *модус* (Ш. Балли, В. Виноградов).

Диктум – отношение содержания высказывания/текста к действительности.

Модус – отношение адресанта к содержанию высказывания/текста.

Модель – воспроизведение структуры во взаимодействии ее элементов.

Номинация – называние как процесс и результат.

Ономасиология – наука об обозначении, названии, номинации

Семасиология – наука о значении, сигнификации.

Парадигма – совокупность языковых знаков, связанных парадигматическими отношениями.

Парадигматические отношения – межзнаковые отношения разных уровней (морфологического, лексического, семантического...) в языковой системе.

Парадигматический фактор – системообразующий фактор («принцип включения» языковых знаков в языковую систему).

Перформатив – языковой знак (слово, текст), предъявление которого одновременно называет и производит называемое им действие.

Поле (семантическое) – совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания и отражающих предметное, понятийное или функциональное сходство обозначаемых явлений.

Поля принадлежности – это логические структуры, в рамках которых осуществляется группировка слов-характеристик (лексических единиц по-

ля), знаково развивающих ключевой объект и ключевой субъект текста. Структурные поля принадлежности делятся на:

- 1) поле принадлежности ключевого объекта;
- 2) поле принадлежности ключевого субъекта;
- 3) поле внешней принадлежности (здесь могут быть комментарии со стороны: автора, субъектов, не вошедших в поле ключевого субъекта, аудитории).

Прагмалингвистика – наука об использовании структурных ресурсов языка с целью воздействия на адресата.

Социопрагматика – это наука об условиях использования языка в конкретной социальной ситуации.

Прагматика – наука о воздействии языковых знаков (дискурса) на участников коммуникации.

Общая прагматика – изучение основных принципов функционирования языка в социуме.

Прикладная прагматика – изучение специфики вербального общения в профессиональных областях.

Предикация – операция соединения предметов мысли (выраженных предикатом и его актантами) для формирования структуры *пропозиции*.

Пресуппозиция – то, что говорящий подразумевает, в противоположность тому, что утверждается. В более узком смысле (при двухсоставном анализе предложений) – предполагаемая информация, в отличие от фокусированной.

Принцип общения – основное правило, определяющее использование формальных и семантических ресурсов языка в процессе общения.

Принцип вежливости – предполагает такое речевое поведение *коммуникантов*, которое создает наиболее благоприятные условия для вербального и невербального поведения *субъектов* коммуникации (Лич).

Принцип кооперации – предполагает, что речевой вклад каждого из участников общения направлен на облегчение достижения общей цели (Грайс).

Принцип прагматической достаточности – предполагает, что содержание и форма речевых актов должна быть необходимой и достаточной для достижения внеязыковой цели в конкретных условиях общения.

Постулат – формулировка одного из требований принципа общения.

Пропозиция – единица (unit) значения, которая формирует тему высказывания в форме простого повествовательного предложения; логическая форма единицы смысла, передающая связь предиката с его носителем.

Верифицируемая пропозиция – пропозиция, истинностное значение которой может быть проверено в силу того, что она описывает некоторое положение дел в реальном мире.

Неверифицируемая пропозиция – пропозиция, истинностное значение которой в принципе не может быть проверено, так как она описывает оценки, взгляды субъекта на мир.

Эпистемический статус пропозиции – место, занимаемое пропозицией на шкале истинности.

Процедурная информация – информация, включающая ментальные схемы действий индивидуума в физическом и социальном мире.

Процесс – понятие, используемое в ходе лингвистического анализа, когда одни элементы являются результатом изменений других элементов. Термин является центральным в модели лингвистического описания, соотносящей единицу (форму) и процесс, «item-and-process model» (item – индивидуальная лингвистическая форма в инвентаризации, но не классификации языковых форм). (Ср.: item-and-arrangement = linear sequence of items; item-and-process = derivation of items; word-and paradigm model = within a set of variables).

Психолингвистика – раздел лингвистики, изучающий корреляции между лингвистическим поведением и умственными (mental) процессами и навыками (skills). Ранее эта область знаний называлась психологией языка. Изучение специфики познания ребенком языка выделяется в особую дисциплину, получившую название *эволюционная психолингвистика*.

Референт – отражение денотата (реального объекта или события) в языковом знаке, с которым он соотносится.

Референция – операция соотнесения языкового знака с событиями, объектами реального мира, которые этот знак отражает.

Речевая деятельность – сумма актов говорения и понимания.

Речевая транзакция – речевое взаимодействие двух и более коммуникантов.

Речевое воздействие – одна из разновидностей взаимного влияния коммуникантов в процессе общения, интенсивность и продолжи-

тельность которой непосредственно связаны со спецификой когнитивной системы коммуникантов – организацией их знаний о мире, о языке и о структурах социального поведения.

Речевое событие – коммуникативный обмен, значимость которого определяется культурно-специфическими характеристиками участников общения, жанров, кодов и других элементов.

Речевой акт – коммуникативная деятельность или локутивный акт с учетом намерений говорящего; минимальная единица текстового уровня, выступающая в виде действия для достижения взаимопонимания между участниками коммуникации.

Речевой ход – речевой/речевые шаг/шаги коммуниканта от момента вступления в общение до смены говорящего.

Речевой шаг – минимальная самостоятельная единица речевой деятельности, состоящая из речевого/речевых акта/актов с единой иллюкутивной силой.

«Свой мир» – ментальная схема большой интенсивности «вложений», которая организует информацию в когнитивной системе реципиента, меняя концептуальное наполнение норм этики и внося коррективы в процесс принятия решений.

Семантизация – операция по установлению ассоциативной связи между планом содержания и планом выражения языкового знака.

Семантика – наука о значении в языке.

Структурная семантика – применение принципов структурной лингвистики к исследованиям значения.

Семиотика – наука о знаках и их использовании.

Синтагма – секвенция, знаковая последовательность как единство.

Синтагматический фактор – «принцип включения» языковых знаков в линейно-знаковый контекст.

Система – сеть модельных (patterned) отношений.

Социолингвистика – область лингвистики, изучающая интеграционную роль языка в социуме.

Стилистика – вариативность языка коммуникантов, специфика их вербального поведения.

Структура – целостность взаимосвязанных языковых форм (units); связь лингвистических элементов определенного уровня.

Сценарий коммуникации – коммуникативно значимые параметры ситуации речевого общения.

Субъекты коммуникации – непосредственные (устное общение) или опосредованные (письменное общение) участники коммуникации; **адресант, адресат**.

Текст – сложный языковой знак, информационный пакет в единстве его формы и содержания, значения (предметного содержания) и значимости (субъектного содержания), процесса и результата. Возможны разные «прочтения» данного термина, например: текст как зафиксированный в знаке практический опыт и речевое поведение конкретного субъекта, подчиненные единому замыслу и воспроизведенные как единое целое (акцент на смысловые параметры знака, ограниченные социально-временными факторами); воплощенный в знаке результат деятельности; текст как знаковый пространственно организованный процесс (акцент на категориальные, устойчивые параметры знака); воплощенный в знаке вид деятельности. Также текстовая деятельность, **дискурс**.

Политический текст – это вербализованная политическая деятельность во всех ее проявлениях, как знаковых/символических (номинативная и аккумулятивная деятельность), так и незнаковых (тексты-перформативы). Это понятие охватывает тематический объем и стилевые особенности реализованной в языке и средствами языка политической активности.

Содержание текста, план содержания текста (супертекста) – совокупность смыслов (категориальных и феноменологических), типов, видов, аспектов содержания. Причем все компоненты содержания могут реализовываться как в своем индивидуальном звучании (в структурном, аналитическом прочтении), так и в «аккордах», преобразующих весь содержательный план текста (в функциональном прочтении).

В каузально-генетическом прочтении план содержания языка определяется как динамическая система, постоянно испытывающая на себе воздействие ряда взаимосвязанных и взаимопроникающих факторов и фактумов, формирующих категориальный, феноменологический (дискретный, ограниченный временными рамками) и универсальный (смешанный) типы содержания. Данный подход преодолевает рамки лингвистической традиции и способен вместить многообразие трактовок и подходов к проблеме. В перспективе это совпадает с тенденциями развития современной гуманистики (лингвистики, семиотики, антропологии).

Категориальный тип содержания – (ср. ideational, idea-centred meaning) – план содержания, отражающий идеальные конструкты.

Феноменологический тип содержания – (ср. image-centred meaning) отражение в языковом знаке феномена, материального явления, его образа. Каузально-генетическая теория содержания выделяет четыре таких константных феномена содержания – феномены реальной действительности, выявляемые в процессе практической (субъект-предмет) и коммуникативной (субъект-субъект) деятельности коммуникантов (референты и кортежи) и феномены знаковой действительности, выделяемые в процессе функционально языковой деятельности и деятельности по аккумулярованию языкового опыта (знаки референтов и знаки кортежей).

Универсальный тип содержания – совокупность элементов содержания, порождаемых параллельным действием факторов и фактумов; объединяет категориальный и феноменологический типы содержания; включает составляющие всех возможных функциональных содержательных подсистем языка.

Имплицитное содержание текста – подразумеваемое, выраженное неявно.

Эксплицитное содержание текста – непосредственно выраженное, манифестируемое содержание.

Экстенциональное содержание текста – выносящее вопрос верификации в практическую и поведенческую деятельность коммуникантов.

Интенциональное содержание текста – выносящее вопрос верификации в область функционирования языка и историческую деятельность.

Текстовые реминисценции – актуализация памяти об иных текстах в содержательной структуре сложного языкового знака (текста); «текст в тексте» (ср. *интертекстуальность*).

Топик – тема высказывания, раздел риторики – учение о топических структурах текста (*topoi*).

Фактор – причина длительного и направленного действия; также факторный процесс, факторная деятельность. Примерами содержательных факторов являются: социальная практика, познавательная деятельность, взаимодействие текстов в процессе систематизации и в исторической прогрессии.

Фактум – результирующая причина, порождающая конкретные языковые феномены; также фактумная деятельность. Примерами содержа-

тельных фактумов текста являются: практическая деятельность, а также речеповеденческая, номинативная и знаково аккумулятивная.

Фокус (высказывания, дискурса) – пространство, в рамках которого или по отношению к которому осуществляется понимание дискурса.

Фрейм – лингво-когнитивная единица: совокупность языковых элементов, обозначающих определенный аспект концептуального или акционального целого; структура знаний, отражающая стереотипные ситуации.

«Чужой мир» – контрастная по отношению к «своему миру» ментальная схема.

Этнолингвистика – область лингвистики, исследующая язык как компонент национальной культуры и отображение этнопсихологии народа.

Стереотип (в *этнолингвистике*) – принятая в данном обществе (конвенциональная) модель речевого поведения, элемент языковой картины мира.

Этносемантика – раздел этнолингвистики, изучающий способы категоризации действительности в семантике языковых единиц.

Этнография общения – раздел этнолингвистики, изучающий речевое поведение как модель культуры.

Этнометодология – принятый в этнолингвистике метод изучения речевого поведения как формы повседневной жизни и способа формирования социальных миров говорящими.

Языковой знак – слово, предложение, текст, газета, книга, собрание сочинений, вид словесности; дискретная, самостоятельно функционирующая единица речевой деятельности, характеризующаяся многоплановостью и цельностью, представленная в единстве формы и содержания, значения и значимости; объект лингво-семиотического исследования, поддающийся аналитическому и синтетическому изучению, проявляющий себя с позиций статики и динамики (структуры и функционального бытия), как самостоятельный элемент речевой коммуникации и языкового процесса.

В рамках каузально-генетической теории знак рассматривается как информационный пакет, который имеет свою структурную, системную, линейную и иерархическую организацию; обладает самостоятельным референтным, знаково-референтным, кортежным и знаково-кортежным содержанием; семантически структурирован в рамках октаэдра, определяющего направленность его системных информативно-значимых

отношений. Является одновременно знаком социального, интеллектуального (познавательного), языкового и речевого процессов, знаком языкового опыта и функционирования языка, знаком практической деятельности и коммуникации. Различаются простые (слово, предложение/высказывание, абзац/фраза) и сложные (текст, газета, книга) языковые знаки. Критерием различения служит степень самостоятельности (многоплановость значения) и диапазон функциональных нагрузок (широта значимости) знака в речевой деятельности.

КРАТКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Богушевич Дмитрий Георгиевич, доктор филологических наук, профессор Минского государственного лингвистического университета (Минск)

Горлатов Анатолий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент Минского государственного лингвистического университета (Минск)

Дылевский Игорь Антонович, журналист, «Белорусская Нива» (Минск)

Елсукова Наталья Альбертовна, преподаватель Белорусского государственного университета (Минск)

Зернецкая Ольга Васильевна, кандидат филологических наук, докторант Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины (Киев)

Зернецкий Павел Васильевич, кандидат филологических наук, доцент Национального университета «Киево-Могилянская Академия» (Киев)

Калюта Александр Михайлович, кандидат филологических наук, доцент Белорусского государственного университета (Минск)

Коршук Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Белорусского государственного университета (Минск)

Лассан Элеонора Руфимовна, доктор филологических наук, профессор Вильнюсского государственного университета (Вильнюс)

Максюта Георгий Викторович, кандидат философских наук, ст. преп. Европейского государственного университета (Минск)

Наумова Светлана Ивановна, кандидат философских наук, доцент Республиканского института высшей школы (Минск)

Пермякова Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного университета (Пермь)

Поташкина Елена Николаевна, аспирант Минского государственного лингвистического университета (Минск)

Руденко Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент Белорусского государственного университета (Минск)

Супрун Адам Евгеньевич, доктор филологических наук, профессор Белорусского государственного университета (Минск)

Суркова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент Белорусского государственного университета (Минск)

Тарасевич Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, докторант Белорусского государственного университета (Минск)

Тихомирова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент Белорусского государственного университета (Минск)

Токарева Ирина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент
Минского государственного лингвистического университета (Минск)

Третьякова Галина Николаевна, кандидат филологических наук,
докторант Минского государственного лингвистического университета
(Минск)

Ухванова-Шмыгова Ирина Фроловна, доктор филологических наук,
профессор Белорусского государственного университета (Минск)

Чижевская Елена Евгеньевна, преподаватель Белорусского
государственного университета (Минск)

Научное издание

**МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:**

**Актуальные проблемы содержательного анализа
общественно-политических текстов**

Выпуск I

Редакторы: *Н. П. Аникеенко, Г. В. Лозовская*

Оригинал-макет подготовлен Издательским центром Белгосуниверситета

Подписано в печать 08.03.98. Формат 60×84/16. Бумага тип. № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,51. Уч.-изд. л. 19,2.

Тираж 250 экз. Заказ

Белгосуниверситет. Лицензия ЛВ № 414 от 11.03.93.

220050, Минск, пр. Ф.Скорины, 4.

